

ИАКОВ АМФИТЕАТРОВ

**БЕСЕДЫ ОБ ОТНОШЕНИИ
ЦЕРКВИ К ХРИСТИАНАМ**

Иаков Амфитеатров

Беседы об отношении Церкви к христианам

*По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II*

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2001

Ред. Golden-Ship.ru 2012

Содержание

От издателей

[Предисловие](#)

**[Беседа первая. О том, что Церковь есть мать наша по праву
возрождения в Таинстве святого Крещения](#)**

[Молитвы в первый день, по внегда родити жене отроча](#)

[Молитва во еже назнаменати отроча, приемлющее имя](#)

[Последование святого Крещения](#)

[Молитвы жене родильнице, по четьредесяти днех](#)

**[Беседа вторая. О том, что Церковь есть мать наша по святому
праву обновления нас в Таинстве Покаяния](#)**

[Как Церковь обращается с грешником в святом Таинстве Покаяния](#)

Какою силою Церковь обновляет и воскрешает грешника

Какие драгоценные выгоды Церковь предоставляет грешнику чрез Таинство Покаяния

Беседа третья. О том, что Церковь есть мать христианам по долгу воспитания

Дух и характер церковного воспитания

Как Церковь вводит оный дух в дома христиан

Беседа четвертая. Еще о церковных средствах домашнего воспитания христиан

Обращение к сотрудникам священников Божиих

Обращение ко всем, без различия пола, звания и состояния

Господь есть единый истинный и всемогущий Освятитель и Просветитель душ наших

Беседа пятая. О местах и временах церковно-общественного воспитания христиан

Какие места Церковь Господня назначает для общественного воспитания нашего

Какие времена Церковь назначает для общественного учения христиан

Беседа шестая. О предметах церковно-общественного воспитания христиан

Знание историческое

Знание догматическое

Знание практическое

Беседа седьмая. О способах церковно-общественного учения христиан

Способ священных знамений и образов

Способ священных действий

Словесный способ общественного наставления

Беседа восьмая. О том, что Церковь есть мать наша по долгу хранения и промысления (Сущность утренних и вечерних молитв)

Молитвы утренние

Молитвы на сон грядущим

Беседа девятая. Попечения Церкви о жилищах христиан

Чин основания дома

Чин благословения нового дома

Освящение старых домов в дни великих празднеств

Беседа десятая. Попечения Церкви о жизненном продовольствии христиан

Священнодействия Церкви над водою

Беседа одиннадцатая. Моления Церкви о благорастворении воздушных и огненной стихии

Молитвы о благорастворении воздушных

Молитвы на прецение громов и молний

Какие Церковь употребляет средства для безвредного действия огня

Беседа двенадцатая. Моления Церкви о произведениях земли

Молитва над сеянием

Молитва над гумном

Крестные ходы на поля и нивы христианские

Молитвы в насаждение винограда или сада вообще

Чин, бываемый на нивах, или винограде, или вертограде, аще случится вредиться от гадов и прочего

Беседа тринадцатая. Моления Церкви об успехе христиан в различных промыслах житейских

Чин благословения стад овчих или иных скотов

Чин благословения новых сетей для ловитвы рыб

Беседа четырнадцатая. Моления Церкви о плавающих и путешествующих

Чин благословения в путешествие

Чин благословити новый корабль или ладью

Чин благословения хотящим по водам плыти

Беседа пятнадцатая. Последование в бездожде

Беседа шестнадцатая. Попечение Церкви о потребностях христианина по виду очень простых и неважных

Молитва на всякую немощь

Молитва на неспящего

Молитва на студные помыслы

Молитва сущих в запрещении и себе клятвою связующих

Молитва о дерзостно клянующихся

Другие молитвы

Беседа семнадцатая. О том, как многие христиане принимают попечение Церкви о них

Таинства

Учение Церкви

Храмы и богослужения

Уставы, законоположения, обряды церковные

От издателей

Настоящая публикация подготовлена по изданию: *И. К. Амфитеатров. Беседы об отношении Церкви к христианам. Спб., 1899.*

Текст «Бесед» приведен в соответствие с современной практикой, а именно: произведена замена некоторых (немногочисленных) стилистических и грамматических архаизмов. Подзаголовки, включенные автором в ткань повествования, для удобства читателей вынесены за текст. Все это делалось с таким расчетом, чтобы не исказить смысла и стиля повествования. Цитаты из Священного Писания и творений святых отцов даны, как и у автора; причем цитаты из творений святых отцов не исправлены по источникам, а оставлены так, как было произнесено и записано автором, то есть в приблизительном, небуквальном пересказе. Сохранены авторские смысловые подчеркивания: курсивом и полужирным шрифтом.

Предисловие

И слово, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор. 2, 4–5).

Сие изречение апостольское раскрывает перед нами сущность церковной проповеди, в которой действует сила Божия, даже если она заключена в самые простые, обыденные, безыскусные, на первый взгляд, слова. Знаменитый церковный проповедник, профессор Киевской духовной академии Иаков Косьмич Амфитеатров (1802–1848) именно такому, простому, изложению научал своих слушателей-академистов и именно таким, не хитросплетенным, но живым и ярким, словом увлекал сердца.

После окончания духовной семинарии он, сын простого причетника, поступил в Киевскую духовную академию. Готовясь к высокому пастырскому служению, Иаков Косьмич особенное внимание обращал на изучение церковной словесности, тщательно изучал и перечитывал книги по церковному красноречию. В результате, по окончании курса в 1829 году со степенью магистра богословия и словесных наук, он был оставлен при академии в качестве бакалавра по кафедре церковной словесности, или гомилетики. Преосвященный Филарет (Амфитеатров), впоследствии митрополит Киевский, – родственник Иакова Косьмича – писал ему по этому поводу: «Мне очень приятно, что ты займешься церковным красноречием. Для верного в сем успеха советую читать тебе более всего творения святых отцов Церкви, а наипаче святого Златоуста. Из сих только святых источников можно почерпнуть изобильно воду чистую для напоения душ, искупленных Кровию Христовою».

То, что советовал преосвященный Филарет, было, в сущности, выражением затаенных мыслей и намерений самого Иакова Косьмича.

В то время церковная словесность в своих положениях и правилах была целиком заимствована с Запада. По произведениям знаменитых европейских проповедников намечались, устанавливались правила церковного красноречия, которые мало-помалу сложились в стройную науку. Само собой разумеется, что правила этой науки требовали от всех проповедников одних и тех же приемов, даже одних и тех же словесных оборотов, и именно тех, какими отличались западные проповедники. Без всяких изменений западная наука церковного красноречия была перенесена и к нам. Существовали «Правила церковного красноречия», и все должны были составлять свои проповеди по ним, все должны были в живом деле проповедания слова Божия подчиняться мертвым формулам старинной риторики!

Ясно, какая работа выпадала на долю того, кто захотел бы науку церковной словесности превратить из ряда мертвых формул в живое дело. Такая огромная задача выпала на долю молодого бакалавра Амфитеатрова, и он не убоился предстоявшего ему дела, но с несказанной ревностью и любовью принялся за него. В основу русской проповеди он решил положить творения, беседы и речи святых отцов. «Вот где,— пламенно говорил он своим слушателям,— родное наше красноречие! Вот у кого учитесь писать! А французы и немцы нам не годятся...»

Плодом этих трудов явился вышедший в 1846 году двухтомник Иакова Косьмича Амфитеатрова, тогда уже профессора, «Чтения о церковной словесности, или Гомилетика». Вот что писал автору об этой книге ректор академии епископ Иннокентий: «Я сретаю Вашу прекрасную книгу как давнего и давно ожидаемого знакомого и приятеля. И прежде он стоил уважения, а теперь еще более. Всегдашняя благодарность Вам от всей учебной и ученой части нашей! Вы одолжили ее много и надолго трудом своим. Без Вас эта стезя, доселе мало удобная к проезду, может быть несколько разделана, но, по всей вероятности, наполовину немецкою киркою, наполовину французским топориком, а не русскою церковною мотыкою...»

Мы не ошибемся, если скажем, что книга Амфитеатрова создала целую эпоху в истории русского церковного красноречия и что

отечественная гомилетика начинается именно с этого момента, а сам Амфитеатров бесспорно должен быть признан создателем, отцом этой науки у нас, в России. Книга Иакова Косьмича была замечена и Государем, и 26 марта 1848 года император Николай I пожаловал автору осыпанный бриллиантами перстень.

В истории русской проповеди Иаков Косьмич Амфитеатров замечателен не только тем, что он первый поставил ее на должную научную высоту, и не только тем, что он воспитал в духе премудрости и страха Божия целый ряд молодых, впоследствии знаменитых, проповедников, – с самого начала своей профессорской службы Иаков Косьмич еженедельно выступал с церковной кафедры в различных киевских храмах. Появление его на церковном амвоне было настоящим праздником для киевлян. Да и неудивительно: самые простые, самые обыкновенные жизненные случаи и примеры он умел обращать в предмет беседы, извлекая из них наставления и назидания; при этом о самых отвлеченных истинах христианского вероучения он умел говорить в высшей степени простыми и ясными словами, проникавшими до самой глубины сердец слушателей. Вот как пишет об этом современник и биограф Амфитеатрова, известный критик В. Аскоченский: «Просто, даже как бы неловко, всходит бывало он (Иаков Косьмич) на кафедру церковную; начинает по-видимому без одушевления; но чем дальше, тем прикованней к проповеднику становится внимание слушателя, тем обильнее пошло в душу его животворное слово. Вы слушаете его не с той горделивой осанкой, которую невольно придает вам красноречивый оратор, не с выражением критицизма, даже не с готовою на устах похвалою, – нет, при сказывании Амфитеатровым поучения никто, бывало, духу не переведет, с похвалою некогда собратъся. Он сполна завладел вами и уже не выпустит вас из рук до последних, заключительных слов своих: “Ему же слава во веки веков, аминь”. Но вот уже нет властителя ваших дум благочестивых; он сошел с кафедры так же просто, так же неловко; вы проводили его благодарными очами и уже забыли личность проповедника. С вами осталось только живое, поражающее слово его, и вы осязательно чувствуете, как глубоко и благотворно пошло оно в душу вашу...»

Плодом такого живого, одушевленного проповедничества явились и предлагаемые «Беседы об отношении Церкви к христианам». Начиная с первых же шагов своей проповеднической деятельности, профессор Амфитеатров записывал все свои проповеди и поучения, но большинство из них света все-таки не увидели. Главной причиной тому удивительная, чрезвычайная скромность проповедника и высокая требовательность к себе. «Что вам мои проповеди, – отвечал обыкновенно он, когда к нему обращались с просьбой дать его произведения для переписки, – читайте лучше святого Димитрия Ростовского да святого Златоуста...»

В «Беседах об отношении Церкви к христианам» мы видим плоды зрелого ума и вполне расцветшего проповеднического дарования. Все, чем дорога была речь Амфитеатрова его почитателям: необычайная сила слова, потрясающая сердце, редкая умиленность, увлекательность, способность в кратких словах, но ясно и всесторонне охватить весь затронутый вопрос и при всем этом та «помазанность» слова, которая так располагает всякого слушателя, – все это заключают в себе «Беседы». Предметом их содержания, как видно из заглавия, служат отношения Церкви к христианам. Само содержание не может не поражать новизной и оригинальностью. До Иакова Косьмича еще никто из наших отечественных проповедников не избирал отношения Церкви к ее чадам главным предметом такого полного и всестороннего исследования. Иаков Амфитеатров со всей силой присущего ему ораторского таланта шаг за шагом показывал, как Церковь, подобно любвеобильной матери, с необычайной нежностью заботится о своих чадах-христианах, об их благоденствии, с необычайной внимательностью следит за каждым шагом их жизни и во всяком затруднительном случае, во всякой потребности приходит им на помощь своими пламенными молитвами, своими установлениями, чинами и последованиями, приуроченными к каждому случаю. Вместе с тем автор хочет научить и самих чад Церкви – христиан, как во всех затруднительных жизненных случаях они могут находить наставление и утешение, отраду и благопотребную помощь в святых уставах и учреждениях Церкви. В «Беседах» показана вся важность и благодетельность единственного верного и спасительного руководства в жизни верующих – руководства Святой Церкви: чрезвычайно ясно

проведена мысль, что Церковь есть любвеобильная мать своих нежно любимых чад – христиан, и вместе с тем указывается, как в разных случаях следует этим чадам прибегать к помощи и заступлению своей матери-Церкви. «Люди с земными помыслами, с плотскими взглядами на жизнь человека, – говорит автор в одном месте своих “Бесед”, – привыкли находить в этой жизни, в этом великом даре Божиим, гораздо более обстоятельств простых, случаев мелких, потребностей неважных, чем важных. Пред очами Церкви, пред ее матернею любовью ко своим благодатным детям ничего нет простого, мелкого, неважного в жизни христианина. Ее прозорливый и попечительный взор на все обращен с одинаковым вниманием и заботливостью. И чем житейские потребности наши по-видимому маловажнее, чем случаи проще и обыкновеннее, тем глубже открываются ее заботы, тем нежнее и величественнее является любовь ее».

Книга И. К. Амфитеатрова была встречена с огромным интересом, она переиздавалась десять раз и неизменно привлекала читателей.

Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но аз не забуду тебе, глаголет Господь. Се на руках Моих написах стены твоя, и предо Мною еси присно. (Ис. 49:15–16)

Еда забудет жена отроча свое... Я прочел сии слова Господни для того, чтобы ими начать беседы мои о тех святых отношениях, о той великой любви, которую Церковь Божия имеет к нам, христианам. Не буду входить в отвлеченные размышления о сем предмете; поищу в нем таких строк, которые ближе к нам, ближе к житейским и домашним потребностям христианина. Часто слышим, что Церковь называют матерью. Остановлюсь на этом простом понятии – на понятии о Церкви Божией как о матери нашей – и постараюсь объяснить, что она действительно есть мать всем нам: что она рождает нас, воспитывает нас, хранит и промышляет о нас как о собственных детях. Она мать по святому праву возрождения, по святому праву духовного воспитания, по святому праву хранения и промышления.

Иаков Амфитеатров

Беседа первая. О том, что Церковь есть мать наша по праву возрождения в Таинстве святого Крещения

В нынешней беседе изложу только первую мысль: **Церковь есть мать наша по святому праву рождения**, и то в одном отношении – в отношении к **святому Таинству Крещения**.

Все мы как христиане имеем двоякое рождение: одно естественное, другое благодатное. Первым рождают нас плотские родители наши, вторым – Церковь. И то, и другое суть весьма важные события в нашей жизни: первое рождение есть высокое торжество природы, второе есть высокое торжество благодати Божией. О первом рождении говорит Спаситель наш: *жена, егда раждает, скорьбь имать, яко прииде год ея, егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир* (Ин. 16, 21). Так, братие мои, наши матери скорбят и болезнуют в годину рождения, потому что все наши матери в ту минуту, как начинают быть матерями, необходимо должны испытывать над собою всю силу Господня слова, еще в раю сказанного им: *в болезнех родиши чада* (Быт. 3, 16). И вот *жена, егда раждает, скорьбь имать*. Но эта скорьбь великая скоро обращается в неизъяснимую радость, потому что жена делается тем, чем она больше всего на свете желает быть, – делается матерью, получает такое значение, которое возвышает ее и в собственных глазах, и в глазах других, получает право, которое сильнее законов и оружия может защитить ее, получает имя, которое достопочтеннее многих имен, какими украшается суетная пышность света, – имя и значение, которые заставляют ее забыть все скорби и муки рождения, как бы ни были они ужасны. *Егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир*, – явилась от сердца матери как бы вторая жизнь ее, в великом мире Божиим явилось новое существо, которое по сану и месту своему выше всех видимых тварей, – *родися человек в мир*.

Но, увы, братие мои! Все мы зачинаемся в беззакониях и рождаемся во грехах, а это такое несчастье, пред которым все преимущества и дары нашей природы гибнут. Какая польза, что ты человек, если в то же время ты грешник неоправданный? Какая участь предоставлена сему юному творению, которое не имеет другой матери, кроме матери плотской? *Чада бывають мерзка, чада грешников... и аще родитесь, на клятву родитесь, и аще умрете, в клятву разделени будете* (Сир. 41, 8, 12). Что за радость дать человеку бытие, над которым тяготее вечное проклятие? Ах, если бы у нас было одно естественное рождение, мы были бы несчастнее всех тварей. Если бы отцы и матери рождали бы детей только на грех, то лучше бы в целом мире никому не быть отцом и матерью. Если бы дети рождались только грешными, без надежды оправдания и освящения, они умножили бы собою только число отверженных, быв исключены из наследия Божия; и тогда о всех нас надлежало бы сказать то же, что Спаситель наш сказал об одном человеке: лучше было бы, если б тот человек не родился (см.: Мф. 26, 24)!

Так самое лучшее торжество для природы человеческой есть торжество самое печальное, если оно совершается без участия благодати; потому что твое юное и само по себе невинное дитя носит на себе твою вину. Но когда любезный и вместе печальный плод матерней утробы возбуждает одну жалость без надежды помочь ему обыкновенными средствами человеческими, тогда к нему и к вам спешит на помощь Святая Церковь. Тогда является она истинною и богоучрежденною матерью того создания, которое не докончила или худо кончила наша природа. Каким образом?

Вот церковная книга (Требник), в которой представлен образ нашего возрождения.

Молитвы в первый день, по внегда родити жене отроча

Из сих святых молитв явствует, что Святая Церковь приемлет в свои объятия мать и дитя тотчас по рождении. Не мое дело входить в ваши

чувства, в ваши заботы, надежды и страхи, какие смущают вас в то время, как в семьях ваших совершается одно из самых решительных событий. Я говорю только, что, когда родившая и рожденное страдают и когда при этом зрелище ваша душа находится в тягостном, иногда крайне сомнительном положении, тогда Святая Церковь с нежнейшим участием входит в ваше состояние, состраждет болезням ваших больных, подобно тому как Искупитель страдал болезнями целого мира, и вашему домашнему происшествию старается дать вид священный и торжественный. Вы спешите к врачам телесным, а она, благословляя ваши попечения, обращается к Целителю всемирному и молит Господа Вседержителя, чтоб Он Сам был врачом родившей, чтобы сохранил душу и тело ее от крайнего изнеможения, которое теперь весьма естественно, и чтобы скорее восстановил ее от одра болезни. Смотря на этот одр, вы ничего более не представляете, кроме страданий матери, которых не в состоянии облегчить,— Святая Церковь умоляет Владыку жизни, чтобы Он поставил небесных стражей у болезненного одра матери, оградил почивающую на нем «светлыми и сияющими ангелами» и хранил ее — больную и слабую — не только от враждебных сил невидимых, но вместе от злобных, завистливых и презорливых взглядов людских. После сего вы можете не просто покоить вашу больную; нет, вы должны с благоговением приступать к одру ее, потому что здесь не вы одни, а есть лучшие вас светоносные существа.

Что особенного можете вы находить в этой колыбели, в которой первый раз после утробы матерней успокоился ваш новый семьянин? Ничего, кроме обыкновенного приюта, какой вы дали слабому из слабейших существ. Святая Церковь при взоре на колыбель дитяти вспоминает ясли, в которых возлегал Искупитель наш, «яко младенец... и, яко детищ, восприемлем бывый». Она умоляет Господа собственным Его младенчеством соблюдать вашего младенца «от всякого яда, от всякия лютости, от всякия бури сопротивнаго». Она молит своего и вашего Спасителя, чтобы Он и вашу мать, и ваше дитя покрыл кровом крыл Своих, якоже кокош покрывает птенцов своих. Ах, братие мои, может ли быть что важнее сих попечений Церкви? Может ли что сравниться с ее материнскою любовью и усердием к вам?

Молитва во еже назнаменати отроча, приемлющее имя

Святая Церковь начинает возрождение младенца наречением ему имени. Она молит Господа Вседержителя, чтобы свет лица Его знаменался на юном творении; чтобы Крест Единородного Сына Божия напечатлелся в сердце и помышлениях его; чтобы святое имя Искупителя осталось неотреченным от вашего дитяти. Нарекая святое имя, Церковь, во-первых, дает разуместь, что ваш новый человек должен быть освящен свыше, во-вторых, выражает то действие, которое совершалось над Искупителем в восьмой день по закону Моисееву, и тем самым старается ближе поставить вашего младенца к его и вашему Спасителю. Вы много дорожите отличиями, какие доставляет вам общество; вы говорите, что имя дает человеку вес и значение в свете. Разве имя церковное не дает значения вашему дитяти? Оно есть у него первая собственность, которая останется с ним на всю жизнь; оно для вас неоднократно будет служить единственным выражением нежнейшей любви и привязанности вашей. Получая имя, ваш новорожденный получает себе предстателя на небе, молитвенника за себя пред престолом Божиим, – получает ангела-хранителя своей жизни, который неусыпнее вас, который нежнее и усерднее к его спасению и безопасности, чем вы, земные отцы и матери, который разделит с вами все ваши земные попечения о дитяти и прибавит к вашим свои небесные молитвы. К именам сынов и дочерей своих вы прибавляете фамилии ваши собственные, фамилии ваших предков – особенно если эти предки славны. Разве менее важны и знамениты те святые фамилии, которые дает Церковь вашим детям? Вы непрестанно слышите славные имена Павлов, Иоаннов, Александров, Екатерин, Марий и множество других. Разве это пустые звуки? Герои, имена которых вы носите, разве хуже героев, прославленных светскою историею? Нет; собор древних патриархов и пророков, лики святых апостолов, исповедников, мучеников, подвижников, защитников веры и человечества – весь сонм святых Божиих, торжествующих на небеси, отображается нашими именами на земле, непрестанно животворится в нашей памяти как живой урок священной истории, а ходатайство того лица, имя которого мы носим,

постоянно укрепляет нашу связь с миром духовным. Нет ближайшего для нас напоминания о Церкви небесной, как наше имя; для дитяти оно есть истинный узел, связующий его с небесною Церковью, и потому истинное благодаяние Церкви.

Последование святого Крещения

Когда вы помышляете о том, как бы устроить домашний праздник в честь нового семьянина вашего, Церковь заботится устроить торжество гораздо важнейшее и для вас, и для него,— заботится совершить великое и пренебесное Таинство святого Крещения. И здесь-то собственно является она матерью, рождающею христианина, потому что Крещение есть наше духовное рождение, новое бытие наше, несравненно лучшее того, которое мы получаем в плотском рождении; есть торжество благодати Божией, о котором бывает радость на небеси пред ангелы Божиими.

Может быть, ты не раз приготавливала душистые воды, чтобы погружать в них юного любимца души твоей,— так это долг материнский! Однако что значат твои воды перед освященною водою, в которую Святая Церковь погружает твое дитя? Они не могут омыть ни одного пятна болезненного на теле младенца и худо укрепляют слабые члены его — вода святого Крещения омывает древнюю, закоренелую болезнь нашу, омывает первородный грех. В Таинстве Крещения человек возвращает себе первобытную невинность и святость, которая потеряна еще в раю едемском. Таинством святого Крещения крещаемый освобождается из темной области сатаны и причисляется к сонму чад Божиих. В Таинстве Крещения он сочетается Искупителю и Творцу своему, приемлет Его образ, прививается к Нему, как юная ветвь к дереву жизни. Словом, он весь пересозидается. Чело, орудия зрения, слуха и обоняния, перси, руки и ноги — все знаменуется в нем печатью дара Духа Святаго в Таинстве Миропомазания. Сама одежда крещаемого, простая и безыскусственная, цвета самого естественного — белого, получает в Таинстве Крещения характер высший и священный: она есть выражение чистой и оправданной души, паче снега убелившейся, есть указание на одежду нетления, на облачение в заслуги Искупителя

и Господа нашего: «елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь».

Молитвы жене родильнице, по čtyредесяти днях

В сороковой день по рождении Святая Церковь **действием воцерковления** спешит сретить дитя и мать во храме Божием подобно тому, как Искупителя нашего Симеон и Анна сретили в храме Иерусалимском. «Господи Боже наш, – молит она устами священника Божия, – в čtyредесятый день Младенец законному храму принесенный от Марии неискусобрачныя и Святыя Твоя Матере и на объятых праведнаго Симеона носимый! Сам, Владыко всесильне, и принесеннаго сего младенца явитися Тебе, всех Творцу, благослови и на всякое дело благое и Тебе благоугодное возрасти, отгоняя от него всякую сопротивную силу знаменiem воображения Креста Твоего. Ты бо еси храни младицы, Господи...» Действием воцерковления Церковь отверзает новорожденному вход во святой храм и вводит его туда, как в новую вселенную, созданную и освященную Кровию Искупителя нашего. «Внидет в дом Твой, поклонится ко храму святому Твоему». Действием воцерковления Церковь поставляет новорожденного среди избранных Божиих и причисляет к лику певец бесплотных, да славит и воспевае Зиждителя всяческих: «Посреде церкви воспое Тя». Действием воцерковления Церковь спешит представить младенца алтарю, или престолу Божию, в знак того, что здесь происходит новая встреча и приветствие младенца с Господом и что отселе ваше дитя ест святая жертва, принесенная вами Богу. Отселе и новорожденный, и мать его, и восприемник с совершенным спокойствием могут повторять благодарную молитву святого Симеона Богоприимца: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром: яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей...». Поистине они увидели спасение от Господа, увидели свет, просвещающий новорожденных, и славу народа Божия.

После сего вы можете предаваться всей родительской нежности к своим детям. Из любви к вам Святая Церковь употребила сильнейшие средства (ибо ничего нет сильнее ее Таинств), чтобы даровать высшую жизнь дитяти вашему, – и даровала, оправдав его, крестив его, просветив, миропомазав, освятив и омыв во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Что такое теперь для вас дитя ваше? Оно есть родной сын уже не вам одним, а вместе благодатный сын Господа, друг святых Божиих, дитя Церкви Божией, семьянин целого мира христианского, потому что каждый христианин, кто бы он ни был, где бы ни жил, по духу христианства обязан так же пещись о нем, как о собственном детище.

Что такое дитя ваше? Возрожденное Церковью, оно есть существо лучшее и светонеснейшее вас, есть ваша святыня домашняя, к которой вы должны обращаться не только с любовью и ласками, но с великим уважением и благоговением. Может случиться, что вы уже давно потеряли святость Крещения, какую сообщила вам Церковь; может быть, взрослые члены вашего семейства успели уже изгладить печать Духа Божия, скинуть одежду оправдания; и благодать уже отступила от вашего дома. Теперь она опять вступила в дом ваш с вашим новорожденным, почивая на нем и готовая почтить на всей вашей фамилии.

Я сказал «может быть». Так, братие мои, все мы были некогда в купели святого Крещения, и для всех нас была она раем благодатным. По выходе из нее мы во всю жизнь свою должны бы оставаться чистыми и невинными, как ангелы Божии, но кто из нас похвалится, что он донныне сохранил благодать и святость Крещения? После Крещения мы пали, подобно праотцу нашему; мы многократно падаем, и этот рай навсегда заключился пред нами, подобно раю едемскому; в другой раз мы не можем войти в купель, не можем *второе* креститься (ср.: Еф. 4, 5). Что было бы с нами, если бы Святая Церковь оставила нас при одном Таинстве Крещения? *Волею бо согрешающим нам по приятию разума истины, – говорит святой Павел, – ктому о гресех не обретается жертва: страшно же некое чаяние суда и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10, 26–27). Ах, мы все погибли бы от этой пожирающей ревности огня Божия, погибли бы горше

иудеев и язычников, если бы Церковь не поспешила к нам на помощь с другими средствами оправдания и освящения нашего! Какие это средства? Увидим их впоследствии; и увидим, что Святая Церковь есть такая мать наша, которая, породивши нас однажды в купели Крещения, никогда не оставляет детей своих. Все может покинуть и забыть человека: богатство и слава, честь и достоинство, отец и мать, сродники и друзья – одна Церковь не покинет и не забудет христианина. *Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но аз не забуду тебе,* – говорит Церковь словами Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава во веки веков. Аминь.

Беседа вторая. О том, что Церковь есть мать наша по святому праву обновления нас в Таинстве Покаяния

Увы, братие-христиане, в наш век нет нужды почитать сомнительным вопрос: *Еда забудет жена отроча свое*, то есть может ли плотская мать забыть дитя свое? Ибо нам нельзя утаить, что в наше время есть матери, которые забывают любовь и материнские обязанности к детям; зато, к утешению нашему, мы должны повторить вторую половину текста: *Аще и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе*. Это значит, что одна Церковь никогда не забывает чад своих, если только они сами добровольно и нагло не отрекутся от нее. Она ведает, что ничьи дети так не слабы, так не склонны к упрямству, к ошибкам и падению, как ее дети. Потому она приняла мудрые предосторожности и средства, дабы ежеминутно быть готовою на помощь нам, ежеминутно обновлять нас, как скоро мы падем и утратим благодать святого Крещения. Потому именно установлено Таинство Покаяния, которое есть как бы второе и многократное Крещение наше. **Церковь есть мать наша по праву рождения, или точнее, по праву воскресения нас чрез Таинство Покаяния** – предмет, о котором буду говорить.

Как Церковь обращается с грешником в святом Таинстве Покаяния

Известно, что оброк греха есть смерть и что каждый грешник, падший по святом Крещении, есть духовный мертвец, которому надобно вдохнуть новую жизнь. Посему-то Церковь в Таинстве Покаяния обращается с кающимся грешником, как с мертвецом или, по крайней мере, как с человеком, который находится в смертном обмороке. Сего последнего обыкновенно стараются привести в чувство; так же точно и Церковь прежде всего старается привести грешника в чувство

раскаяния. Врачи употребляют иногда раскаленное железо, чтобы произвести движение жизни, если человек находится в самом сильном оцепенении,— и Церковь употребляет иногда строгие меры покаяния, но гораздо чаще меры ее весьма кроткие. Тяжелый вздох есть первый признак, что человек, пораженный обмороком, возвратился к чувству и жизни. Точно так и Церковь старается исторгнуть из сердца кающегося грешника глубокие вздохи о грехах. Вопль и болезненные слезы свидетельствуют, что рождающийся младенец рождается живым, а не мертвым. И Церковь заповедует кающемуся грешнику глубокое сокрушение сердечное, умиление души, рыдание и слезы о беззакониях. «Хотяй исповедатися и истинно каятися,— говорит она,— да предлагает покаяние, себе самага умилив и сердце свое сокрушив, и жалея о себе, и сердечне болезнуя, яко грехами своими и преступлением святых Божественных заповедей преблагаго Создателя и Благодетеля своего прогнева и тем благодать Его от себе прогна... якоже осужденник стоя со страхом и трепетом, оце долу и руце к персем согбенне, аки связаны, имый». Сколько любви и нежных попечений оказывает Святая Церковь, чтобы привести грешника в чувство сокрушения и вдохнуть ему надежду на милосердие Божие! Предписывает служителю своему наивозможную кротость, наивозможное благоразумие, терпение и осторожность в обращении с кающимся грешником: «Да, послушав внимательно все исповедание и мудре величество и множество грехов разсудив, благоутробне отеческою любовию обличит и накажет его». Испытуя совесть грешника — хотя бы это был величайший грешник,— она не употребляет иного языка, кроме языка самой чадолюбивой матери. «Рцы ми, чадо! Скажи мне, сын мой!» — вот язык ее! Приводит самые трогательные примеры раскаявшихся и за то помилованных грешников. Предлагает Крест и Евангелие Искупителя как завет мира и прощения; закликает грешника Сердцеведцем Богом отвергнуть ложный стыд и неуместные опасения признания грехов своих. «Се, чадо,— вещает она устами отца духовного,— Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое; не усрамяся, ниже убойся, и да не скроеши что от мене; но не обинуюся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се и икона Его пред нами...»

Какою силою Церковь обновляет и воскрешает грешника

«Да приимеши оставление...» Не думаете ли вы, что легко оставить грехи, воскресить духовного мертвеца и даровать ему потерянную жизнь благодатную? Нет, это есть великое чудо благодати Божией, гораздо большее, нежели воскрешение мертвеца телесного. Так, братие-христиане, Всемогущему ничто не возбранит возвратить душу в охладевший труп, на это потребна одна всеильная воля Владыки жизни и смерти. Но и Сам Всемогущий не может без всякой причины простить грешнику самовольных грехов его, потому что всемогуществу Господа возбраняет Его всеильное правосудие, требующее наказания и смерти за грех, по оному определению: *в оньже аще день снесите от него* (то есть согрешите), *смертию умрете* (Быт. 2, 17). Между тем Церковь в Таинстве Покаяния совершает чудо воскрешения духовного. Какою силою? Силою заслуг и смерти Икупителя. Господь наш Иисус Христос Своими страданиями и крестною смертью стяжал Себе власть у Отца Небесного отпускать грехи наши и передал сию власть служителям Церкви Своей. Облеченные сею-то Божественною властью священники Божии и получают таинственную силу – разрешать смертные пелены греха, которыми связана душа грешника, яко мертвец. Церковь, в отношении к Таинству Покаяния, нарекла священников своих нашими отцами духовными и из любви к нам возложила на них самые строгие обязанности. Она сказала им: «Вся жизнь ваша должна быть единою непрерывною молитвою о согрешающих детях моих». Она повелела им ходатайствовать и проливать пламенные молитвы, особенно перед тем временем, когда они готовятся исповедывать. «Священник, во еже исповедати кого зван сый, – говорит правило церковное, – прежде даже к слушанию исповедания приступит, да внидет в клеть свою и теплыми молитвами да помощь Божию призовет, во еже достойно, право же и свято в пользу и спасение себе и кающемуся служение свое совершити возможет».

Ах, как трогательны те молитвы, которые Церковь влагает в уста священника и прежде и после исповеди нашей! «Благоутробный и

милостивый Боже,— взывает наш отец духовный в одной из молитв исповедных,— истязуй сердца и утробы и тайная человеческая Едино сведый,— сведый, яже и о мне,— да не омерзиши мя, ниже лица Твоего отвориши от мене, но презри моя согрешения в час сей и омой ми нечистоту телесную и скверну душевную, и всего мя освяти всесовершенною силою Твоею невидимою и десницею духовною, да не, свободу иным возвещая и сию подавая, сам, яко раб греху, неискусен буду. Ни, Владыко, Едино Благий и Человеколюбивый, да не возвращаюся смирен (уничужен) и посрамлен от Тебе; но послы ми силу с высоты святых славы Твоя и слово премудрости, и ум разумен; даруй ми благодать разсуждения духов и укрепи мя к службе подлежащей преславных, великих и небесных тайн; хотящих же рабов Твоих породитися мною недостойным и окаянным рабом Твоим покаянием святым и исповеданием грехов своих не отрини от Твоего лица, но сподоби их обрести благодать у Тебе... даждь им сокрушение сердечное и душевное умиление, и воспоминание всех грехов... не низложи их, но насади их сажение истины во Святой Соборной Апостольской Твоей Церкви».

Но что значили бы самые пламенные и сокрушенные молитвы пред престолом Судии Праведного, если бы священникам не было дано благодатное право разрешать грехи наши? Посему-то, говорю, самое важное дело в Таинстве Покаяния есть она Божественная власть, которую Вечный Первосвященник и Ходатай наш Иисус Христос, прошедый небеса, облек земных священников Своих. Когда грешник подробно исповедает грехи свои, когда искренно и глубоко раскается в них и даст твердое обещание не возвращаться на путь прежней беззаконной жизни, тогда священник Божий изрекает кающемуся совершение тайны святого Покаяния, глаголя: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо (имярек), вся согрешения твоя; и аз, недостойный иерей, властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Тогда-то, братие, совершается над грешником великое чудо воскресения духовного. Священник Божий, по данной ему Божественной власти, закрывает исповеданные грехи печатью молчания пред небом и землею; само Всевидящее Правосудие Божие уже не может взыскать сих грехов,

потому что их нет и как бы вовсе не было для Него. Сын гнева и смерти делается паки благодатным сыном Церкви и Господа, и тогда бывает на небеси радость пред ангелы Божиими о грешнике кающемся.

Какие драгоценные выгоды Церковь предоставляет грешнику чрез Таинство Покаяния

Святое Покаяние! что то за Церковь, которая не признает тебя Таинством?! Что было бы и с нами, если бы наша Церковь не сохранила для нас сего Таинства, если бы чрез него не благоволила многократно возрождать нас? Но она сохранила, и потому-то она есть мать наша, любящая нас несравненно более и святее, чем плотские матери любят детей своих. Она сохранила для нас сие святое и небесное Таинство и чрез сие открыла нам, христианам, неоцененные выгоды спасения. Ибо сие святое Таинство есть **способ спасения** нашего **всеобъемлющий**; им могут и должны пользоваться родители и дети, молодые и старые, люди всех полов и званий; особенно всеобъемлющий потому, что им могут врачеваться все греховные раны. Есть грехи обыкновенные, грехи неведения и ежедневной слабости человеческой, но есть и грехи смертные, есть грехи, которых одно имя приводит в ужас,— однако и для величайших грешников не закрыта дверь покаяния, если только сами они добровольно не закроют ее. Что ужаснее греха Иудина? Но Иуда, по учению отцов Церкви, был бы прощен, если бы раскаялся и в отчаянии не сделался самоубийцею. Ужасен был грех того коринфянина, о котором говорил святой Павел: *Отнюд слышится в вас блужение, и таково блужение, якоже ни во языцех именуется* (1 Кор. 5, 1). Но когда грешник показал признаки покаяния, то Апостол Господа Иисуса Христа, в одном послании повелевавший нечестивца предать сатане (см.: 1 Кор. 5, 5), в другом писал уже о нем к коринфянам: *утвердите к нему любовь... да не како мною скорбию пожерт будет таковый* (2 Кор. 2, 8, 7). «Но что нужды поведати о коринфянах? – рассуждает святой Златоуст. – Петр по приобщении Таин трижды отрекся – и, прослезившись, все

загладил. Павел гонительствовал, хулил, оскорблял и не только Распятому, но и всем присвоенным Ему досаждал, однако, покаявшись, сделался апостолом» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии. Беседа первая).

Святое Таинство Покаяния есть способ возрождения нашего **всегдашний**, потому что его можно употреблять во всякое время. Как скоро согрешил, то есть умер духовно, тогда же и покаяйся, то есть возродись. «Сколько бы ты ни падал на площади, всякий раз встаешь,– говорит вселенский Златоустый учитель.– Таким же образом, сколько раз ни согрешишь, кайся о грехе, не отчаявай себя. Аще и вторицею согрешишь, вторицею покаяйся; если, и в самой последней седине будучи, согрешишь – войди, покаяйся. Здесь, в церкви, врачебное место есть, не судное; не казнь наносит оно за грехи, но грехов прощение дает. Единому Богу скажи грех твой, рцы: *Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих* (Пс. 50, 6),– и отпустится грех твой» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии. Беседа третья).

Покаяние есть способ возрождения весьма **легкий и удобный** для нас, потому что им так же легко можем пользоваться, как легко нам мыслить, как естественно скорбеть и смущаться после дурного дела. «Ты грешен? Не отчаивайся,– увещевает святой Златоуст.– Согрешил ты? Скажи Богу твоему: согрешил я! Что за труд в этом? Какая скорбь, какая тягость сказать одно слово: согрешил я!.. Ты согрешил? Войди в церковь и скажи пред Богом: согрешил я! Ничего иного от тебя не требую... Божественное бо Писание учит: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26),– скажи грех, чтобы разрешить грех. Скажи слово, объяви грех, признайся во грехе и скажи: согрешил я – и ты разрешишься от греха» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии. Беседа вторая).

Наконец, покаяние есть способ очищения нашего **непрерывный**, потому что мы непрерывно можем и должны каяться; а еще более потому, что сама Церковь непрестанно молится о нашем раскаянии. Несмотря на легкость покаяния, мы все, однако же, легче грешим, нежели каемся; грешим каждый день и час, а покаяние забываем иногда на целые годы. Церковь, зная нашу слабость, спешит помочь

нам. Для этого она установила общественные времена покаяния; для этого большую часть молитв своих наполнила крепкими воплями за нас; для этого же ежедневно в своих священнослужениях сама исповедует грехи наши за нас: ежедневно и многократно в день взывает ко Господу, да простит нам грехи не только ведомые, но и неведомые, да «некающихся и мертвых прегрешеньми Сам подвигнет к покаянию и призовет к жизни духовной» – словом, она непрестанно вопиет за нас Богу, яко Давид кающийся: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей* (Пс. 50, 1).

Чего можем более желать от матери нашей Церкви? Се на руках ее написаны безопасность жизни и спасение душ наших. Она носит нас, как младенцев, в своих молитвах и священнодействиях, в своей христоролюбивой душе и сердце. Каковы бы мы ни были – худы ли, хороши ли – но все мы присно пред нею, пред ее материнскими очами. *Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе... Се на руках Моих написах стены твоя, и предо Мною еси присно,*– глаголет Господь Вседержитель, а с Ним и Церковь Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Беседа третья

О том, что Церковь есть мать христианам по долгу воспитания

...Наложу дух Мой на семя твое и благословения Моя на чада твоя. И прозябнут, аки трава посреде воды и яко верба при воде текущей. Сей речет: Божий есмь... и другой напишет рукою своею: Божий есмь (Ис. 44, 3–5).

Прежде я беседовал с вами, братие мои, о том, что Церковь есть мать наша по святому праву духовного рождения; теперь следует предложить любви вашей беседы о том, что она есть мать наша по святому долгу воспитания, которое у нее, как и везде, имеет два вида: воспитание домашнее и общественное. Ныне буду говорить о том, что **Церковь есть мать наша по долгу воспитания домашнего**. В приведенных мною словах Писания изображен дух и характер церковного воспитания; а потому, во-первых, изложу сей дух и характер и, во-вторых, изъясню, как Церковь старается ввести оный дух и характер в дома христиан.

Дух и характер церковного воспитания

Не ожидайте, братие мои, чтобы Церковь обещала или заботилась дать вам или вашим детям ту блестящую образованность, какую дает светская жизнь и светское воспитание. Сию заботу она предоставляет свету и вашему благоразумию, а сама, благословляя то, что есть доброго в светском воспитании, старается придать ему высшее и духовнейшее значение. *Наложу,*– говорит,– *дух Мой на семя твое*. Это не есть дух мира, который, обольщая молодых и старых христиан, чаще убивает, чем оживляет их. Не есть дух времени, который движет миллионы людей к тому, что хорошо или кажется хорошим ныне, то, о чем неизвестно, каково оно будет завтра. Не есть дух модного

просвещения, которое может быть и умно, но которое детей добродушных по природе часто превращает в людей искусственных, в людей с подложными чувствами к отцам и матерям, в мудрователей с неподобающим мудрованием, с неприличными притязаниями на права и преимущества, которых они не должны иметь. Это есть дух Господа Бога, оживляющий воспитанника на целую вечность, дающий ему не временный, а постоянный, не искусственный, а подлинный характер истинного человека. *Наложу дух Мой на семя твое и благословения Моя на чада твоя* – не громкую славу света за умение жить в свете, не похвалы блестящего общества за ловкость, приличие, тонкость в обращении, но милосердый взор Господа за добрые дела и святые мысли, доброе слово Создателя к вам и вашим детям за чистоту и непорочность жизни, – доброе слово, которое дороже всех одобрений целого мира. *И прозябнут аки трава посреде воды и яко верба при воде текущей.* Это вода благодати Божией, отнимающей у воспитанника сухость сердечную, дающей новую жизнь и свежие силы духовные.

Стараясь о воспитании детей своих, вы хотите напоить их потоками земной мудрости, предаете их в жертву наукам, которые ныне чрезвычайно умножились, – и это ваш долг родительский. Но часто бывает, что ваш воспитанник выходит из воспитания бледный, сухой и тощий – по телу, бесхарактерный, сухой и тощий добрыми мыслями и чувствами – по душе. Церковь Божия старается не о том только, чтобы просветить, но о том, чтобы одухотворить воспитанника Божественною благодатию, немощная врачующею, чтобы возрастить и напоить его потоком сладости, текущим от ее Таинств, от ее непрерывных молитв за него. *Сей речет: Божий есмь... и другой напишет рукою своею: Божий есмь.* Вы радуетесь, когда о вас или о ваших детях скажут: ученый человек, ловкий человек или человек прекрасный. Для Церкви мало этой радости: она старается дать нам возвышеннейшее имя, старается воспитать детей своих так, чтобы при взгляде на каждого из них и неумеющий читать мог прочесть в лице и деяниях его святое надписание: «Это Божий человек, на нем видна печать Божественных совершенств». Словом, Церковь старается сделать питомца своего человеком Божиим. Вот дух и характер ее

воспитания. И сей-то дух желает она ввести в дома христиан. Какими способами?

Как Церковь вводит оный дух в дома христиан

Во-первых, **изложением семейных обязанностей**. Она знает, что человек после себя ближе всего к своему семейству, что жизнь домашняя есть первое поприще для нашей деятельности, что в доме родительском развивается и первое добро, и, к несчастью, первое зло нравственное. Поэтому она спешит всякий дом христианский преобразить в малую домашнюю церковь Господа Иисуса, каждому члену семейства внушая такие обязанности, святость и достоинство коих не могут оспорить у нее ни природа, ни наука и мудрость света. Она видит в семействе не простых людей, связанных только родством и взаимным вспоможением: она видит в нем семейство Божие и оттого каждому семьянину заповедует вести себя так, как пристойно человеку Божию. Она измеряет домашние обязанности не одним отношением людей к людям, а отношением людей к Господу, поставляя Господа образцом совершенства их. Потому-то вы нигде не найдете таких высоких и святых понятий о муже и жене, об отцах и матерях, о детях, о прислуге домашней, какие сообщает Святая Церковь. Что такое супружество по ее учению? Великая тайна, выражающая союз Господа Иисуса Христа с Его Церковью; и на этом союзе основываются все обязанности мужа и жены, получая характер высший и священный (см.: Еф. 5, 22–33). Что есть отец и мать в отношении к детям? Земные представители Отца Небесного, на земле исполняющие дело воспитания, совершаемое Тем, *Иже на небесех*. Чтó дети? Благодатное племя Господа Иисуса, которое должно воспитывать не для своих одних видов, но для Царствия Божия, дабы заменить ими недостающее число ангелов на небе (см.: Еф. 6, 1–9). Как поступать должны вы, господа, со слугами своими? Памятуя, что вы имеете сами Господа, Верховного Владыку вселенной (см.: Кол. 4, 1). Какая обязанность вашей прислуги? Служить вам не *пред очима точию*, но *якоже Господу* (Кол. 3, 22, 23). Даже обращение ваше с рабочим скотом не забыто, не оставлено без правил для вашего счастья домашнего. *Да не заградиши,–* говорит,– *устен вола молотяща. Блажен человек, иже и*

скоты милует (ср.: 1 Кор. 9, 9; Притч. 12,10). Ах, братие мои, если бы все дома христианские располагали жизнь свою по правилам Святой Церкви, если бы все члены семейств точно и верно исполняли семейные обязанности, внушаемые Церковью, тогда наши семейства трудно было бы отличить от обществ ангелов, тогда каждое семейство видимо изображало бы Царствие Божие на земле!

Во-вторых, введением благочестивых писаний – молитвенных и поучительных. Во всех писаниях, которые предаёт нам Святая Церковь, обитает дух святости и истины Божией, дух спасения нашего. В писаниях отцов церковных обитает дух древнего святого христианства. В слове Божиим дышит Сам Дух Божий и из книг хочет проторгнуться в сердца наши. В молитвах церковных заключается дух освящения нашего. Каждая молитва домашняя, которую вы заблагорассудите прочесть утром или вечером, есть священный урок, есть наше слово, данное нам Церковью для беседы с нашим Создателем или с Его святыми. Простейшая и самая краткая из молитв (какова, например, «Господи, помилуй») – лучше многих тысяч слов, которые говорятся иногда по-пустому, даже в ученых собеседованиях. Одна глава из Евангелия, прочитанная с размышлением, более даёт мыслей назидательных, чувств благочестивых, нежели целые книги, написанные для любопытства либо из тщеславия. Как много времени пожирает у нас чтение подобных книг и как мало приносит оно существенной пользы! А Евангелие Господа Иисуса? А писания отцов и учителей церковных? А молитвенники, кои Церковь старается внести в дома христиан?.. Что сказать о таком доме христианском, в котором умеют читать и никогда не читают Евангелия и никаких книг церковных?.. Нам обыкновенно говорят: «Церковные писания скучны». Но, любезные братие, не скучают ли и добродетелью? Однако захотите ли вы уверять себя, чтобы добродетель не была достойна всего уважения вашего? Говорят: «Непонятны». Но, отвечает святой Златоуст, потому-то самому и должно читать их, что непонятны. После усердного и внимательного чтения они озарят твою душу таким же светом, каким солнце озаряет землю после ночного мрака. Говорят: «Незанимательны». Но может ли быть занимательно то, над чем мы несколько не трудились? С другой стороны, если бы церковные писания, подражая тону и способу светских писаний,

вздумали быть только занимательными, они потеряли бы свой древний священный характер, утратили бы свою важность и достоинство, они уже не спасали бы нас. И какая нужда в занимательности там, где идет дело не о том, чтоб забавлять праздное любопытство и лень, а о том, чтобы доставить людям истинное счастье – семейное и всякое? Ах, если бы Евангелие Господа Иисуса сделалось семейным другом, домашним собеседником христиан, если бы благочестивые писания церковные надписывались чаще на сердцах людей – давно не было бы несчастных семейств в мире христианском, родители не жаловались бы на распутных детей, дети не оставались бы бедными, невоспитанными сиротами! Дом христианина был бы достойным домом Божиим.

Но, братие мои, Церковь Божия ведаёт, что не все христиане могут сами читать ее писания; не всех она и обязывает к чтению. Между тем, чтобы ни одной души христианской не оставить без надлежащего воспитания, она, в-третьих, **определяет общих отцов и учителей**, которые обязаны все необходимое для спасения знать за незнающих, учить тех, кои не имеют никаких способов учиться у мирских учителей. Эти общие учителя суть служители алтаря ее, смиренные пастыри Господа Иисуса. Святая Церковь из любви к вам никого так мало не щадит, как своих служителей, ни от кого не требует такого самоотвержения, не предписывает таких строгих обязанностей, не угрожает такими страшными прещениями, какими угрожает пастырям своим, если бы они оказались неверны своему пастырскому и учительскому долгу. Вы можете назначить определенные времена и часы для занятий – служитель алтаря Господня должен быть каждую минуту готов к слову назидания: должен учить, умолять и запрещать благовременно и безвременно со всяким долготерпением (см.: 2 Тим. 4, 2). Вы можете спастись, можете погибнуть одни своею душою – судьба души пастырской неразрывно связана с судьбою каждой души в пастве. Будь пастырь добр сам для себя, как ангел, но если по его неосмотрительности или оплошности хотя одна душа из его паствы умрет во грехе, она строго будет взыскана от рук пастыря. ...*Крове же его* (грешника) *от руки твоя взыщу* (Иез. 3, 18), – глаголет Бог святой и страшный к служителю Своему. «Ах, я не думаю, – говорит святой Златоуст, – чтобы между священниками было много спасающихся; я

думаю, что между ними гораздо более погибающих!» (Свт. Иоанн Златоуст. Нравоучения на Деяния святых апостолов. Нравоучение третье). Добрые отцы и матери, вы обязаны управлять только собственные ваши дома, обязаны на руках носить и питать собственных детей, и это для вас весьма приятная обязанность, потому что они ваши дети; священники Божии обязаны пещись о благоустройстве и благонравии каждого семейства, обязаны носить в своем сердце каждое дитя, каждого отца и мать, каждого семьянина вашего. «Должны пресвитеры,— говорит правило церковное,— учить в церкви и по домам обще всех и каждого день и ночь. Должны, когда дома прихожан посещают, пристойным образом испытывать: аще по Бозе живут? Аще званию своему всяк: супружескому супруги, отеческому родители, сыновнему дети, господскому господие и хозяева, рабскому слуги и наемники дозлетворяют? И если не так явится, то всякий чин и всякую в нем душу, смотря обстоятельства, подобающим образом стараться исправить. Непременно сего требует от пресвитера должность его пастырская. Если бо обязан он ни единой овцы погубить и, сохранивши девяносто и девять, за едину, его нерадением погибшую, собственною душою платить, то, конечно, следует ему за всяким своим прихожанином смотреть, всякого состояние надзирать и знать совершенно и как бы на длани распisanное иметь: здрав ли пребывает о благодати Божией или болит грехом? и каким именно? и как давно? и сколь опасная болезнь? и какого именно лекарства требует?» (Книга о должностях пресвитеров приходских, параграф 39, 40). Для чего? «Для того,— отвечает святой Златоуст,— что за всех, кои попечению твоему вверены: за жен, за мужей и детей,— ты, о иерее, воздаси ответ».

Я мог бы еще привести множество правил церковных, множество мест из слова Божия, из писаний отцов, свидетельствующих о высокой и чрезвычайно трудной должности пастырской. Но вы и без того увидите, братие мои, что служители алтаря Господня суть вместе и ваши служители; что Церковь совершенно обрeкла их вашим пользам и вашему спасению душевному. Не указывайте нам на то, что священники не выполняют своих обязанностей во всей их обширности: они лучше нас веруют тому, что будет суд и им и нам. С другой стороны, где, в каких сословиях нет дурных членов,

посрамляющих свое звание? Не ссылайтесь на то, что посещения домов ваших пресвитерами тягостны и бесполезны для вас: могут ли они быть полезны, когда вы предубеждены против посещающих? Разве мало таких домов, из которых охотно изгнали бы служителей алтаря, если бы одно приличие не удерживало? Разве нет и еще таких, в которые стыд и священный сан запрещают входить священнику, как в языческое капище? Разве мало семейств, поставивших себя в такое отношение к Церкви и к ее служителям, что всякая готовность и усердие с их стороны по необходимости должны оставаться вовсе бесполезными.

Но не в этих домах, которые хвалятся просвещением, не в больших городах и не в семействах людей, богатых деньгами и средствами к образованию себя, надобно искать пользы от воспитания, какое дают христианам служители алтаря Господня. Есть другие жилища, другие семейства, куда священники Божии видимо вносят дух святости просвещения. Я разумею деревни и села христианские, разумею семейства убогих и бедняков, которых, может быть, никто, кроме Церкви, не захотел бы учить и просвещать даром. Там, в этих обителях всегдашнего труда и смирения, добрый пастырь есть истинный отец своих детей духовных, единственный учитель, от которого могут они получить нужные и полезные наставления, помощник в скудости, советник в трудных обстоятельствах, утешитель в домашних скорбях – словом, неизменный руководитель к семейному и душевному благоденствию. Когда для жителей городов служитель алтаря тщетно истощает все искусство красноречия, тогда для поселянина одно простое слово пастыря служит законом и правилом жизни. Когда мудрые века сего, *всегда учащая и никогда же в разум истины прийти могущая* (2 Тим. 3, 7), остаются бесполезными светилами и для себя, и для других, тогда старшие в семействах поселян, в простоте сердца приемля наставления от Церкви и ее служителей, нередко сами делаются весьма полезными учителями для своих семейств. «О, как приятно видеть земледельца, – восклицает святой Златоуст, – плугом проводящего глубокие борозды, а потом назидającego души своих домочадцев, усердных к нему; иногда истребляющего на полях терние и волчец, а иногда искореняющего плевелы несогласия и других беззаконий, зарождающихся в душах его семейства!» (Свт.

Иоанн Златоуст. Беседы о статуях, говоренные к антиохийскому народу. Беседа девятнадцатая).

Есть и другие средства, которые употребляет Святая Церковь для домашнего воспитания христиан; но я не буду рассуждать ныне о сих средствах. Слово сделалось бы слишком обширно, а меня и без того смущает мысль, что, может быть, оно уже отяготило слух и внимание ваше, может быть, некоторые выражения его показались не совсем скромными и умеренными, оскорбили тонкое чувство многих. Если это так, молю вы щедротами Божиими, да ваша любовь христианская защитит неискусного беседовника пред вашим чувством и да покрывает она недостатки единого из ваших братьев о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Беседа четвертая. Еще о церковных средствах домашнего воспитания христиан

Продолжая беседу мою о церковных средствах домашнего воспитания христиан, я должен теперь обратиться, во-первых, к тем лицам, которых Святая Церковь определяет сотрудниками служителям своим в деле нашего воспитания, и во-вторых, ко всем моим слушателям без различия пола, состояния и звания; наконец, благоговейным размышлением коснусь Небесного Наставника, Всесвятого Духа, Господа Животворящего, единого истинного и всесильного Освятителя и Просветителя душ наших.

Боже отцев и Господи милости... сотворивый вся словом Твоим! Дажь мне (хотя единый луч) Твоим престолом приседаящая премудрости и не отрини мене от отрок Твоих: яко аз раб Твой и сын рабыни Твоя, человек немощен и маловременен, и умален в разуме... Посли ю с небес... да сузи со мною трудится и увем, что благоугодно есть пред Тобою (и повею, и возведу братии моей), яко (Твоя) премудрость отверзе уста немых и языки... сотвори ясны (Прем. 9, 1, 4, 5, 10; 10, 21).

Обращение к сотрудникам священников Божиих

Я сказал, что Святая Церковь определяет сотрудников священникам Божиим. Так, братие мои, между нами есть много таких сотрудников, гораздо больше, чем священнослужителей,— может быть, больше, чем плотских отцов и матерей; разумею **восприемников** или **крестных отцов и матерей**. С благоговением произносим имена отцов и матерей по плоти, с благоговением должно помышлять и о тех людях, которые воспринимают крещаемого от купели святого Крещения. Их

восприемническая обязанность столько же важна и священна, сколько обязанность плотских родителей. В одном из величайших и пренебесных Таинств Христовой Церкви они заключают с нами духовное родство на время и на всю вечность; пред лицом Бога Всемогущего и пред Его Святой Церковью за крещаемого отрекаются «сатаны и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его»; сочетаются Христу и ручаются в том, что их восприемное дитя всегда будет жить со Христом и во Христе; приемлют на себя долг воспитать его для Царствия Божия и пецись о нем, как о собственном детище. Святая Церковь освящает восприемников в Таинстве Крещения своими молитвами, призывает на них благословение, милость и мир Божий; старается пролить святую радость в сердца их и обещает небесные награды за их попечение и любовь к восприемным детям. Но вместе с сим она возлагает на них все строгие обязанности воспитателей, всю ответственность за будущую жизнь и деяния восприятых детей. «Благочестивый и христоименитый восприемниче, – говорит она, – благодатию и щедротами Человеколюбца Бога, хотящаго всем человекам спастися, духовное днесь совершиися во храме Божии рождение. О сем всесвятом Пребожественныя Троицы имени крестися днесь новопросвещенный раб Божий (имярек) и родися духовне. Чесо ради веселятся в Церкви торжествующей ангели, радость велию обыкшии имети о едином грешнице кающемся. Радуемся и мы во Церкви подвижающейся, яко ко истинной Лозе, яже есть Христос Господь, присадися новая розга. Изряднее же твоему благочестию веселитися достоин, яко ту розгу духовную, того сына благодати и света, восприял еси от Божественныя купели и сотворился еси тому отец духовный, ему же Отец бысть ныне благодатию живый на небеси Господь» (Требник. Увещание от иерея к восприемнику). Поистине должна быть свята и возвышенна радость ваша, благочестивые восприемники! Может быть, вы сами сиры, одиноки в мире; может быть, вам не суждено увеселять взор свой собственными детьми, видеть их вокруг семейной трапезы, *яко новосаждения масличная* (Пс. 127, 4). В награду за лишение семейных радостей Церковь дает вам своих детей духовных, не детей плоти и крови, а детей света и благодати – сынов, которым живый на небеси Господь Сам соделался Отцом и вас поставил для них Его наместниками на земле. Но послушайте далее, возлюбленные братие.

«Суще же ти, отцу духовному, ведети достоин, яко долг имаши отеческую любовь хранити к Богом данному тебе сыну, по вся дни живота твоего. И егда даст Господь ума ему благое стяжати употребление, тогда наставляти и еже веры православно-кафолическия вся составы и вся нужная благочестивым ко спасению знати и хранити непорочно, житие же достойно званию христианскому провождати. Да, яко ныне просвещен благодати зарями чрез рождение духовное в руце твои предадешя мною грешным, тако немрачен по отрождении во ин век предстанет Отцу Небесному. И, яко днешь чист и паче снега убелен по душе изыде из бани пакибытия, тако, непорочен злыми делесы изшед из плоти, предстанет Судии Нелицемерному, хотящему воздати комуждо по делом его. И, яко светло днешь усты твоими отречешя сатаны и всех дел его, всыновися же Творцу всех и Богу и член Церкви Христовы содеяся со исповеданием истинныя веры христианския, тако во вся дни живота своего да пребудет в единстве веры нерасколно от Церкви и во благодати всыновления Богу неизменне» (Требник. Увещание от иерея к восприемнику).

Вот святая обязанность восприемников как воспитателей; к ясности и полноте ее прибавить нечего, разве одно горькое сожаление о том, что святое родство духовное давно перестало у многих христиан почитаться событием важным и великим, давно утратило тот глубокий смысл и значительность, какие Церковь дала ему. Ах, кому неизвестно, что у знатных восприемничество сделалось не более как гражданскою сделкою и что у простого народа оно есть одна простая необходимость, потому что без него нельзя окрестить новорожденного! Одни избирают восприемниками богатых и важных в свете, дабы через то войти в светскую связь со знатию. Другие не выбирают, а просто зовут: «Иди будь у меня кумом или кумою». От этого часто выходит, что восприимающие забывают, кого и где они восприняли, а воспринятые не знают и не помнят, кто у них крестный отец и мать. При подобном порядке вещей не для чего спрашивать, исполняются ли взаимные обязанности духовного родства во святом Крещении... Но пусть это великое дело остается на совести, до кого оно касается. Обратимся каждый к самому себе. Я уверен, что все мы найдем себя в великом осуждении пред Богом, Святою Церковью и своею совестью.

Обращение ко всем, без различия пола, звания и состояния

Думаете ли вы, братие мои, что все мы, какого бы состояния, пола и звания ни были, все мы освобождены от обязанностей воспитателей? Думаете ли, что между нами есть хотя один человек, который бы не подвергнулся строгой ответственности, если он своему или чужому семьянину подал либо дурной урок, либо никакого не подал? Нет! Святая Церковь обязывает **всех христиан без изъятия** взаимно воспитывать друг друга. Свяжав всех нас священным союзом родства духовного, она чрез то ввела высокую заповедь всеобщего учительства. Она не ведает житейского обычая нашего различаться по домам, по фамилиям, по мирским знаменитостям; она в целом православно-христианском мире – как бы ни был огромен мир сей – видит одно нераздельное семейство Божие. У нее нет оных несчастных слов: чужой, не родня, незнакомый. У нее каждый христианин есть **свой**, есть семейный человек всем и каждому. Потому-то она, завещавши всеобщее братство и односемейность по вере, завещавает всем и каждому из нас наставлять друг друга. Послушайте, что говорит Апостол каждому из нас: *утешайте друг друга и созидайте кийждо ближняго... Молим же вы, братие, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем* (1 Сол. 5, 11, 14). *Созидайте кийждо ближняго*. Это значит, мы все обязаны взаимно учить друг друга, и не просто учить, как обыкновенно учат и учатся, но созидать, строить, созидать и созидаться так, чтобы каждому из нас быть церковью Бога Живаго, по одному слову Апостола: *Вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16). Чем созидать? Во-первых, словом и взаимными беседами, растворенными благодатию и христианской приятностию, – словом со благодатию, солию растворенным (см.: Кол. 4, 6); во-вторых, еще более, делом и примером, своим истинно-христианским поведением. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). На челе ветхозаветного первосвященника была повязка с надписью: *святыня Господня* (см.: Исх. 28, 36–38); христианину не нужны ни повязки, ни надписи буквенные: слова, дела и вся жизнь его должны быть единою

святынею Господнею, которую бы всякий мог видеть, разуместь, поучаться и прославлять Отца Небесного. Вот наша всеобщая обязанность, наш христианский способ взаимного обучения! Его должны все мы употребить в домах пред своею семьею, на торжищах пред людьми посторонними, в собраниях пред знаемыми и незнаемыми. И нет убежища на земле, нет минуты в нашей жизни, в которую бы нам вольно было не употреблять одного способа и для себя, и для других. Мы со всех сторон окружены очами, которые смотрят на нас; ушами, которые слушают нас; чувствами внешними и внутренними, на которые наши слова и дела необходимо производят такое или другое впечатление. Поэтому всякий наш поступок, всякий шаг и движение, производимые при других, если не поучают чему-либо доброму, то соблазняют брата нашего. Но *горе человеку тому, имже соблазн приходит... Горе миру от соблазн!* (ср.: Мф. 18, 7). Горе и нам, братие мои, если наша жизнь служит не святым поучением, а гибельным соблазном для ближних! Видим в христианстве множество христиан, не по-христиански воспитанных, христиан язычествующих. Чей это плод? Кто виновен в их невежестве, в их нехристианской жизни? Не Церковь, а мы, и почти все мы! Ибо Церковь, как я уже сказал, всем завещала учить друг друга в том, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала* (Флп. 4, 8). Исполняем ли мы это прелюбезное завещание матери нашей? Если исполняем, то где же успехи нашего взаимного учительства, когда всякий ясно может видеть, что наша жизнь исполнена более соблазнов, нежели добрых примеров? Если не исполняем, надеемся ли избежать праведного суда Божия? Или не ко всем нам относится печальное и вместе грозное слово Искупителя нашего: если кто *соблазнит единаго от малых сих* – христианина самого бедного и малозначащего, – *уне есть ему, да жернов оселский обеситя на выи его и потонет в пучине морстей* (ср.: Мф. 18, 6)?

**Господь есть единый истинный и всесильный
Освятитель и Просветитель душ наших**

Но да не смущается сердце ваше, ни устрашает. Мы все должны учить и воспитывать друг друга и мы все можем быть и бываем весьма худыми учителями. Потому-то Святая Церковь, не слишком надеясь на земных учителей – кто бы ни были они, – постоянно указывает нам на Учителя Небесного. Ах, братие мои, как часто возводит она слезящий и умиленный взор свой горе и оттуда ждет света в`едения, необходимого для жизни и просвещения детей ее! Есть ли хотя одно утро, полдень и вечер, в которые бы не вопияла она к Духу Святому, Господу Животворящему и Просвещающему, да придет и вселится Он, Всемогущий, и в сердца, и в дома христиан? И не о том ли большая часть молений и крепких воплей ее ко престолу Божию, чтобы Дух Святой постоянно озарял умы христиан светом богоразумия, прогонял тьму невежествий людских, обращал заблуждающих, освящал нечистых? И каких великих успехов не обещает она от животворящего учительства Небесного Учителя, Бога Духа Святаго?

Какой род знаний нужен вам или приятен для вас? Хотите быть великими художниками? Церковь уверяет вас истинным словом Господним, что великими художниками творит людей Дух Божий, – например, вспомним Веселеила и Элиава, о коих сказано: «И наполни их Духа Божия, премудрости, разума и умений всех» (см.: Исх. 31, 1–6; 35, 30–35; 36, 1–2). Ищете разуместь тайны природы? Церковь указывает на Соломона, который так умудрен был Духом Божиим, что знал все от кедра до иссопа. Желаете быть священными песнотворцами? Она приводит вам Давида, которого Дух Святой сделал величайшим из всех певцов. Желаете ли постигнуть науку богословия? Здесь и по простому соображению вы никогда ничего не постигнете, если Сам Дух Святой не даст вам разумения. «Вся подает Дух Святой, – говорит Святая Церковь, – точит пророчества, священники совершает, некнижные мудрости научи, рыбаки богословцы покажи», ибо Он есть «свет и живот, и живой источник умный, обладая, очищая прегрешения, Бог и боготворяй, огонь, от огня происходяй, глаголяй, деяй, разделяяй дарования» (Служба Пятидесятницы, стихира).

Я не знаю, какие цели вы имеете, начиная учить детей своих наукам либо искусствам, но Церковь прежде всего старается предать их в

научение Святаго Духа. Со всяким вниманием и умилением она молит Господа, благословляющего детей, «о еже буесть юности отгнати от сердец их; о еже подати им приседящую престолу Его премудрость; о еже быти им радость и утешение родителям своим; о еже скоро прияти и спешно навькнути, и разумети, и памятовати вся добрая и душеполезная учения» (Требник. Молебное пение при начатии учения отроков). Может быть, вы скорбите или досадуете, когда дети ваши тупы и трудно понимают науку? Церковь, объемля сих несчастных своею любовью, усугубляет свои моления в «Последовании об отроцех неудобобуащихся», призывает небесных ходатаев, взывает к Богоматери, к Предтече Господню, к святому евангелисту Матфею, к мученикам Агапию, Прокопию, Филиппу и ко всем святым, да помогут отроку неудобобуащемуся и да низведут на него просветительную благодать Святаго Духа.

Впрочем, не искусства и науки – пусть это будет естествознание, любомудрие, стихотворство, история или другое что-либо – не эти вещи преимущественно нужны христианину, не они особенно важны для воспитанника Духа Святаго, и для Духа Божия не великое чудо соделать кого-либо многоученным и многознающим, – есть другие чудеса всемогущего учительства небесного, гораздо полезнейшие для нас: чудеса ведения деятельного, или мудрости практической. Истинный воспитанник Церкви и Духа Святаго не тот, кто много знает, но тот, кто, зная необходимое ко спасению, совершает оное делом. И такой-то воспитанник есть величайшее чудо Святаго Духа, редко видимое в мире. «Какая мне польза, – говорит святой апостол Павел, – если я говорю языками человеческими и ангельскими; если умею пророчествовать, познаю все тайны и весь разум; если имею такую сильную веру, что могу переставлять горы? Никакой! Я ничто, если при всех этих чудесах знания у меня нет деятельной любви христианской» (см.: 1 Кор. 13, 1–3). Отсюда главная цель небесного учительства есть преподавать науку благочестивой жизни, раскрыть тайну христианства деятельного и не только преподавать и открыть, но дать силу к исполнению, претворить своего воспитанника из человека земного и мрачного в человека небесного. Святой успех, или плод сего небесного учительства, есть, по указанию Апостола, *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость,*

воздержание (Гал. 5, 22–23) и все ангелоподобные совершенства истинного христианина. О сих-то плодах просвещения духовного Церковь непрестанно умоляет Всесвятаго Духа, да украсит ими детей ее. О них и все мы непрестанно должны умолять Господа Животворящего, ибо без них и величайший мудрец земли есть только величайший грешник, недостойный Царствия Божия. Аминь.

Беседа пятая. О местах и временах церковно-общественного воспитания христиан

Церковь Божия не ограничивается одним домашним воспитанием нашим, а напротив, еще более старается о том, чтобы дать нам **воспитание общественное**. Она есть мать наша не только по долгу воспитания домашнего, но и по долгу воспитания общественного. Как мать и вселенская учительница она издревле определила места, времена, предметы и способы для нашего общего учения. Укажу сперва на места и времена церковно-общественного воспитания христиан.

Какие места Церковь Господня назначает для общественного воспитания нашего

Во-первых, и преимущественно, **храмы Божии**. Ибо что такое наши храмы в рассуждении воспитания нашего? Не иное что, как общественные училища народные. Они суть, по выражению святителя Афанасия Великого, всемирная гимназия, в которой преподается ведение о Боге и о духовной жизни. Почему всемирная? Потому что в нее могут и должны приходить люди всех состояний, всех полов и возрастов, всяких свойств и способностей, если угодно, всяких вероисповеданий, ибо и язычники, если пожелают, принимаются Церковью в число оглашенных и могут молиться в храме до известного времени. Училища светские не для всех доступны – храм Божий открыт для всех. Предметы училищ светских часто требуют многолетних приготовлений либо имеют цели не всеобщие – предметы же учения христианского приспособлены к существенным и необходимым потребностям всех и каждого, ибо добродетель, спасение души для всех удобопонятны и необходимы. Училища светские – не везде, храмы Божии – во всех городах и почти во всех

селениях христианских. В училище светское поступают люди достаточные, свободные от житейских занятий, а бедный поселянин где бы что услышал, где бы чему научился, если бы у него не было деревенской церкви, к которой он питает сыновнюю любовь и привязанность? В училищах света необходимы известные издержки, иногда очень важные, – чтобы учиться в храме Божиим, ничего не нужно, кроме одного присутствия: приходи, стой и слушай – вот все, чего требует от нас Святая Церковь за свое учение, за свои ежедневные труды в нашем общем воспитании. «Для чего вам ходить в школы мирские? – часто говорили древние отцы своим слушателям. – Что найдете вы там, кроме траты именина на книги, на учителей, на себя? Посещайте храмы христианские, если ищете просвещения. В них туне (бесплатно.– Ред.) обряцете истинное ведение, ибо только они суть духовные безмездные училища истинной философии». И народ слушался отцов: кафедры Василиев, Григориев, Златоустов утро и вечер бывали окружены жаждущими истины, храмы бывали наполнены посетителями. Те, кои не могли быть в храме, вопрошали бывших: «Скажи, что говорил учитель; скажи, не опусти ни одного слова». Таким образом, от одного учителя часто делались все взаимными учителями; возвращавшиеся из храмов домой обращали дома свои в общие училища. Что препятствует и нам возвратить храмам Божиим древнее многолюдство? Что мешает нам своим усердием и ревностью к учению церковному дать нашим церквам вид истинно всеобщих или вселенских училищ?

Но, братие мои, Церковь не одни храмы свои соделала всеобщими народными училищами благочестия. Нет! Ее училище есть **всякое место, на котором она совершает свои святые обряды** или на которые вы призовете ее для священнодействий. Не часто ли она собирает добрых христиан на зеленеющие поля и нивы и там в слове молитвы, в пении молебном желает преподать слово назидания? Не часто ли реки и источники наши служат святилищем и поучением при церковных обрядах водоосвящения? Не часто ли новые дома, равно как и новые могилы братьев наших при действиях Церкви обращаются или могут обращаться в мудрые для нас училища весьма глубоких и важных истин? Где человек живет, откуда получает необходимые потребности для жизни, там и есть место церковно-общественного

воспитания для нас. С другой стороны, где мертвому сон, там живому самое трогательное поучение. Наконец, надобно и то сказать, что каждое училище, собственно так называемое, есть училище в известном отношении церковное, когда в нем учение имеет характер более или менее церковно-религиозный. Отсюда все наши училища духовное суть дело и принадлежность Церкви; все училища светские или гражданские суть места воспитания, освященные Церковью, так что в них гражданственность соединяется с церковностью.

Правда, по чрезвычайно оразнообразившейся жизни общественной, по множеству предметов, составляющих ныне круг всеобщего образования человеческого, и по другим весьма важным обстоятельствам современного гражданского быта училища гражданские необходимо должны были получить и получили свое особое устройство, свои круги предметов и действий; но эта особенность отнюдь не есть разделение, а только особое отделение, особая отрасль знания, необходимого человеку как гражданину и христианину вместе, как сыну Отечества и сыну Церкви нераздельно. Сверх сего вы должны знать, что все училища светские если не в дальнейшем развитии, то по началу своему возникли из недр Церкви.

Какие времена Церковь назначает для общественного учения христиан

Времена ежедневные, еженедельные, времена постов и времена своих торжеств и праздников Господних. Времена **ежедневные**. Их три в каждый день нашей жизни: утро, полдень и вечер.

Когда наша душа свежее и свободнее от праха земных помышлений? Утром. Церковь старается на несколько минут овладеть нашею утреннею душою и призывает нас к утренней службе, а вместе и к поучению. Когда для сердца приятнее покой, для мысли уединение? Около полудня, в такое время, когда человек делами житейскими успел утомить свою плоть и желал бы дать занятие своему духу. В это именно время Церковь представляет нам самый Божественный предмет для размышления, для молитвы и поучения,— Божественную

литургию. Когда наши чувства становятся умереннее, страсти слабее, помыслы естественнее? Когда вся душа наша бывает способнее принять вид важный и степенный? По правильному порядку жизни вечером, когда человек готовится возлечь на одр, сию временную гробницу свою, желает предаться сну, истинному образу смерти. Церковь и в эти торжественные часы приглашает нас к молитве и поучению, старается дать весьма важный урок, чтобы мы не только в бодрственном состоянии, но и в сонном безмолвии просвещались зрением судеб Господних. В какое угодно из сих трех времен вашей ежедневной жизни посетите храм Божий, в каждое обряцете обильную пищу уму и духу своему.

Знаем, что ежедневный звон церковного колокола часто в многолюднейших городах раздается, как в безлюдной пустыне, и немногих собирает в храм Господень, потому что все бывают заняты делами своей мирской жизни. Церковь, уступая житейским требованиям своих воспитанников и не желая насильно прерывать их занятия, с мудрою заботливостью поспешила назначить особые дни для общественных молитв и поучений и отличила сии дни особою же торжественностью. Отсюда ее воскресные дни – времена общественно-церковного учения нашего **еженедельные**. О субботе еврейской заповедал Господь Бог израильтянам: *шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя, в день же седмый суббота Господу Богу твоему* (Исх. 20, 9–10). Сия же заповедь осталась во всей силе и в мире христианском, с тем только различием, что день субботний получил название дня воскресного и дня Господня. *Шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя*. Поверьте, братие мои, как бы ни были мы трудолюбивы для плоти, сколько бы ни были обременены обязанностями и попечениями житейскими, но в шесть дней каждой седмицы, данных нам Господом и Его Святой Церковью для семейных и общественных занятий, мы совершенно можем не только утрудить себя до изнеможения, но успеем до сытости насладиться забавами и увеселениями света. Ах, зачем же заботы житейские часто и седьмой день отнимают у Господа Бога и у нашей души? Зачем суета и многопопечительность светская часто и краткое время Господне делает временем языческих забав и потешений?

Церковь, желая вознаградить наши утраты душевные, назначает еще иные времена для нашего спасения и назидания. Таковы **времена ее постов**, которые она прямо называет временем Божественных поучений. По-надлежащему каждый из нас обязан все четыре поста церковные посвящать на церковное учение, на говение, молитву общественную, принятие святых Таинств Покаяния и Евхаристии. Но и здесь чадолюбивая мать наша более соображается с нашими слабостями, нежели со строгостью своих правил. Она знает, что одни сословия в обществе более имеют досуга весною, другие летом, иные осенью и зимою; поэтому она установила посты весенние и летние, осенние и зимние. Если не имеем времени (но кто же из нас не имеет его?) посещать храмы Божии в продолжение всех постов, Церковь допускает нам избрать один какой-либо; она радуется и тому, когда мы хотя одну седмицу какого угодно из ее постов уделим на собственное спасение и поучение.

Наконец, самые удобные для всех и наилучшие для каждого времена церковно-общественного наставления суть **праздники святые**, которые Церковь установила для нас. Говорю «наилучшие», потому что в них Церковь установила для нас все, что только может привлечь и занять воспитанников: важность и святость предметов с духовною приятностию и священностию выражения, простоту с велелепием, благоговение с восторгом, празднество с назиданием, душевную пользу с высоким духовным наслаждением. Торжества мира стараются затмить славу и великолепие торжеств церковных, зрелища света сияются увлечь детей церковных от лона святой матери их, но мы всегда можем сказать и этим торжествам, и этим зрелищам: «Посмотрите, где бывают собрания многолюднее, наслаждения чаще и прочнее, восторги умильнее и живоноснее: у вас или у Церкви, когда она совершает свои великие праздники? Спросите у самих поклонников ваших, что скорее утомляет и наводит скуку на самых жарких ревнителей ваших: вы ли или торжества святой матери-Церкви? Откуда выходят дряхлые и больные, с потемневшими очами, с бледными и увядшими лицами, с расстроенным телом и душою: из ваших ли собраний или из собраний церковных?..»

Впрочем, я совсем не намерен славу торжеств церковных оспаривать у славы торжеств мирских. Я стараюсь только объяснить, что Церковь показывает истинно Божескую любовь, истинно глубокую мудрость и вместе материнскую снисходительность к нам для общественного воспитания нашего. «Не можешь ежедневно посещать мои храмы,— говорит она каждому из нас,— приходи чрез каждые шесть дней; посети меня в большие праздники мои. Целый год провел ты вне двора моего и не хотел слушать от меня, как должно, молитв и поучений, удели хотя три или четыре дня в году на очищение и просвещение себя пред моею Пасхою и прииди вместе со мною в день Пасхи моей насладиться пиром веры. Даже и это столь редкое посещение возвеселит меня и покажет, что ты не вовсе оставил меня, не совсем забыл мать свою». Поистине Святая Церковь есть истая богоучрежденная мать наша по долгу общественного воспитания нашего и по святому исполнению сего долга. Аминь.

Беседа шестая. О предметах церковно-общественного воспитания христиан

Начиная беседовать с вами, братие христиане, о том, что Церковь есть мать наша по долгу воспитания общественного, я сказал, что она определяет предметы для сего воспитания. Посему я должен теперь рассуждать о предметах церковно-общественного воспитания нашего. Не поскорбите, ниже посетуйте, возлюбленные, что любовь моя к Церкви Божией и к вам часто заставляяет меня вопиять во уши ваши. Вам не более труда слушать меня, нежели мне говорить.

Чему учит нас Святая Церковь? «Чему я могу научить вас,— говорит святой Златоуст своим современникам,— когда вы единожды или только дважды в году приходите ко мне во храм Божий? О чем буду беседовать с вами: о душе ли или о теле, о бессмертии ли небесном? Или о муке, или о геенне? О долготерпении ли Божиим, о покаянии ли и о прощении, о крещении ли и отпущении грехов? О мирах ли горнем и дольнем, о естестве ли человеческом, об ангелах ли? О злодействе ли демонском и кознях диавольских, о обхождении ли и поведении нашем? О догматах ли, о правой ли вере, или о извращенных ересьях? Ибо все сие, и еще гораздо больше сего, христианин должен знать и на все вопрошающим ответствовать. А вы ни малейшую часть сего познать не можете, единожды, да и то небрежливо и для обычая празднества паче, нежели для благоговения душевного, приходя в храм» (Свт. Иоанн Златоуст. Слово в день Богоявления).

Я привел жалобу вселенского учителя на его современников не для того, чтобы жаловаться на христиан нынешнего времени за холодность к храмам Божиим, но для того, чтобы показать, какому множеству истин старается Церковь научить нас и как важны ее истины. Они важны потому, что они объемлют все не только необходимое, но даже полезное и священноприятное для нас. Вникайте в круг действий церковных, в состав Божественных служб, наблюдайте ход и порядок оных. Пред вами, братие, постепенно будут раскрываться великие области предметов повествовательных, истин глубокого созерцания и

святой деятельности, естества и общежития, так как учительница – вселенская Святая Церковь – старается преподать нам в отношении к своим предметам и ведение, можно сказать, вселенское. У нее есть для нас знание историческое, то есть повествование о бытии и жизни мира и человеческого рода, есть знание догматическое, то есть учение о таких предметах, которым должны мы несомненно верить и которые должны живо принимать без всякого исследования, потому что здесь самое глубокое исследование ума человеческого ничего не поможет. Есть знание практическое – учение о том, как мы должны жить, что должны делать и чего не должны делать; есть знание опытной житейской мудрости, или практическое любомудрие. Наконец, в Церкви Божией есть такое знание, какого никакая наука в свете не преподает и не может преподавать, – есть знание пророческое.

Знание историческое

Вы очень легко можете получать оное, слушая дневные уроки, или чтения Церкви, из повествовательных книг ветхозаветных, из Евангелий Господа Иисуса, из Деяний апостольских, из жизнеописаний святых Божиих, предлагаемых вам в Прологах и Четирах-Минях, равно как в церковных стихирах и канонах. Если хотите знать в связи и живом изображении историю своего Искупителя, посещайте храм Божий в Страстную седмицу. Если желаете ведать повествование о начале и чудесном распространении христианства во всех концах вселенной, слушайте Деяния святых апостолов в ночь перед Пасхою. Вам нужно знать всецелую судьбу мира и человеческого рода, представленную не только повествователью, но как бы в самой действительности, – войдите в храм Господень в тот день, когда Церковь совершает плачевное воспоминание о падении праотцов наших; посещайте сей храм от недели Сыропустной до недели Всех святых – пред вами откроется ряд происшествий, одним концом утвержденных в раю земном, другим в раю небесном, начинающийся первыми минутами творения, оканчивающийся тем великим временем, когда вся вселенная составит единую Церковь небесную и *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28). «Вы узрите, – говорит Святая Церковь, – како от Него создани

быхом и от пищи райския изгнахомся... како же Сын и Слово Божие, преклонив небеса, сниде и нас ради бысть человек... како же пострада и воскресе, и на небеса възиде паки, и Духа Святаго посла святым Своим учеником; что же паки божественнии апостоли благодатию Пресвятаго Духа содействоваша, яко от конец святых всех вкупе собраща проповедию, наполняюще вышний мир» (Триодь постная. Синаксар в Неделю мытаря и фарисея). Где найдете вы повести важнее сих повествований Церкви? Может быть, вы скажете: «Церковь не преподает истории всемирной, или так называемой всеобщей»? Не преподает; но почему? Во-первых, потому, что знание такой истории решительно не для всех необходимо; во-вторых, потому, что в ней весьма многое служит одному любопытству, а Церковь ничего не предлагает для простого и праздного любопытства.

Знание догматическое

Поелику догматы содержат в себе основание нашей святой веры, суть начало и как бы душу всего учения церковного, – то Церковь почти непрестанно повторяет их пред нами во всех видах своего богослужения, повторяет и совокупно, и отдельно, то кратко, то со всей полнотою и подробностью. Таким образом, все важнейшие и необходимейшие догматы мать и учительница наша сокупила для нас в своем Символе веры и представила их здесь, как в зеркале, дабы всякий мог верно знать их и всегда памятовать. Отдельно такой или другой догмат она предлагает в различных частях и в различные времена своего богослужения; например, кратко мы непрестанно слышим догмат о Трех Лицах Святыя Троицы в священнических благословениях, в кратких славословиях, в окончаниях почти каждой молитвы церковной.

Хотите знать полнее и подробнее различные догматы веры? Посещайте храмы Божии в различные праздники Господские и внимательно слушайте весь чин священнослужения церковного. Слушайте Церковь Божию в великие праздники Благовещения и Рождества Христова: пред вами будет раскрываться тайна воплощения Сына Божия. Слушайте ее в праздники Богоявления, Всесвятых

Живоначальная Троица. Слушайте ее богомудрые каноны троичные, еженедельно чтимые на полунощных: вы узрите тайну Божества Троица во всей полноте, которая только доступна человеку. Желаете знать все дело искупления нашего? Старайтесь постигнуть чин и порядок Божественной литургии, ежедневно совершаемой пред вами; в этом Божественно устроенном чине таинство нашего спасения представлено и раскрыто со всех сторон: исторически и догматически, нравоучительно и таинственно, изобразительно и словесно. Вам нужно знать догмат о падении? Найдете его почти в каждой молитве церковной. Нужно знать догмат о обожении нашего естества во Христе Спасителе? Слушайте Церковь Божию в праздник Пасхи, особенно в праздник Вознесения Господня. Ни в каком учении самого велемудрого философа не найдете вы такого живоносного и возвышенного взора на искупленную природу человеческую, какой дает вам Церковь в своих службах на означенные праздники. Желаете ведать тайну собственной жизни? Присутствуйте при совершении церковных Таинств: Крещения и Миропомазания, Брака, Покаяния, Евхаристии и Елеосвящения. Хотите проникнуть в тайны мира ангельского? Приходите в храм Божий каждый понедельник; приходите в те дни, когда Церковь празднует соборы всех бесплотных Сил: собор архангела Михаила (8 ноября), собор архангела Гавриила (26 марта).

Знание практическое

Опускаю знание опытной житейской мудрости, которую вы можете найти в книгах Соломона и Сираха, равно как во многих местах посланий апостольских; знание пророческое, открытое нам в пророческих книгах Ветхого Завета, в пророчествах Спасителя и Его святых апостолов, особенно в Откровении святого Иоанна Богослова, в ежедневных канонах и молитвах покаянных и в службе на воспоминание Страшного суда; опускаю знание об отношении природы видимой к нам, заключающееся в чинах и последованиях церковных на различные естественные явления: бездождие, безведрие, землетрясение и прочие, и обращаюсь к тому, что всего нужнее для нас, – к знанию практическому, или деятельному. Гораздо обильнее и

любезно-почитательнее является мать наша Церковь там, где она учит нас, как нам жить, как вести себя, что делать и чего не делать. Все роды ее учения имеют для нас цель деятельную; она повествует и пророчествует для того, чтобы дать нам правила жизни; предлагает свои святые догматы для того, чтобы вместе показать, какое они имеют отношение к нашей жизни. Она ежедневно предлагает нам множество особых правил и наставлений, собственно относящихся к жизни и деятельности нашей, в тех же дневных чтениях из нравоучительных книг Ветхого и Нового Завета, о которых я говорил прежде, в поучениях отцов, в каждой молитве и почти в каждом стихе своем. Но всего назидательнее для нас то, что Церковь предлагает не сухие правила и наставления, а вместе дает высокие образцы и примеры для подражания. Каждый день совершает она память одного или многих угодников Божиих; в иные дни выводит пред очи наши целые сонмы их; в годовом круге служб своих представляет целый великий мир истинных людей Божиих, воспитавшихся в духе истинного благочестия, живших возрожденною жизнью. Здесь попеременно являются пред нами лица всех званий: от царя до самого незнатного раба, от воина до земледельца, от пастыря церкви до простого пастуха бессловесных животных. Здесь вы увидите святых людей из всяких состояний: от величайшего богача до беднейшего сироты в мире, от вельможи в пышных одеждах до пустытника на уединенной скале. Здесь встретятся вам праведники обоих полов и всех возрастов: от матери многих детей до девственницы, всю жизнь посвятившей девству, от старца до юноши и отрока; всех характеров, нравственных перемен, глубоких падений и чудесных восстаний: от разбойника на кресте до Марии Египетской, спасавшейся в пустынях заиорданских, от хульника и гонителя Церкви Божией до ревностнейшего исповедника и великого апостола оной. Можем смело утверждать, что в области всего учения церковного ни одной нет истины, ни одной добродетели, ни правила христианской нравственности, ни должности общественной и семейной, ни образа благочестивой жизни, от молчаливства до юродства Христа ради, которые бы в службах церковных не имели своего особого лица, своего характера, своего отдельного представителя, вполне осуществившего то, или другое, или многие совершенства христианские и представившего на них очевидное, как бы телесное доказательство. В течение года сколько

можем изучить великих судеб Господних о роде нашем, сколько можем узнать великих героев добродетели, олицетворивших своею жизнью самые высокие истины христианства, сделавшихся владыками природы, совершивших чудеса, неведомые миру, непонятные мудрецам его!

Но, братие мои, в этом множестве истин церковного наставления есть предметы главные и постоянные, о которых можем слышать всякий раз, когда бываем в храме: **Бог, душа, вечность**. Бог со Своими беспредельными совершенствами, с беспредельною бездною судеб Своих, с великими тайнами творения, искупления, освящения и возрождения человечества, со Своим премудрым управлением и промыслием о вселенной; душа со своим богоподобным величием и славою до падения, со своим крайним унижением и тьмою по падении, со своим обожением по искуплении, со всеми средствами спасения, со своею настоящею и будущею участью; вечность с ее бесконечным блаженством и радостями для праведных, с бесконечными муками и злополучием для грешных, со своим раем и своим адом. Бог, душа, вечность – вот те великие и несказанно важные для нас предметы, на которые Церковь старается ежедневно обращать наше внимание. *Братие,*– писал некогда святой апостол Павел к христианам колосским,– *блюдитесь, да никто же вас будет прельщая философию и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе: яко в том живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 8–9). Не думайте (и в наше время сказать можно), чтобы мудрость мирская сказала о важнейших предметах знания больше и лучше того, что говорит о них Святая Церковь. Любомудрые школы древних мудрецов были столько же славны, как и училища нынешних философов; так же много обещали ученикам своим, как и ныне. В них с великою охотою и прилежанием изучали древнюю мудрость Ареопагиты, Иустины Философы, Василии Великие, Григории Богословы, Иоанны Златоусты и многие другие. Что нашли они в той мудрости? Темноту, противоречия, неудовлетворительность в учении о святой истине. «Из всех книг мудрецов наших,– говорит святой Григорий Назианзин,– которые изучал я до тридцати лет моего возраста, только одна книга содержит в себе истинную мудрость – книга, данная мне покойною матерью моею

и не принадлежащая мирским мудрецам». Эта книга была Евангелие. Потому-то, как скоро явилось христианство и храмы христианские соделались всеобщими училищами, школы мудрецов начали пустеть; лучшие ученики знаменитых Гамалиилов, Ливаниев, Цельсов и многих других оставляли своих учителей и повергались в объятия Церкви.

Древний мрак философических учений о Боге, о душе и вечности господствует и в нынешних учениях светского любомудрия, коль скоро оно отчуждается от Евангелия и Церкви; потому что как древние, так и нынешние, мудрецы мира основывают свои познания на темных началах и предположениях ума человеческого, который сам темен. Напротив, Церковь не познает, не предполагает, а видит Бога оком веры; не из начал ума, а из откровения Самого Бога учит о Боге; учение о душе почерпает из того же откровения Божественного, и потому ее учение ясно, животворно и ежедневно свидетельствуется опытом. Ничего нет темнее, как вечность философическая и наша будущая жизнь в вечности, – напротив, вечность, проповедуемая Церковью, столько же известна и достоверна, сколько достоверно то, что мы живем здесь, на земле. Прочтите все, что говорит о вечности слово Божие, церковные книги, писания отцов. Вы увидите, что страна рая и страна ада изображены там гораздо подробнее, чем в наших жизнеописаниях какой-нибудь отдаленный уголок земного шара или какая-нибудь столица старинного народа. Наука жизни – которую прежде назвал я практическим знанием, – предлагаемая светскою мудростью, пусть она будет самая основательная, подробная и точная; но зато она и остается одною наукою, существует в книгах, на словах, в рассуждениях. А где ее герои? Где исполнители правил ее, мученики за ее законы, подвижники по ее предписаниям? В науке жизни, предлагаемой Христовой Церковью, меньше слов и больше действий, меньше законов и несравненно больше святых людей, ангелов во плоти, человеков небесных, которые обратили те законы в свой дух и жизнь и которые, живя по ним, наполняли, наполняют и будут наполнять Царствие Божие на небесах.

Так, братие, Церковь дает не только правила и законы христианской жизни, но, что всего важнее, чего никакое любомудрие в свете ни дать,

ни обещать не может,— она дарует верным сынам своим все силы к исполнению ее законов, и силы Божественные. ...*Вся нам Божественная сила Его, яже к животу и благочестию, подана разумом Призвавшего нас славою и добродетелию: имже честная нам и великая обетования даровашася, да сих ради будете Божественного причастницы естества, отвергши, яже в мире похотныя тли* (2 Пет. 1, 3–4). Ах, что может быть выше и величественнее того обетования, как соделаться причастником Божественного естества! *Темже, возлюбленнии,— увещевает нас святой апостол Петр,— препоясавше чресла помышления вашего, трезвящися, совершенно уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым. Яко чада послушания, не преобразующеся первыми неведения вашего похотении, но по звавшему вы Святому и сами святы во всем житии будите. Зане писано есть: святы будите, яко Аз свят есмь* (1 Пет. 1, 13–16). Аминь.

Беседа седьмая. О способах церковно-общественного учения христиан

Великие и святые истины, которые Церковь старается преподать нам, требуют и способов преподавания, с одной стороны, священных и благолепных, с другой – всеобщих и удобоприменительных ко всем состояниям поучаемых. Они и есть, эти способы, священо-благолепные и всеобщие применительные. Какие именно? Во-первых, способ священных знамений и образов (символический, изобразительный), во-вторых, способ священных действий (представительный), в-третьих, способ словесный.

Способ священных знамений и образов

Расположение, устройство, облачение наших храмов таково, что в них всякая вещь назидательна, все говорит благочестивому сердцу и уму и, следовательно, все учит. Так, на высоте алтарного украшения мы, тотчас при входе в храм, видим изображение Искупителя нашего, распятого, преклоняющего Божественную главу, изъязвленную терновым венцом и предающего дух Свой Богу Отцу. Неужели здесь мало поучения для нас? Ах, как часто одно воззрение на святую икону страждущего Спасителя спасало отчаянных грешников, которых не могли тронуть самые сильные убеждения! Как много было людей, которые всю жизнь поучались у подножия Креста Христова и не имели нужды в поучениях словесных!

Но, братие возлюбленные, изображение Господа распятого не есть единственное священное знамение наших храмов, они все покрыты множеством других святых образов. В одном месте можем видеть архангела Гавриила, благовествующего Пресвятой Деве неизглаголанную тайну воплощения; в другом – образ Рождества Господня; там – праведного Симеона, премлющего на свои руки Свободителя душ наших; здесь – Иоанна Предтечу, крещающего Владыку вселенной в струях иорданских. На одной стороне храма взор

наш встречает образ Господа, вещающего Нагорную проповедь народу; на другой – исцеляющего больных и воскрешающего мертвых; в ином месте – входящего в храм Иерусалимский, яко Царя и Господа; в другом – ведомого на Голгофу, яко осужденного; то кротко беседующего с мытарями и грешниками, то совершающего Тайную вечерю со святыми апостолами, то полагаемого во гроб, то воскресающего и возносящегося на небо. Не вся ли жизнь Господа нашего является очам нашим, – жизнь, которую легко можем читать в образах, даже не умея читать?

С ликом Искупителя является нам лик Пресвятой и Преблагословенной Матери Его: то зрим Ее, держащую на святых руках Своих Божественного Младенца, то молящуюся за весь мир и покрывающую народ честным омофором Своим, то избавляющую грады и веси от супостатов, помогающую царям и воинам, исцеляющую больных, утешающую скорбящих. Как не умилиться душою, взирая на пречистый образ Покрова Богоматери, Которая изображается здесь стоящею, как оплот, между грешным миром и праведным гневом небесным, движимым на нас, но удерживаемым десницею Владычицы нашей!

А лики патриархов и пророков, лики апостолов и мучеников, отцов и учителей вселенских, лики ангелов Божиих... Часто видим в преддвериях храмов изображение ангела Господня, пишущего имена входящих в храм, замечающего тех, кои благоговейно и неблагоговейно присутствуют в дому Божиим. Можно ли пройти мимо сего образа без трепетной мысли о том, как должно стоять в храме Господнем? Можно ли без стыда и раскаяния воззреть на святую икону, если стояние в храме было неблагоговейно и бесчинно? Ах, братие мои, это было бы крайнее несчастье, если бы мы, вошедши в дом Господень, не почувствовали, что стоим пред лицом Бога Вседержителя; что мы, земные, находимся посреди сонма небожителей, которые своими ликами всегда могут восторгать нашу мысль в Церковь небесную, возносить душу ко престолу Всемогущего!

Дома знатных людей часто украшаются фамильными изображениями, и мать, подводя юного сына к изображению того или другого

знаменитого предка, говорит: «Подражай ему, если хочешь быть великим и славным в свете». Сколько в храмах Божиих есть святых изображений, которые сами говорят сердцу нашему: «Подражай хотя одному из сих, коих лики ты видишь здесь, и ты будешь велик пред Богом и человеки!» Изобразительный способ учения, употребляемый Церковью, тем важнее и драгоценнее, что он есть способ всеобщий, для всех и каждого удобный и вразумительный. Здесь нужны только глаза, нужно немного внимания и смысла, чтобы научиться весьма многому.

Способ священных действий

«Иереи, начинающие Божественные песни, внутрь священного алтаря, – говорит учитель Церкви Симеон Солунский, – первыя, яже при Бозе, образуют чины; диаконы же и чтецы, и песнопевцы средний чин небесных являют; народ же весь, право себе имеяй в вере, являет последний чин; с ними же не довлеет стояти или злодею, или иноверну: несть бо общения света с тьмою. Аще же кто обратится к свету, тогда прият будет сущими от света» (Блж. Симеон Солунский. Толкование литургии). Поистине служители алтаря Господня своим облачением и различными действиями являют нам то образ ангелов Божиих, поведающих таинства горнего мира, то образ пророков и апостолов, поучающих боговедению, то образ Самого Искупителя нашего, ходатайствующего о нас, грешных, у престола Отца Небесного. Народ праведный, благоговейно стоящий и молящийся в храме, изображает чистых духов бесплотных и души святых в Церкви небесной; народ грешный, с покаянием повергающийся пред алтарем, представляет падший род человеческий, из праха вопиющий о помиловании.

Священные одежды, в которых являются пред нами служители Господни, все имеют духовный смысл. Ибо иная из сих одежд, по толкованию богомудрых учителей церковных, показывает чистоту и святость служения ангельского (стихарь и орарь); иная означает благодать Всесвятаго Духа, ниспосылаемую свыше (епитрахиль); иная – скрижали Ветхого и Нового Завета (источники и скрижали

архиерейские); иная – служение Спасителя нашего, которое Он совершил во днех плоти Своея (пояс священнический); иная – победу над смертью и нетление естества нашего (набедренник); иная – узы Искупителя и хламиду Его (поручи и фелонь); иная представляет Господа нашего, поднимающего на рамена Свои падшее человечество, яко овца заблуждшее (омофор).

Далее, видим частое движение в наших храмах. Ужели трудно понять, что курение фимиама церковного есть знак благодати Божией, хотящей облагоухать нас, знак усердных молитв наших, долженствующих возноситься ко престолу Вседержителя, яко кадило благовонное, яко дым непорочной жертвы Авелевой, – знак того, чтобы мы уготовляли самих себя в *воню благоухания* Господня?! Видишь возжжение светильников, то умножение, то уменьшение света. Разве это не есть видимый образ того, что закон Господень должен быть светильником очам нашим, что Евангелие Христово есть единый истинный свет, просвещающий нас на мрачном пути жизни, и что в отсутствие сего Божественного света владычествует над всею землею тьма египетская? Видишь различные входы и выходы священнослужителей, изменение одежд по временам, то отверстые, то заключенные врата царские. Разве в сих действиях мало поучительного для нас? «Когда видиши отъемлемыя завесы во вратах алтаря, – говорит святой Златоуст, – тогда помышляй, что разверзаются горния небеса и снисходят ангелы» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседа третья на Послание к Евреям). «Никтоже во оное время житейские помыслы да имать, но вся земная из мысли изринув и на небеса всего себе приложив, яко близ самого престола славы стоя и с серафимами царя, тако всесвятую песнь Богу славы и величества да возносит» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседа четвертая о непостижимом).

Но для чего мне исчислять все действия и обряды церковные, ежедневно совершаемые пред очами нашими? Довольно того, что все сии действия вообще и каждое особенно – и в целом, и в малейших подробностях – содержат в себе важные истины, всегда могущие без всякого труда с нашей стороны назидать нас во спасение и не только назидать, но и услаждать дух наш святым веселием. Ах, братие возлюбленные, мы привыкли видеть священнодействия Церкви точно

так же, как привыкли равнодушно смотреть на великую красоту мира Божия; и потому они, может статься, мало занимают нас, не многому поучают и еще менее освящают нас. Впрочем, не по нашим вялым и отяжелевшим чувствам должно судить о величии и назидательности священнодействий церковных. Вспомните то время, когда наши предки, еще не просвещенные светом Евангелия, в первый раз узрели богослужение Церкви в древней столице православия – Цареграде. Какие чувства и мысли родились в них тогда? «Мы видели богослужение греческое, – говорили они, – и мы думали, что стоим на небесах. Нам показывали много великолепного в Риме; но то, что мы в Константинополе видели, приводит ум человеческий в исступление». Что поразило их так сильно и привело в неизъяснимый восторг? Преимущественно священнодействия церковные; слов они, вероятно, не понимали, потому что богослужение совершалось не на их языке. Вот до какой степени могут назидать и трогать одни действия Церкви, без слов.

Словесный способ общественного наставления

Между тем Церковь старается учить не одними образами и действиями, но вместе с этими способами она мудро соединяет словесный способ. В чем заключается этот способ? Во-первых, в **чтении**, которому Церковь дала два вида: чтение протяжное и чтение скорое. Протяжное чтение она определила для важнейших уроков своих, каковы паремии, Евангелия, Апостолы, известные молитвы, возглашаемые иереями и диаконами. Чтение скорое допустила простым чтецам в таких частях своего богослужения, которые чаще других повторяются. Может быть, вы скажете, что сие чтение бегло и невнятно, а потому и бесполезно для вас? Правда, это великий грех для чтецов, если они читают или «борзо и неблагоговейно, или дмяся и громогласуя». Но, с другой стороны, не лень ли и прихоть слушающих отучила церковных чтецов от правильного и отдельного чтения? Для кого читать внятно, когда нет внимающих? Разве мало таких, кои, присутствуя в храме, хотят не отдельного и смысленного чтения, а скорейшего конца ему?

Во-вторых, дабы уроки церковные, сообщаемые чтением, не показались однообразными и утомительными, дабы они приятнее действовали на душу и тверже сохранились в памяти народа, Церковь со своими чтениями соединила священное **песнопение**. О, как сладостно для истинного христианина церковное пение, как животворно для сердца и питательно для души его! Он не только в храме Божиим умиленно слушает, но в доме своем молитвенно повторяет его; и в радостях, и в горестях домашних он услаждает себя одиноким воспеванием стихов церковных; ими облегчает свои труды и заботы житейские, ими же освящает и отдых свой. Они для него и песнь, и молитва, и поучение. Ибо, действительно, каждый стих церковный – поют ли его или читают – есть и молитва, и поучение вместе; многие из них так поучительны и святы, что самые ангелы поют оные на небеси. Кто причиною, если не все назидаются пением церковным? Если вам кажется невыгодным то, что во храмах поют одни учрежденные певцы, а вы стоите, не участвуя своим голосом и языком, – изучайте пение церковное и пойте сами для себя в домах своих, что воспевается в храмах для всех. Впрочем, и не участвуя голосом, можно участвовать сердцем и умом в пении церковном. К сему-то участию приглашает Святая Церковь, когда убеждает и молит всех нас, «да едиными усты и единым сердцем» непрестанно славим Господа. Если вы опять скажете, что напевы церковные однообразны (однако вы не можете сказать, чтоб они не были возвышенны и в полной мере церковно-изящны), то слушайте искусственное пение, которое Церковь для вашего услаждения охотно приняла в часть своих богослужений. И можно вас уверить, что из всех возможных пений самое лучшее, самое удовлетворительное для слуха и чувства есть именно это церковно-искусственное пение, если только оно благоговейно и благочинно выполняется.

Словом, Церковь употребила все наилучшие способы, чтобы свое общественное наставление сделать не только спасительным, но и священно-изящным. Для очей она облекает свои храмы и своих служителей приличным благолепием; для обоняния разливает по временам благовонное курение фимиама; для слуха и чувства употребляет пение, для ума чтение. Где, в каких училищах света найдете столько благочестивого разнообразия? Где в такой мере и так

стройно соединена святыня с назиданием, назидание со спасением, спасение с духовною приятностию!

В-третьих, наконец, я должен указать и на тот способ церковно-общественного учения, который толикое время употребляю для вас, – на сказывание **проповедей церковных**. Пользу и достоинство сего способа вы можете сами оценить; но нельзя умолчать, что он не всегда и не везде достигает той высокой цели, какую назначила ему Церковь, ибо часто слышим упрек, что проповедь есть самая скучная часть богослужения. Положим, что они, эти проповеди, скучны для вас и – увы, братие мои! – может быть, ничто столько не наскучило вам, сколько мои неискусные беседы! Но какой приятности ожидаете вы от церковной проповеди? Может ли она быть приятна, когда по свойству самих истин, раскрываемых ею, она необходимо бывает противоположна мирскому вкусу и господствующему духу времени; когда обязана постоянно бороться с господствующими страстями, принятыми обычаями и правилами света, не везде христианскими; восставать против заблуждений и любимых привычек, осуждать грехи народные, возвещать суды Божии, говорить истины, которых мир не любит? Вы сошлетесь на неискусность проповедников? Ах, кто не пожелал бы приобрести для вас не только самый искусный язык человеческий, но даже язык ангельский, чтобы слово церковное сделать медоточным для вас, всюду победоносным и торжествующим! Но, Боже Праведный, и служители слова Твоего суть такие же люди, как и все: люди немощные, подверженные частым грехопадениям, может быть, худшие из рабов Твоих, в простоте сердца призывающих святое имя Твое. По беззакониям нашим мы можем исповедывать пред Тобою только свое недостойнство, а не умолять о даре слова, который Ты ниспосылаешь достойнейшим.

Так, возлюбленные братие, мы очень помним грозное слово Псаломника, сказанное грешным проповедникам: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса Моя вспять* (Пс. 49, 16–17). Но мы не можем уклониться от обязанности, возлагаемой на нас Церковью. Не до похвалы нам, когда благовествуем; нет, *нужда нам належит*, ибо в слове Божиим

объявлено горе беседовникам, аще не благовествуют (см.: 1 Кор. 9, 16). Вам кажутся тягостными несколько минут, которые вы захотите уделить на выслушание готового слова: думаете ли, что проповедникам охотнее говорить, нежели вам слушать? Думаете ли, что они без всякого труда и самодовольные произносят вам слова свои? Нет, вы не знаете этих беспокойных ночей, кои проводят они в тяжких изысканиях и долгом размышлении о том, что должно сказать вам; не знаете еще тягостнейшей работы над тем, как сказать! Вам неизвестна та жестокая борьба, которая возникает в них между совестью, требованием долга и ясным сознанием своих недостатков всякий раз, когда им нужно являться пред вами; неизвестно то смущение и трепет сердечный, с которым они восходят на церковную кафедру. И несмотря на все сие, они по требованию своего долга восходят, почти всегда быв уверены, что их ожидает один неумолимый суд народа и осуждение. А они, по крайней мере, заслуживают хотя бы простого сострадания!

Впрочем, не Церковь виновна, если проповедники бывают несильны в слове и народ не назидается. Знаем из Писания, что Бог во гневе Своим иногда за грехи народа отъемлет у него Своих пророков, не посылает искусных проповедников. *Послю, – говорит, – глад на землю, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня... И обтекут, ищуще словесе Господня, и не обрящут* (Ам. 8, 11–12). Церковь же со своей стороны сделала все, чтобы научать и спасать нас: предметы учения назначила самые важные, места и времена самые удобные, способы самые легкие и всеобщие, сообразные с силами и потребностями всех и каждого. И мы веруем, что все сии принадлежности церковно-общественного воспитания христиан не остаются тщетными по милосердию Господа нашего Иисуса Христа и по благодати Всесвятаго Утешителя Духа. Одно то уже, что христиане часто присутствуют во храмах Божиих, разливают свет Евангельского ведения в народе, незаметно образует ум, сообщает дух христианской воле, развивает благочестивое чувство и вкус к вещам Божественным. Только сын беззакония, человек совершенно безнравственный может приходить в храм Божий с соблазном себе и другим и выходить из него без всякого назидания. От чего да избавит всех нас Господь и Бог наш

Иисус Христос, молитвами и ходатайством о нас Святыя Церкви
Своя, общей матери и учительницы нашей. Аминь.

Беседа восьмая. О том, что Церковь есть мать наша по долгу хранения и промышления (Сущность утренних и вечерних молитв)

Намереваясь говорить о том, что Церковь есть мать наша по долгу хранения и промышления о нас, я нахожусь, братие возлюбленные, в большом затруднении. Моему размышлению представляется так много предметов, что я не разберу, на чем остановиться и какой дать порядок моим беседам. В самом деле, на какое событие, важное или очень обыкновенное, в жизни христианина ни обращаю внимание, везде срастаю Церковь с ее святыми попечениями, с ее промыслительными действиями во благо и спасение наше; везде вижу я благочестивые обряды, которыми она встречает человека при его вступлении в свет, особенно при вступлении в мир христианский, сопутствует ему в продолжение целой жизни, провожает в могилу и самую могилу соделывает жертвенником, на котором из рода в род творится молитвенная память о земном существовании христианина. Не заботясь о строгом порядке бесед моих (вам какая нужда в нем?), я обращусь ныне к тем попечениям Церкви, кои она оказывает утром и вечером в каждый день нашей жизни, и постараюсь изъяснить сущность утренних и вечерних молитв.

Молитвы утренние

«Вы все еще спите и поживаете», – говорил Спаситель ученикам Своим, около полуночи совершая молитвенный подвиг в саду Гефсиманском. Троекратно подходил Он к ним, троекратно находил их спящими и, как бы жалея нарушить покой друзей Своих, Один повергался на землю с пламенной молитвою к Отцу Небесному (см.: Мф. 26, 39–44). Поистине, братие возлюбленные, сии слова и сии действия Господа нашего мы вполне можем отнести к святой матери

нашей Церкви. Взирая на нас, как на детей, беспечно покоящихся в колыбелях своих, она около всякой полуночи тихо старается пробуждать нас гласом Искупителя: «Что спите? Воставше, молитесь, да не внидете в напасть». Но если мы спим и не хотим подняться от ложа нашего, то она со своими служителями и с немногими бодрствующими сынами – обыкновенно с дряхлыми старцами – удаляется в храмы свои (как Господь удалялся в сад Гефсиманский) и там совершает **полунощные молитвы** о нас. Мы еще спим и почиваем, а она уже повторяет покаянные и поучительные псалмы Давидовы. Мы спим, а она, как бы с сожалением говоря о нас: «Вы все еще спите и почиваете», – уже многократно испрашивает в молитве Господней хлеба насущного у Отца Небесного.

Не довольствуясь одними общими молитвами, приносимыми за нас в храмах, и ведая, что мы не все поспешим туда, Церковь предлагает каждому из нас, как младенцу, особую готовую пищу домашнюю – предлагает **утренние молитвы**, назначенные ею для домашнего употребления нашего. Она желает, чтобы первым вашим словом по пробуждении было призывание имени Всесвятыя Живоначальныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа; чтобы первым нашим действием было троекратное ограждение себя крестным знамением честнаго и животворящего Креста Господня. Она старается тотчас по восстании нашем от сна придать нам чистоту ангельскую, поставить нас в лице Сил небесных и заставляет воспевать ангельскую песнь: «Свят, свят, свят!». Но как все мы далеки от чистоты и святости ангелов Божиих, мы, которые отходим ко сну грешными, а пробуждаемся от сна иногда еще грешнее, нежели какими уснули, то Церковь сперва заповедует нам благодарить Создателя нашего, что Он не погубил нас со беззакониями нашими, но по Своему обычному человеколюбию и долготерпению воздвиг от одра и сна, и потому каждую молитву свою наполняет очистительными воплями покаяния, просвещения и освящения нашего. Так, в иных молитвах она заставляет нас умолять Господа, чтобы Он Сам очистил нас от всякой «скверны плоти и духа» (молитва 1) и даровал «нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти» (молитва 5); в других – чтобы Он, по нашем сне ночью, воссиял нам день безгрешен (молитва 2), просветил «наша мысли, очеса и ум наш

от тяжкаго сна лености» восставил (молитва 6); в иных – чтоб Он, даруя нам новый день жизни, помогал нам на всякое время во всякой вещи и избавлял «от всякия мирския злыя вещи» (молитва 3), сподобляя нас всегда творить Его святую волю (молитва 4). Уныние, забвение, неразумие, нерадение почти всегда бывают причиною неисправной жизни нашей: Церковь обращает нас к Богоматери, да Она святыми Своими и всесильными мольбами «отженет» сии и все другие пороки (молитва 10), да разрешит пленицы (узы) грехопадений наших и сотворит нас домом Духа Божественнаго (молитва 7). В каждую минуту жизни нам необходим небесный страж и помощник: Церковь заставляет нас вопиять к ангелу-хранителю окаянной души нашей, да не оставит нас ниже отступит за невоздержание наше, да укрепит бедствующую и худую руку нашу и наставит нас на путь спасения, да покрывает в наступающий день и хранит нас от всякого искушения (молитва 9).

Многократно мы отходили ко сну; многократно и вставали от сна такими же, как вчера и третьего дня; восстали ныне, может быть, встанем и завтра. Но кто знает, лучше ли будем сегодня и завтра, чем были вчера? Станем ли совершать дела света или еще глубже погрузимся во тьму греховную? Ах, братие, сколько раз обещались мы исправить окаянную жизнь нашу и всегда лгали себе и Богу нашему! Где наши дела, которые могли бы спасти нас? «Боже мой, не обрящещи дел, отнюд оправдающих мя!» Что же остается нам ко спасению? Благодать, вера. Посему-то Церковь в начале утренних молитв обязывает нас произносить молитвенно Символ веры, а в конце их дает нам самую сильную молитву к Искупителю нашему, которою старается не только умиловать Господа, но как бы и убедить Его к тому всем делом искупления – спасти нас, ссылаясь не на наши непостоянные, а на Его непреложные обетования, не на наши дела, а на Его бесконечную благодать и милосердие. «Ты, Многомилостивый, – заставляет Церковь каждого из нас вопиять ко Господу Иисусу, – многия ради любви сшел и воплотился еси, яко да спасеши всех. Теперь еще и еще спаси мя по благодати, молю Тя». Какой грешник сам от себя дерзнул бы сказать Богу-Судии: «Если от дел спасеши меня, это не благодать и не дар; это долг паче»? Церковь влагает в уста наши сие дерзновение. Кто отважился бы одну простую

веру свою представить вместо всех дел благих и ею смиренно защищаться пред правосудием? Церковь дает нам сию великую защиту. «Ей, Многий в щедротах и Неизреченный в милости! Ты Сам сказал: веруй в Мя жив будет и не узрит смерти во веки. Итак, если вера в Тебя спасает отчаянных грешников, то вот я верую: спаси меня, ибо Ты мой Бог и Создатель. Пусть вера моя вместо дел вменится мне: ибо дел, оправдывающих меня, Ты не найдешь у меня. Но та вера моя да удовлетворит Тебе за все, та да отвечает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастником славы Твоя вечныя. Пусть не похвалится сатана, что он отторгнет меня от Твоей руки и ограды. Не взирай на мою испорченную волю; но хочу ли я или не хочу, спаси меня: ибо Ты еси Бог мой от чрева матери моея» (молитва 8). Таким-то образом святая мать наша не только молит Господа о нас, но и защищает нас пред Ним; не только сама защищает, но и нам окаянным дает некоторое неотъемлемое право на защиту себя.

Молитвы на сон грядущим

Еще усерднее и чадолюбивее попечения Церкви о нас в то время, когда мы и после дневных трудов, и после грехов намереваемся отойти к ночному сну; отсюда еще трогательнее и пламеннее церковные молитвы на сон грядущим. Я сказал: после дневных грехов. Так, братие возлюбленные. Слово Божие учит нас, что нет ни одного человека, который бы чист был пред Богом, хотя бы этот человек жил только один день на земле. Да и совесть наша свидетельствует, что мы каждый день согрешаем, то как человеки, то и не как человеки, а иногда и «горее скота». Есть у нас ежедневные грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые. Есть грехи от юности и по юности, грехи от науки злой, от наглства, от уныния. Мы должны бы со страхом и благоговением произносить имя Божие; но мы ежедневно всуе призываем сие святое и страшное имя, либо хулим оное в помышлении своем. Мы должны бы каждую минуту любить своих ближних, как братьев, обходиться со всеми, как с детьми Отца Небесного. Но что же мы делаем, как не ежедневно укоряем других, клеветаем, гневаемся, судим, уязвляемся сердцем при виде чужой добр`оты? К нам приходил несчастный за утешением, а мы еще

больше опечалили его. Приходил нищий за помощью – мы презрели его. Приходил смиренный за советом – мы пред ним развеличались, разгордились, либо ему дали повод к соблазну, либо сами при взоре на него помыслили развращение в сердце своем. Безгодно спали, неумеренно употребляли пищу и питье, предавались безумному смеху; иногда становились на молитву, но ум наш двигался о лукавствии мира; иногда вовсе нерадели о молитве и произносили слова неподобные; может быть, целый день провели в злых насмешках над прегрешением брата нашего, а забыли, что свои грехи у нас бесчисленные (молитва 3).

Не такова ли точно история повседневной жизни нашей? С окончанием каждого дня оканчивается отдельная часть бытия нашего, и каждый вечер в тайной книге сердца нашего прибавляется особая мрачная страница. Мы не любим, иногда не умеем читать сих плачевных страниц; но они написаны в совестях наших, их зрит правосудие небесное, зрит Святая Церковь и при кончине каждого дня старается закрыть оные от всевидящего ока Божия. Потому-то она каждый вечер предлагает нам самые трогательные молитвы к Богу Отцу, к Богу Сыну, к Богу Духу Святому – молитвы очистительные и покаянные; потому-то заставляет взывать ко Спасителю и Судии нашему, чтобы Он каждому дню нашей жизни даровал конец благий и чтобы, не означая имени и дел наших в книге судной, написал нас «в книзе животней» (молитва 7).

Ночной сон, дарованный Господом в упокоении немощи нашей, «в ослабление трудов многотрудных плоти» и воссияние нового дня для нас Церковь почитает одним из великих чудес милосердия Божия к нам грешным, – чудес славных и ужасных, «ихже несть числа». Но еще большее чудо она видит в том, что Великодаровитый и Человеколюбивый Господь приводит нас на конец того или другого мимошедшего дня нашей жизни, тогда как мы ленивы на угождение Бессмертному Царю и ничего доброго не делаем. Дабы мы познали, как велико сие ежедневное чудо милосердия Божия, Церковь дает нам необыкновенно трогательную, благодарную и вместе очистительную молитву, сама как бы не находя слов, довлеющих к изъявлению нашей благодарности. «Что Ти принесу? Или что Ти воздам,

Великодаровитый Безсмертный Царю, Щедре и Человеколюбче Господи? Яко ленилася мене на Твое угождение и ничтоже благо сотворша, привел еси на конец мимошедшаго дне сего, обращение и спасение души моея строя» (молитва 4). «Мирен сон и безмятежен даруй ми, ангела Твоего хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя от всякаго зла, яко Ты еси хранитель душам и телесем нашим» (молитва 5). Умилительное зрелище представляет мать, которая с нежною заботливостью готовит покойное и чистое ложе своему младенцу, закрывает его от света, от беспокойных насекомых и шума людского, и когда дитя уже спит, она все еще бодрствует у колыбели его, молитвенным словом и сердцем желая ему сна тихого и отрадного. Но, когда я думаю о значении вечерних молитв, когда стараюсь проникнуть в смысл их, нахожу, что самые нежные заботы земных матерей о своих детях далеко не равняются с попечениями Церкви о нас грешных; самые лучшие их желания о мирном сне детей все еще не так хороши, не так святы и возвышенны, как желания Церкви при нашем сне вечернем. Как трогателен образ спящего христианина, начертанный в вечерних молитвах Церкви! Христианин поживает на ложе, а в нем поживает Сладчайший Иисус, добрый Пастырь Своих овец. Телесные очи покрыты сонною мглою, но дух озаряется немерцающим светом Духа Святаго. Ум во время бодрствования, может статься, забывавший о Евангелии, во сне осиявается таинственным лучом разумения Евангельского. Душа знаменуется любовью ко Кресту Искупителя, сердце – чистотою слова Господня, тело освобождается от страстей бесстрастною страстию Пострадавшего за нас, мысль хранится Божественным смирением Агнца Божия (молитва 2). Сон христианина не только безмятежен, но и священ, ибо у него отнят лукавый помысл видимого сего жития (молитва 4), удалено всякое мечтание и темные сласти, укрощено стремление страстей, всей душе и телу дарована благодатная ослаба (молитва 6). Над ним простерт покров Пресвятой Девы и молитвы угодников Божиих (молитвы 8, 9, 10). У его ложа ночного бодрствует ангел-хранитель, блюдущий его от нападения темных сил и «от всякия иныя неподобныя вещи» (молитва 11). Не есть ли это образ того сна, каким могут поживать только благодатные сыны Божии на лоне Отца Небесного?

Но грешнику ли почивать блаженным покоем праведников? Для кого скорее и внезапнее одр может сделаться гробом, сон смертью, как не для грешника? Кому ужаснее последний суд Божий, как не тому, кто «злое творя не престаёт»? Церковь знает всю опасность нечаянной кончины, праведно могущей постигнуть нас, в нечаянии лежащих; посему-то, приводя к одру, она заставляет каждого из нас с недоумением вопрошать Господа: «Неужели мне одр сей гроб будет? Или еще окаянную мою душу просветиши днем?» Заставляет нас в ложе и сне предусматривать истинный гроб и смерть: «Вот гроб мой предо мною, и смерть предстоит мне». Сама как бы трепещет суда Божия за нас и нас заставляет признаться: «Суда Твоего, Господи, боюсь и муки бесконечные ужасаюсь». Прежде суда Божия заставляет нас осуждать самих себя: «Знаю, о мой Боже, что я недостойн Твоего человеколюбия, а достоин всякого осуждения и муки» (молитва св. Иоанна Дамаскина). Но и здесь, братие возлюбленные, в этом неложном откровении предсмертных и предсудных чувств наших, в этом правильном самоосуждении нашем Церковь отнюдь не хочет оставить нас в нечаянии; напротив, чем ближе опасность, чем яснее наша уверенность в своем достоинстве, тем более она старается возбудить надежды в нас, заставляя каждого произносить спокойно и со всею преданностью: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святыи» (молитва св. Иоанникия). Тем более дает нам христианского дерзновения, влагая в уста наши сильные слова святого Дамаскина: «Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя. Аще бо праведника спасеши, ничтоже велие; и аще чистаго помилуеши ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя. Но на мне грешнем удиви милость Твою; о сем яви человеколюбие Твое, да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благодати и милосердию». Поставляя нас пред ложем, на которое возлечь желаем, Церковь заповедует ограждать оное крестным знаменем, как щитом неборимым; желает духу нашему сообщить блаженное веселие при мысли о животворящей силе Креста Господня. И когда наши вежди готовы сомкнуться, она говорит нам последнее слово материнское: «Перекрестися и с молитвою засни, помышляя день судный, како имаши предстати Богу».

Мати Сион речет: человек и человек родися в нем, и той основа и Вышний^[1]. *Яко веселящихся всех жилище в тебе* (Пс. 86, 5, 7), – с

умилением воспевали древние израильтяне, взирая на свой возлюбленный Сион. Не тем ли с большим умилением мы, любезные братья, должны взывать: «О мать наша Святая Церковь, новый Сион Господа нашего Иисуса Христа! Поистине всех веселящихся жилище в тебе...» Из ее материнских недр мы родились; на ее материнских руках воспитываемся; под ее материнским кровом и хранением мы встаем и засыпаем, действуем и покоимся. Она везде с нами и всюду за нас. Аминь.

Беседа девятая. Попечения Церкви о жилищах христиан

Одну из существенных житейских потребностей наших составляет потребность иметь себе приют для жительства; важный, иногда и главный, вопрос жизни нашей есть вопрос: где жить, в чем жить? Птица вьет себе гнездо, зверь ищет логовища, тем более человеку необходим кров и постоянное пристанище, – и он всегда ищет сего пристанища. Посмотрите, как весело лицо и ясны взоры того человека, который с чистою совестью может сказать: «У меня свой дом, собственными трудами воздвигнутый». И наоборот, как грустен вид и уныло сердце того, кто на вопрос: «Где твой дом?» – глухо отвечает вам: «У меня нет его!». Прискорбно, а часто и ужасно, смотреть на слезы и вопли сирот, оплакивающих смерть своих родителей, – не менее прискорбно взирать на семейство, по какому-либо случаю лишившееся своего пристанища. Ибо сирота после долгого плача и слез может возвратиться в родной угол и успокоиться; семейству, лишенному крова, возвратиться некуда, кроме крова небесного. Потому-то Сам Бог угрожал евреям лишением домов, как одним из величайших наказаний. *И будет, – говорил, – аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего хранити и творити вся заповеди Его... приидут на тя вся клятвы сия и постигнут тя. Проклят ты во граде, и проклят ты на селе... дом созиждеш и не поживеши в нем* (Втор. 28, 15–16, 30).

Каковы бы ни были сии и подобные чувства человека к родному крову, но Святая Церковь не только не противоречит им, напротив, употребляет все зависящие от нее средства, чтобы дома и жилища наши сделать сколько можно прочнее, удобнее и спокойнее. Отсюда ее чины и последования при созидании новых храмов и обителей, новых городов и селений, особенно при созидании новых домов. Она со своими трогательными обрядами и священнодействиями спешит на помощь в то время, когда христианин намеревается основать дом, когда желает вступить для жительства в новопостроенный дом, пред и

во дни великих празднеств своих и при всяком случае, когда только живущие в доме захотят пригласить ее.

Чин основания дома

Человек нередко в гордости своей, подобно царю вавилонскому, помышляет: *Несть ли сей Вавилон великий, егоже аз соградих в дом царства в державе крепости моя в честь славы моя?* (Дан. 4, 27). Но Церковь лучше других ведаёт, что сами собою мы ничего не можем *соградить*, построить, и что, *если не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс. 126, 1). Посему она обращается с пламенными молениями к Зиждителю всяческих о помощи хотящим созидать оный дом. Она заповедует служителям своим идти на место основания дома с освящённою водою или освятить ее на самом месте основания. Гласом Царя-пророка она каждого из присутствующих приглашает взывать ко Господу: *Боже, в помощь мою вонми! Господи, помощи ми потщися!.. Аз же нищ есмь и убог, Боже, помози ми: Помощник мой и Избавитель мой еси Ты, Господи, не закосни* (Пс. 69, 2, 6). Она, в некотором отношении, сравнивает построение дома с сотворением мира и умоляет Господа, чтобы Он как при созидании неба и земли явил неизреченное могущество и премудрость, так и здесь показал свою благость и силу в пособие начинающегося дела. «Дело рук наших, к славе Твоей начинаемое,— говорит,— Твоим благословением спешно исправи, силою Твоею в совершение скоро приведи» (тропарь чина основания дома). «Боже Вседержителю, сотворивый небеса разумом и основавый землю на тверди ея, Создателю и Содетелю всех, призри на раба Твоего (имя строителя), изволившаго в державе крепости Твоя, воздвигнути дом в жилище себе» (молитва чина).

Она хочет, чтоб имеющее воздвигнуться здание было твердо и непоколебимо, как храмина Евангельская (см.: Мф. 7, 24–25). «Утверди его,— взывает она,— на твердом камени и основой по Твоему Божественному Евангельскому гласу, егоже ни ветер, ни вода, ни ино что повредити возможет». Она повелевает, чтобы первое основание дому полагал ее священнослужитель со знаменем Креста Господня и

с призыванием всемогущего имени Святой Живоначальной Троицы: «Основается дом сей во имя Отца и Сына, и Святаго Духа». Место, вещество, работающих – все относящееся к новосозидаемому дому заповедует она окроплять святою водою, дабы Господь все сохранил «от всякаго навета сопротивна», без вреда. Ах, братие, если у нас есть сколько-нибудь веры и духа христианского, можем ли здесь не воскликнуть с патриархом Иаковом: *...страшно место сие: несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная* (Быт. 28, 17).

Чин благословения нового дома

Еще важнее и усерднее попечения Церкви бывают тогда, когда она желает ввести христианина в новосозданный им дом. Первое слово, которое она предписывает возгласить священнику Божию в новой храмине, есть оное торжественное слово хвалы и благодарения: «Благословен Бог наш...». Первое украшение, которое увидите здесь, есть Крест и Евангелие Искупителя нашего, сосуды с освященною водою и елеем и свечи горящие. Живою и трогательною песнью Царя израильского Церковь старается не только ободрить, но и усугубить радость будущих жильцов; говорит, что, живя с помощью Вышнего, они будут жить в новом доме своем, как в крове Бога Небесного; что им не опасны будут ни страх ночной, ни стрела, летящая во дни (см.: Пс. 90, 1, 5). Она уверяет, что со входом служителей Христовых входят в новый дом святые ангелы Божии (тропарь чина). Она умоляет Господа Искупителя, чтобы Он Сам новосозданному жилищу даровал то же спасение, какое принес в дом Закхеев; чтобы благословил его таким же обилием, какое было в дому Лавана с пришествием Иакова, в дому Пентефрия с водворением Иосифа, в дому Аведдарином с внесением Кивота (молитва чина). Она повелевает весь дом и все клетки дома паки окроплять святою водою, четыре главные стены крестообразно знаменать святым елеем с произнесением всеосвящающих слов: «Благословляется сей дом помазанием святаго елея сего во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». «Большая ради чести господину дома» она советует служителю алтаря прочесть Евангелие о посещении дома Закхеева (см.: Лк. 19, 1–10). Одним из самых назидательных псалмов дает наставление, как должно вести себя в

новом доме: *...прехождах в незлобии сердца моего, посреде дому моего* (Пс. 100, 2). Наконец, она всех приглашает умолять Владыку жизни нашей, чтобы Он послал Своего ангела-хранителя, стража новому дому, и хранил его от всяких бедствий. «Еще молимся,— говорит,— о еже ниспослати благословение Свое на дом сей и на раба Своего (имя хозяина), и на всех в нем благочестно жити хотящих, и послати им ангела Своего милостива, соблюдающа и сохраняюща их от всякаго зла, и наставляюща к деланию всех добродетелей и ко исполнению Святых Христовых заповедей, и о еже сохранить их от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча и нашествия иноплеменник, и всякия смертоносные раны, и даровати им здравие, и долгоденствием оградити их, и во всем угобзити (ущедрити), рцем вси: Господи, услыши и помилуй!»

«Труса, потопа, огня, меча...». Увы, братие мои, отчего же мы так часто видим, что дома христиан, с такими усердными молениями и заботливостью освященные Церковью, пустеют, как дома язычников и неверных, пожираются огнем, потопляются водою, падают от колебания земли, подвергаются всем возможным бедствиям? Не изыскивайте причин: это оттого, что христиане часто наживают дома и живут в них хуже язычников. Когда нечестие Иерусалима достигло крайней степени, тогда слышан был голос небесный: «Прейдем отселе». И тогда пришло на Иерусалим всегубительство: и глад, и огонь, и меч, и смертоносная язва, и нашествие иноплеменников – и от города, некогда возлюбленного Богу, не осталось камня на камне. То же бывает с городами и домами нечестивых христиан. Думаете ли вы, что ангел Господень будет охранять такой дом, в котором хранят сокровища, награбленные татьбою, неправедным судом, притеснением невинных, лживым весом и мерою? Нет! «Прейдем отселе»,— говорит неслышимо ангел Господень; и тогда в этом несчастном доме поселяется, может быть, столько же демонов-губителей, сколько есть в нем златниц. Разве не часто огромные и крепкие дома христиан похожи бывают на вражьи крепости среди мирной земли, у которых не найдет приюта бесприютный, не выпросит куска хлеба голодный, не получит рублища нищий, к которому нет приступа ни одному несчастливцу? И разве захочет обитать в таких домах охранительная благодать Божия? «Прейдем отселе!» – и тогда входит в них ангел-

истребитель, подобно тому как входил он в дома египетские. *Сыне человек,* – говорил некогда Господь Пророку, – *раскопай стену... и виждь беззакония злая, яже творят сии zde... и видех, и се, всякое подобие гада и скота, суетная гнушения, и всякия кумиры дому Израилева* (Иез. 8, 8–10). Это изображение тех домов, в которых роскошь, сластолюбие и плотоугодие не имеют никаких границ; в которых крепкие стены только для того, чтобы сквозь них не видны были суетные гнушения и всякие кумиры страстей, глухие для того, чтобы из-за них не были слышны клики неистовства, богохульства, вопли жен, *плачущихся о Фаммузе* (Иез. 8, 14). Какой ангел решится охранять двери подобных домов, когда в оные страшно вступить и человеку, сколько-нибудь совестному? «Прейдем отселе, прейдем!» Страшны суды Божии в селениях грешничих!

Освящение старых домов в дни великих празднеств

Но Церковь ведаёт, как слабы и падки на грех дети её. Потому-то она, дабы предотвратить гнев Господень, дабы напомнить христианам о их домашних обязанностях и дабы очистить дома, грехом осквернённые, не возбраняет, кроме освящения новых домов, – освящать по временам старые, в которых люди давно уже обитают. Такое освящение обыкновенно совершается тогда, когда оно особенно необходимо для телес и домов христианских, то есть во времена великих празднеств церковных. Отсюда видим служителей алтаря Господня, входящих в жилища христиан в праздники Рождества Христова и Богоявления, во дни святой Четырёхдесятницы и светлой Пасхи, во время храмовых праздников и т. д. Крест и Евангелие Господа, иконы праздников Господних, иконы великих угодников Божиих суть обычные святыя явления в домах христиан в означенные времена; молитвы и молебствия, кропление святою водою или освящение оной на месте суть обыкновенные священнодействия. Этого мало: не ограничиваясь названными временами, христианин во всякое время, при всяком событии – радостном или печальном – может призвать служителей Церкви в свой дом и совершить в нём молебствие для его освящения. И этого не довольно: в доме христианина Церковь дозволяет

совершать не одни молебствия, но все виды своего богослужения, кроме Божественной литургии, все великие Таинства свои, кроме Евхаристии и Хиротонии. С другой стороны, запрещая совершать литургию, Церковь не возбраняет, однако же, при известных случаях вносить в каждый дом христианский святейшее и всеосвящающее Тело и Животворящую Кровь Христову. Не трудно понять, что чадолюбивая мать наша взирает на дом христианина как на храм Божий, и даже прямо называет оный храмом: «Мир Твой подаждь храму сему и милостивно благослови его», – молит она Господа при освящении каждого нового дома.

Теперь можете ли вы что-либо придумать или вообразить, чего не предвидела бы и не предустановила Церковь для блага и счастья ваших жилищ, для утверждения, для очищения, освящения домов христианских? И после ее священнодействий какое вы имеете право смотреть на свой приют, как на место утех и наслаждений греховных? Ах, как часто, входя и выходя, и пребывая в доме своем, нужно вам повторять слова Патриарха-пророка: *...страшно место сие: несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная!* И хотя они ваши дома собственные, но вы должны быть крайне осторожны в отношении к ним: не вносите и не выносите оттуда идолов Лавана – идолов скупости, зависти и неправды. Не сооружайте золотых тельцов пустыни Аравийской – этих богов глупости и корыстолюбия, толико обыкновенных меж людьми. Не поставляйте истуканом Фаммуза – идолов сластолюбия и плотоугодия. Обитель, освященную Церковью во имя Бога Праведного и Всемогущего, не превращайте в капище скверного бога Дагона. Хотя они – ваши дома, но ведайте, что *есть Господь истинный на месте сем... страшно место сие: несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная.* И оно не будет страшно, если живущие на нем будут жить со страхом Божиим. Оно будет приятно и боголюбезно, как Божий рай, если обитатели оного «во всех путех своих» будут ходить пред Богом, как ходил Авраам, отец верующих; будет твердо и безопасно, как дом Божий и врата небесные, если в нем все дела будут совершаться в присутствии Господа; будет всем обильно и безнуждно, если души и руки живущих будут обильны добротворением. Тогда о всех домах христианских можно будет воспеть ту же песнь благословения, какая воспета была некогда о

шатрах Иакова: *Коль добри дома твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю! Яко дубравы осеняющия и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах (Чис. 24, 5–6). Не будет труда во Иакове, ниже узрится болезнь во Израили: Господь Бог его с ним, слава царская на нем (Чис. 23, 21). Аминь.*

Беседа десятая. Попечения Церкви о жизненном продовольствии христиан

Начало всякия потребности в житие человеку: вода и огонь, и железо и соль, и семидал пшеницы, и млеко и мед, кровь гроздова и масло и риза (Сир. 39, 32).

Со священным чувством уважения и благодарности взираем мы на добрую мать, когда она прилагает нежнейшую заботливость о здоровье и довольстве своего дитяти, когда сама очищает и украшает все сосуды, которыми подается пища малютке, сама осматривает сию пищу и питье, сама наперед отвеживает их, придумывает, старается угадать и выбрать, что приятнее и полезнее для неопытного ребенка. Отчего же мы часто бываем так холодны к действиям и попечениям святой матери нашей Церкви, которые она постоянно прилагает о нашем здоровье, о нашей жизни и жизненном продовольствии? Что значат заботы земных матерей пред святою и богопросвещенною заботою Церкви о всякой вещи, не только необходимой для нас, но даже приятной и полезной для нашего существования! Естественная мать осматривает вещи земными глазами, отвеживает земным вкусом; облагодатствованная мать наша на все взирает, так сказать, сквозь око Божественное, на всякую вещь желает положить печать благословения небесного.

Священнодействия Церкви над водою

Воздух, которым дышим, вода, которую пьем, земля и огонь, произведения земли, употребление животных, искусства и ремесла, всякие честные предприятия, которыми человек может не только пропитать, но и обогатить себя и других в быту семейном и гражданском, – все это Церковь старается облагодатствовать, всему сообщить значение высшее, всякому явлению и действию придать особенную животворность призыванием Святаго Духа, Господа Животворящего. Отсюда ее **чины и последования при освящении**

воды. Различные виды богослужения Церковь употребляет для освящения воды – стихии столь обыкновенной для нас и столько необходимой для поддержания жизни нашей. Так, желает ли христианин иметь особый источник для одного своего дома или общий для многих домов, Церковь заповедует своим служителям спешить на то место, где предполагается устройство нового студенца, и пламенной молитвою ко Господу вызвать из недр земли воду сладкую и обильную. «Как древле, – говорит она Богу Всесильному, – рукою Моисея от сухаго камня даровал Ты тещи водным потокам и жаждущия люди Твоя напоил, так и ныне, Владыко всего, услыши моление нас, недостойных рабов Твоих, даруй нам воду на сем месте, сладкую же и вкусну, довольну убо к потребе, невредительную же ко приятию» (**молитва о копании кладезя**).

Если источник готов и совершенно устроен, Церковь заботится о том, чтоб освятить и облагодатствовать открытую в нем воду; напоминанием древних чудес Божиих над водою тщится не только умолить, но и убедить Зиждителя всяческих, да ниспошлет Свое благословение на новый студенец. «Сотворив небо и землю, – призывает она, – Ты создал и воду; Твой Дух носился вверху ея при начале мира. Твое слово собрало воды в собрание едино. Ты посылаешь источники в сухих и непроходимых дебрях и проводишь воды посредине гор. Ты и ныне низпосли благословение Твое небесное на воду сию, в студенце сем сущую; отжени от нея всякую сопротивную детель; отыми всякую горесть, и сланость, и безчадство, и благослови, и освяти ю, и услади...» (**чин благословения нового кладезя**).

В первый день августа, при начале поста Пресвятой Богородицы, в память всечестного Ее Успения, вы видите Церковь Божию, во всем торжестве и благолепии исходящую из своего обыкновенного святилища – из храма – и грядущую на реки, на общественные водотечи и водохранилища. Для чего? Церковь знает, что из этих водохранилищ употребляете воду вы и сыны ваши, и скоты ваши; что сею же водою вы поливаете травы на огородах, деревья в садах, в ней измываете себя и ризы ваши. Дабы стихию, имеющую столь обширное употребление в жизни человека, соделать водою благословения небесного, Церковь совершает над нею один из величайших,

глубоко трогательных и умилительных обрядов своих – **последование малого освящения воды**, молясь и вопия крепким гласом «о еже освятитися водам сим силою и действием и наитием Святаго Духа; о еже снисходити на воды сия очистительному Пресущныя Троицы действу; о еже быти воде целительной душ и телес и всякия сопротивныя силы отгнательной», и прочее. Поелику же христианину потребно освящение и благословение небесное не на один день, а на все дни и часы жизни, то Церковь допустила своему обряду малого освящения воды самое обширное употребление. Она советует совершать оный в первый день каждого месяца над общественными источниками, реками и озерами; его можно совершать в храме Божиим над сосудом с водою во всякое время, когда потребуют обстоятельства; можно совершать на полях, в садах и на гумнах; можно совершать в каждом доме христианском. Одним словом, во всякое время и во всяком месте можно совершать сей святой и спасительный обряд.

Еще возвышеннее, величественнее и, можно сказать, святее **последование великого освящения воды**, совершаемое в навечерии и в самый праздник Богоявления Господня. Вспоминая Крещение Господа во Иордане, «да, водное естество освятив, Безгрешный путесотворит нам еже водою и Духом паки рождение и к первому нас устроит свобождению», Святая Церковь умоляет Господа всеми чудесами всемогущества и славы Его, всем величием Божества, всею беспредельностью естества Его – прийти и освятить воду для святости, пользы и счастья возлюбленных детей ее. О, как поразителен, высок и Божественен голос ее, которым она зовет Господа с небесе на земные воды наши! «Велий еси, Господи,– вопиет она,– и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих! Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая: Твоею державою содержиши тварь и Твоим Промыслом строиши мир; Тебе трепещут умныя силы вся; Тебе поет солнце; Тебе славит луна; Тебе присутствуют звезды; Тебе слушает свет; Тебе трепещут бездны; Тебе работают источники. Ты простерл еси небо, яко кожу; Ты утвердил еси землю на водах; Ты оградил еси море песком; Ты к дыханием воздух излиал еси. Ангельские силы Тебе служат; Архангельские лица Тебе кланяются. Бог сый неописанный, безначальный же и несказанный, Сам убо Человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего

Духа и освяти воду сию». Для чего «освяти»? Для того, чтобы она получила «благодать избавления, благословение Иорданово», чтобы она была «нетления источник, недугов исцеление, ко очищению душ и телес, ко освящению домов и ко всякой пользе изрядна».

Что священнодействие и молитвы Церкви над водою Богоявления Господня, которую она именуется «великою агиасмою», бывают сильны пред Господом и чудодейственны, непререкаемым доказательством служит самая эта агиасма. Еще святой Златоуст говорил, что вода святого Богоявления в продолжение многих лет остается нетленною, бывает свежа, чиста и приятна, как будто бы сию только минуту была почерпнута из живого источника. Вот чудо благодати Божией, которое и ныне может всякий видеть и увериться собственным опытом, если только он способен хоть чему-нибудь верить. Церковь, совершенно зная присутствие всеосвящающей силы Божией в агиасме, повелевает употреблять ее при очищении разных вещей, чем-либо оскверненных.

Вся убо чиста чистым (Тит. 1, 15), – говорит слово Божие. Но, по слабости природы, по чувству гнушения, мы часто не можем принимать воду из такого источника, в который впало что-либо, по нашему мнению, нечистое. Дабы помочь нам в этой нужде, Церковь определила **чин благословения и очищения оскверненного кладезя**. В сем чине она, припоминая всемирный потоп, когда шел дождь сорок дней и ночей, повелевает вычерпать из кладезя сорок кадей (бочек. – *Ред.*) воды, покадить оный, влить туда «воду святых Богоявлений крестовидно трижды» и читать трогательные молитвы освящения. Она вопиет ко Господу Сил, «вся добра зело сотворшему», чтобы Он, как при Моисее горькую воду в сладость претворил и вредные воды при Елисею солию исцелил, так и теперь, «снисходя несовершенной мысли нашей и немощи помышлений», Сам сый Человеколюбец, очистил воду сию от всякия скверны и освятил ее Духом Святым, «во еже быти ей чистей причащающимся из нея». Она предписывает, чтобы священник ее прежде всех отведал очищенную воду и своим опытом уверил других в ее безвредности.

В сосуд, наполненный каким-либо напитком, например: вином, елеем, медом и прочим, впало опять что-нибудь нечистое, и вы не можете

употреблять оскверненное вещество. Чтобы оно не погибло у вас напрасно, Церковь определила свой **чин, бываемый, аще случится чесому скверному или нечистому впасти в сосуд вина**. И здесь она повелевает вливать воду святых Богоявлений крестовидно трижды; и здесь она устами священнослужителя своего молится ко Господу: «Сам благослови вино сие или елей (или ино что), Твоею благодатию и лиянием святых воды всякую скверну, или сумнение от впадшаго в онь гада кознию лукаваго, отжени от мысли рабов Твоих, во еже быти всем употребляющим е в веселие, даяй всем из него причащающимся во освящение». И здесь она предписывает, чтобы ее служитель прежде сам вкусил, в удостоверение других, а потом давал отведывать «дому господином».

Еще: в сосуд, наполненный какой-либо снедью, например: пшеницею, мукою из других семян, пищею из животных, из овощей, впало какое-нибудь нечистое животное. Вы гнушаетесь снедью, боитесь сами оскверниться ею. Не бойтесь! Поведайте Церкви; ее служитель окропит снедь святою водою, очистит **молитвою**, которую Церковь положила **над пшеницею оскверншеюся или мукою, или видом неким**. Он возопиет ко Господу: «Господи Боже наш, Иже в смотрении Твоем, еже по плоти, повелевый не входящим (в уста) сквернити человека, но вся чиста быти чистым, Владыко, состраждай немощем нашим, благослови пшеницу сию (или другую снедь) Твоею благодатию и человеколюбием, благословением и окроплением воды сея, о имени Твоем освященныя, и всякую скверну, или сумнение от впавшего в ню нечистаго кознию диаволею, отжени от мысли рабов Твоих и даждь им надежду, яже в Тя, и уверением Твоих щедрот сея причастится, во благодарение святаго Твоего имене неосужденным сохранится».

Сосуд пустой, ничем не наполненный, чем-либо осквернен. Дешев или дорог, велик или мал этот сосуд, но вам жаль его. Как ни маловажно, по-видимому, это приключение, но Церковь из любви к вам и ради вашего спокойствия не оставила и оно без внимания. «Подобает,— говорит она,— измыти осквернившийся сосуд и, влагаемой святей воде крестовидно, глаголати и молитву сию: Господи Боже наш, Едине Святе, освяти сосуд сей освятительным Твоим наитием и очисти И еже

быти в службу рабов Твоих нескверну...» (**молитва над сосудом осквернившимся**).

Но для чего я исчисляю церковные священнодействия, совершаемые над водою, и указую на употребление сей воды, когда святая мать наша дала право каждому христианину и каждого убеждает, чтобы он сам, при всяком случае, освящал свою воду знамением честного и животворящего Креста Господня, призыванием всемогущего имени Господа Иисуса Христа и всесвятого имени Святой Животворящей Троицы – Отца, и Сына, и Святого Духа? Разве это знамение и это великое имя не может освятить не только чашу воды, но и всю вселенную?

После всего, осознавая все действия и наставления Церкви о употреблении благотворной стихии, решительно можно утверждать, что в целом мире христианском нет ни одной горсти воды, ни одной капли росной и дождевой, которая не была бы освящена, духовно оплодотворена молитвою, облагодатствована и, следовательно, которая не была бы животворна и спасительна для человеков, и скотов, и птиц, и прозябений земли. Когда путник, утомленный жаждою, обретает свежую и прохладную воду, он с умилением говорит о ней: «Благодать Господня!». Когда земледелец видит росу небесную или дождь ранний и поздний, благовременно орошающий ниву его, он также с молитвою произносит: «Благодать Господня!». И в слове Божием вода чаще всего служит символом благодати Господней. Ах, братие мои, если бы мы всегда поступали так, как учит нас Церковь и слово Божие святое, тогда благодатные дары Святого Духа постоянно изливались бы на нас в таком изобилии, как весенние воды, тогда каждый источник был бы для нас источником исцеления от недугов телесных и душевных, каждая чаша воды служила бы очищением и просвещением.

А что же мы почти ежедневно видим и слышим на опыте? Вместо исцеления – тяжкие недуги от воды; вместо жизни – смерть от воды; вместо спасения – разрушение и опустошение от воды. Идет христианин на реку мыться – и утопает; переправляется через воду ради какой-нибудь житейской надобности – и погрязает в волнах; разгоряченный трудом или неистовою забавою пьет прохладную воду

для утоления жажды – и вместе с нею выпивает тяжкий, иногда смертельный недуг; иногда один неосторожный глоток воды мгновенно убивает неосторожного; иногда проливной дождь и град опустошают поля и луга, обивают незрелые плоды и колосья. Господи, когда реки воздвигают гласы своя (см.: Пс. 92, 3), тогда от их шумных голосов, от их широкого и бурного стремления ниспровергаются дома христиан, тонут города и селения, гибнет труд и работа многих тысяч людей. Отчего все это, Боже мой? Неужели молитвы Церкви Твоей не сильны над яростью влажной и по естеству своему спокойной стихии? Когда Бог намеревался наказать первый мир водою, тогда Он говорил Ною: *Время всякаго человека прииде пред Мя, яко исполнися земля неправды от них: и се, Аз погублю их и землю... наведу потоп, воду на землю, погубити всяку плоть, в нейже есть дух жизни под небесем; и елика суть на земли, скончуются* (Быт. 6, 13, 17). Причину всемирного потопа можно приложить если не ко всем, то, по крайней мере, ко многим потоплениям частным. И неужели вы думаете, что Бог и Его Святая Церковь обязаны непрестанно творить чудеса для спасения нечестивых, которые растлевают своими неправдами себя, растлевают землю, воду и воздух? Впрочем, Церковь так чадолюбива, что установила особенные заупокойные службы, в которых пламенно молится, между прочим, о вечном покое и спасении тех несчастных христиан, коих постигла внезапная и напрасная смерть от воды. «Яже покры вода,– вопиет она к Богу милосердному,– верныя, Милостиве, в части учини праведных... От четырех конец, Господи, приемляй верныя усопшия, в мори или в реках, источницех или езерах вся упокой» (Триодь постная. Служба субботы мясопустной. Триодь цветная. Служба Троицкой родительской субботы).

Не станем, возлюбленные братие, исследовать суды Божии о смерти и пагубе, приключаются от воды: они неисследимы. Не станем удивляться и тому, что вода, с толиким тщанием, с толико усердными мольбами освящаемая Церковью, не всегда спасает, не всех исцеляет. Что здесь удивительного, когда и святейшее Таинство Евхаристии, Самое Пречистое Тело, Самая Честная Кровь Искупителя многим служит не во спасение, но в суд и осуждение? *Ядый бо и пияй недостойне суд себе яст и пьет* (1 Кор. 11, 29). Будем паче и прежде

всего стараться о чистоте души – как чиста свежая вода, о светлости помыслов и деяний – как светла хорошая вода. И при каждом прикосновении к воде будем обносить в уме и в сердце сильное слово молитвы церковной к Богу: «Ты еси Бог наш, Иже водою и Духом обновивый обетшавшее грехом естество наше. Ты еси Бог наш, водою потопивый при Ное грех. Ты еси Бог наш, разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди Твоя насытивый. Ты еси Бог наш, Иже водою и огнем пременивый Илиею Израиля от прелести Вааловы. Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым. Дажь же всем, прикасающимся ей и причащающимся, и мажущимся ею, освящение, здравие, очищение и благословение» (молитва на великом освящении воды). Аминь.

Беседа одиннадцатая. Моления Церкви о благорастворении воздушных и огненной стихии

«Господи Боже наш, Источниче жизни и бессмертия, Свете от Света, пришедый в мир, еже просветити его, Ты рекл еси в начале дней из тьмы возсияти свету; Ты, от четырех стихий тварь сочинивый, четырьмя временими круг лета венчал еси и к дыханию человеков воздух изливал еси. Тебе поет солнце, Тебе слушает свет. Ты в купине огненной благоволил явиться возлюбленному паче всех рабу Твоему Моисею. Ты столпом огненным в пустыни предводил еси древняго Израиля. Твой Дух Благий почил на апостолах в виде огненных языков. Тобою изначала созданы быша огонь и вода, и воздух благим во благое, злым же и нечестивым в месть. Ты повелел устами Царя-пророка Твоего, да хвалят Тя, Господи, *огнь, град, снег, голод, дух бурен, творящая слово Твое* (Пс. 148, 7–8). Твой пречестный Крест на воздухе явился первому царю христианскому, святому равноапостольному Константину Великому. Твою Пречистую Матерь Преблагословенную Владычицу нашу и Приснодеву Марию святой Андрей видел стоящую на воздухе с ликами святых ангелов, пророков, апостолов и мучеников, молящуюся за род христианский и осеняющую мир Божественным покровом своим...»

Так, братие возлюбленные, Церковь помнит древние чудеса Божии, сотворенные Владыкою мира во огни и воздухе; ведает также как благотворное, так и губительное на нас действие сих премудро устроенных стихий, которые в иное время являются тихи и послушны, подобно другу-кормителю, в другое – бурны и неукротимы, подобно свирепому врагу-истребителю. Посему она простирает свои моления ко Господу о том, чтобы Он, Милосердый, устраивал и располагал и огонь, и воздух во благо живота и дыхания нашего.

Молитвы о благорастворении воздушных

Воздухом пользуется человек гораздо чаще, нежели другою какою стихиею: несколько минут, проведенных без воздуха, могут умертвить человека. Основываясь на этой потребности великой, усердная мать наша Церковь молится гораздо чаще, хотя и короче, о правильном состоянии воздуха, нежели прочих вещей. Она не положила особенного чина и последования, не назначила определенных времен для освящения атмосферы, в которой мы постоянно вращаемся, как рыбы в водах. Зато она заповедала своим священнослужителям постоянно приглашать нас к пламенной молитве о благополучном течении воздуха. При всех видах богослужения, ежедневно и многократно в день, и вечером и утром, вы услышите усердное воззвание Церкви ко Господу, Владыке жизни и дыхания нашего, «о благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных...». С другой стороны, умоляя Господа о благорастворении воздушных, Церковь показывает нам, что благорастворенный воздух есть не только необходимая потребность, но и одно из лучших наслаждений земного бытия нашего. И не так ли это, братие мои, на самой вещи? Когда человек бывает особенно здоров и весел? Большею частию тогда, когда свеж, чист и благорастворен воздух. Чего ищет утомленный суетами жизни? Спешит покинуть свои дела и успокоиться под тенью дерева, насладиться веянием прохладного ветерка. Куда стремится человек работающий? Кончив занятия, он оставляет мастерскую и выходит под открытое небо дышать чистым воздухом. Больной, расслабленный недугом просит свежего воздуха и пьет оный своим дыханием, как воду из целебного источника. Поистине что благодать Господа для духовной природы нашей, то благорастворенный воздух для природы телесной. Посмотрите на эти огромные города и пышные чертоги богачей, наполненные всеми родами блеска, великолепия, удовольствий, – вы подумаете, что там живет сама радость и наслаждение, и вы оттуда ни за что не вышли бы, как из рая земного. А между тем в ясную погоду, при благорастворенном воздухе вы найдете самые веселые, сияющие золотом и разными украшениями дома пустыми, а их обитателей – в саду, на свежем воздухе. В весеннее прекрасное время люди знатные оставляют душные города и отправляются в загородные дома, в деревни – вообще туда, где больше чистого и живительного воздуха. Не явно ли, что наслаждения одним чистым воздухом небесным не могут заменить никакие наслаждения

искусства и прихоти светской? О, как же часто должны мы, по гласу Церкви, умолять Господа о благорастворении воздушных! Как усердно должны благодарить святую мать нашу за то, что она дарует нам молитву и побуждения к молитве о правильном движении атмосферы! И как глубоко надобно нам изучить мудрое слово великого учителя Церкви святителя Григория Назианзина, что о Боге должно вспоминать чаще, нежели дышать! Ибо что такое ежемгновенное, непрерывное вдыхание свежего воздуха в себя, если не новая, непрерывно повторяющаяся милость Божия к нам? Что каждое живое дуновение наше, если не видимый знак постоянного, самого ощутительного присутствия силы Божией в нас и с нами? *Глас хлада тонка и тамо Господь*, – говорит Сам Господь о Своем явлении святому пророку Илии (3 Цар. 19, 12). *Глас хлада тонка* – воздух легкий, прохладный, и *тамо Господь*, прохлаждающий знойное поприще бытия нашего. *Глас хлада тонка* – воздух чистый и приятный, и *тамо Господь*, Дух Животворящий и улаждающий нас Своими дарами благодатными. *Глас хлада тонка* – воздух свежий и благоухающий, и *тамо Господь*, любящий, милующий и увеселяющий нас, возлюбленное создание Свое. И, сколько крат мы вдохнем в себя этот благорастворенный воздух, столько же крат должны благоговейно повторять себе: «Тамо Господь, тамо Господь!».

Молитвы на прещение громов и молний

Но воздух не всегда бывает благорастворен и животочив. Часто слышим ужасные громы, от которых земля трясется и трепещет; видим молнии, разбивающие самые крепкие твердыни; часто находят великие бури, сокрушающие кедры ливанские; поднимаются тлетворные ветры, заражающие своим смертоносным дыханием все живое, растущее и дышащее. *И тамо* – в этих грозных явлениях природы – есть *Господь*, но уже не Господь милующий и улаждающий Свои создания, а Господь претящий гневом и яростью, не Отец щедрот и Бог всякой утехи, а Бог-Судия праведный, мститель неправдам человеческим. Когда Церковь усматривает, что поднята рука Господня для наказания нечестивых земли, тогда-то она подымлет самые крепкие вопли, простирает самые пламенные молитвы о помиловании;

сама трепещет страхом детей своих, сетует, сокрушается их сокрушением, как бы сама терпит казнь, заслуженную грешниками! «Благоутробне, долготерпеливе и всещедре Господи,— взывает она неумолчно,— ниспосли милость Твою на люди Твоя... Милостиве, помилуй, помилуй, помилуй нас, Господи... Яко щедрый, Господи, умилосердися на люди Твоя, яко долготерпелив, примириися и помилуй ны» (последование в различные литии). Тогда она не довольствуется одними общими молениями о благообразии воздуха, но приглашает совершать особенные, весьма трогательные обряды молитвенные. Поднимаются ли страшные громы и молнии – Церковь советует исполнить **последование в различные литии** и дает особую **молитву на прещение громов и молний**. «Возгремел бо еси с небесе, Господи,— говорит,— и молнию умножил еси и смутил еси нас. Примириися, Благоутробне, к Тебе прибегаем... да не попалит нас огонь ярости Твоея, ниже да снедает нас ярость молний и громов Твоих». Повеет ли тлетворный ветер, воздвигнутся ли волны морские и речные устремления – она с тем же обрядом, но с особенною молитвою еще усерднее прибегает ко Господу. Беспорядок стихий, неестественное движение ветров, по ее учению, происходит от «беззаконного и злаго жительствова нашего». Но «остави грехов множество, молимся, превосхождением множества щедрот Твоих. Крестом и Кровию Сына Твоего грех омывый рода нашего, возведи Твою тварь к естественному составлению и чину, чрез естество окаянню обратившуюся, безчиния ради чрез естество и некрасоты беззаконного и злаго жительствова нашего; покажи нам обычную великия сея пучины тишину; заповеждь ветром временное и согласное дыхание дати... да станет дух бурный и к тишине мятежная да преложатся... Изволивый... сплавати святым Твоим учеником и апостолом и запрети бури ветров... Сам и ныне всякий сопротивный ветер успи и волны укроти, и бурю утоли, и воздвигни нарочитая и благоключимая времена и ветры, Правитель и Помощник везде быв рабом Твоим».

Какие Церковь употребляет средства для безвредного действия огня

Мы их отчасти уже видели в ее молитве на прещение громов и молний – молний, кои можно назвать огнем небесным. Касательно же нашего огня земного, или обыкновенного, заметим следующее.

Церковь освящает некоторым образом огонь, употребляя его в своих храмах, при всех видах своего богослужения. В Скинии Свидения был **священный огонь**, который Сам Бог заповедал хранить неугасимым. *Заповеждь, – говорил Он Моисею, – сыном Израилевым, да возмут ти елей от масличия чист, исцежен в светение, да горит светило всегда, вне завесы в Скинии Свидения, и возжигати будут его Аарон и сынове его от вечера до заутра пред Господем непрестанно, законно вечно в роды ваша* (Лев. 24, 1–3). От сего светила неугасаемого должно было заимствовать огонь для всех жертв, с огнем совершаемых; и приносивший к алтарю чуждый огонь немедленно поражался смертью. Снисходительная мать наша Церковь отменила строгий закон о хранении огня; тем не менее, однако же, она освящает сию стихию постоянным употреблением ее при своих священнодействиях, коих необходимая принадлежность свеча и кадило. Времени каждения и возжжения светильников, числу их она дает важный и назидательный смысл.

Домашнее употребление огня Церковь освящает особым **последованием над пещию новоустроенною**. Здесь она умоляет Господа, чтобы Он, великия ради Своея милости, соделал огонь столь же безвредным, как в пещи вавилонской для трех святых отроков: Анании, Азарии и Мисаила. Здесь, кроме ходатайства других угодников Божиих, она взывает о хранении и помощи святых архангелов Михаила и Гавриила, многократно являвших силу свою над огнем, и священномученика Киприана.

Наконец, умоляя Господа, чтобы Он избавил от труса и потопа, Церковь постоянно и ежедневно молится **о избавлении от огня**, то есть от пожара, как самого губительного действия огня, – от обжоги вообще.

Но не этот огонь вещественный ужасен для нас, а из-за нас и для Церкви: есть другой огонь, *уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. 25, 41), огонь геенский, всегда горящий и никогда не умаляющийся. От

сего-то наипаче огня Церковь всеми мерами тщится избавить нас. О спасении от вечного огня она желала бы заставить нас непрестанно вопиять ко Господу: «Отче безначальный, собезначальный Сыне и Божественный Душе, просвети нас верою Тебе служащих, и **вечного огня исхити**». О избавлении от огня вечного она убеждает нас в каждое утро слезно вопиять к Премилосердой Владычице нашей Богородице: «Избави мя огня вечнующаго!». Для исхищения нас из страшного пламени геенского она советует нам каждый вечер засыпать не иначе, как «помышляя день судный», который всех нас ждет, «претя нам огненною мукою и пламенем негасимым».

Убоимся сего прецения огненною мукою, пока она еще, по милосердию Господа, не достигает нас. Будем при каждом воззрении на огонь – пылает ли он в печи, или светит нам в светильниках наших, или устрояет снеди – будем, говорю, деятельно воображать, и живо представлять, и всегда носить в уме своем спасительную мысль о вечном огне геенском, о страшной ревности сего огня, *поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10, 27). Постараемся несколько подражать тому праведнику, который при всяком побуждении на дурное дело полагал руку свою в огонь и, чувствуя нестерпимую боль, со вздохом произносил: «Если здесь так, каково же будет там?». Поразительное зрелище, когда во время больших пожаров видим пламя, с диким шумом и неистовством повсюду разливающееся рекою. Но вспомним, что неугасимый огонь геенский во столько же (если не более) крат сильнее и ужаснее нашего огня, во сколько сей последний сильнее и ужаснее огня, написанного на картине. Аминь.

Беседа двенадцатая. Моления Церкви о произведениях земли

Земле, земле, земле, слыши слово Господне! – взывал Пророк, оплакивая несчастья и бесчадство царя Иудина (Иер. 22, 29). «Земле, земле, земле, внуши слово и молитву мою ко Господу!» – так, можно сказать, постоянно взывает и молится Святая Церковь, испрашивая этой земле благословение от Господа и от самой земли требуя изобилия плодов ее для питания возлюбленных чад своих. Молится, ибо ведает, что земля, некогда прекрасная, как рай, была проклята в делах наших, была обречена производить одни терния и волчцы. Кому снимать сие проклятие, если не молитвам Церкви! Молится, ибо ведает, что возлюбленный Жених ее, Господь-Искупитель, Сам некогда молился на этой бедной и осужденной земле, орошал ее Своим кровавым потом, приникал к ней Божественным лицом Своим, обнимал ее Своими святейшими дланями, дабы омыть, очистить, освятить ее. «Паде на земли, паде на колена, паде на лице Своем: земле, земле! Внуши слово, – восклицает вместе с Пророком святитель Димитрий Ростовский, – внуши слово: Слово Господне падает на тебя; доброе семя падает на землю; добрый дождь падает, да земля наша даст плод свой; благословляет, когда на нее возлагает простертыя Свои руки, крестом упадая; падает на лице Свое, застарелое лице земли обновляя» (Слово на Страсти Господни). Молится, ибо знает, что земным детям ее необходима пища земная, и хочет, чтобы сия пища была не только достаточна, но и обильна, не только обильна, но и благословенна благословением небесным, без которого не бывает ни прозябения, ни плодородия земли. Но перейдем, наконец, к самим молитвам.

Молитва над сеянием

Когда наступает пора вверить недрам земли семена жита, или пшеницы, или чего-либо другого, и когда добрый земледелец приносит

часть своих семян в храм Господень и полагает оные пред алтарем, тогда Церковь, взирая на них во уповании, с умилением простирает молитвенный глас свой к Отцу и Богу своему. «От пречистыя и пребогатыя длани Твоя, – говорит она, – мы прияли сие семян подаяние, пред Тебя, Владыко, принесли и положили пред очами Твоими; Тебе и вручаем будущее произрастание оных с молитвою усердною. Не бо смеяхом в бездушных земли недрах заключити сия (семена), аще не воззрим на повеление Твоего величества, повелевающее родити и прозябати земли, и дати семена сеющему и хлебов в снедь. И ныне молимся Тебе, Боже наш, услыши ны, молящихся Тебе, и отверзи нам сокровище Твое великое и благое и небесное, и излей благословение Твое, донележе удовлимся, и отжени от нас вся снедающая плод наш земный и всяко наказание, праведно наводимое на ны, грех ради наших, и богатыя Твоя щедроты ниспосли». Окропленное святою водою, заранее оплодотворенное умиленною святою молитвою Церкви человек *вметает семя свое в землю. И спит, и встает нощью и дню, и семя прозябает и растет, якоже не весть он... Егда же созреет плод, абие пошет серп, яко наста жатва* (Мк. 4, 26, 27, 29).

Молитва над гумном

Если жатва кончилась и пожатые класы убраны на гумно для молочения и собрания в житницу, то Церковь благодарит Господа и паки вопиет к Нему, Источнику благих, чтобы Он, «повелевый земли извести плод благоутробия ради Своего и благодати, благословил и умножил и гумно и плодоношение рабов Своих, чтобы исполнил сокровища и житницы их всякаго благаго плода, пшеницы, вина и елея; чтобы хранил их от всякаго искушения со всем сущим у них и просветил их в познании Своем, да, благоугодни Ему бывше, сподобятся в Его горних обителях вечных благ небесных».

Когда смотришь на гумно, очищенное трогательною молитвою, тогда невольно приходит на память история об оном древнем Гедеоне, который от молотьбы пшеницы, прямо с родительского гумна, пошел спасать и спас Израиля от руки мадианитян. Когда видишь

благоговейно и усердно трудящихся на гумне, подобно Гедеону, *иже млачаше пшеницу*, тогда как бы слышишь кроткое и благодатное приветствие ангела Господня: «Господь с вами, Господь с вами, сильные крепостию» (см.: Суд. 6, 11–12). Как много назидательных помышлений и благочестивых чувствований можно почерпнуть даже из такого простого предмета, каково христианское гумно, освященное церковной молитвой, возглашаемой служителем алтаря Господня, и пьющее росные капли воды святой!

Крестные ходы на поля и нивы христианские

Се земледелец ждет честнаго плода от земли,– говорит святой апостол Иаков,– *долготерпя о нем, дондеже примет дождь ран и поздн* (Иак. 5, 7). Ждет и с трепетным чувством думает: «Вырастет ли мое посеянное? Принесет ли плод то, на что я употребил столько трудов, пролил столько пота? Увижу ли полные колосья? Соберет ли их рука моя?» Ах, как часто случается видеть страх и опасение на лицах добрых поселян, которые с грустью смотрят на обработанную полосу земли, когда всходы посевов бывают неблагонадежны; с недоумением оглядывают каждое облако и тучу, нет ли в ней губительного града; боязливо обращают взоры свои к знойному небу, даст ли оно им дождь ранний и поздний; страшатся проливных дождей, как бы они не потопили их сенокосов и полей! Церковь лучше всякого другого постигает всю глубину и обширность и благочестивых надежд, и безгрешных опасений, какими по временам волнуются сердца, мнутя души простых детей ее. Поэтому, не ожидая жатвы, она для утешения, для ободрения, вообще для возбуждения духа благочестия с радостью позволяет **крестные ходы и молебствия** на полях и нивах христианских. В приятнейшее время года, в преполовение Пятидесятницы, одного из самых торжественных и боголепных праздников ее, когда посеянное стелется по земле густою зеленью или только что начинает пускать юные ростки, вы увидите на поле какой-нибудь русской православной деревни благолепные святые иконы, честный и животворящий Крест Господень, святое Евангелие Спасителя нашего, служителей алтаря Христова в церковных облачениях и множество молящихся всякого пола и возраста. Молится

дителя, которое еще не умеет трудиться, но уже просит хлеба; молятся отец и мать, которым нужно пропитывать свое семейство и для которых лучше самим умереть без пищи, нежели видеть детей своих голодом истаявающих; молится, повергаясь на землю, глубокий старец, который в жизни своей много видел и лет плодородных, и годов неурожайных, который посему опытно ведает и великую радость, бывающую во дни богатых жатв, и всю скорбь, все ужасы годов голодных и который, наконец, этими несчастными годами означает эпохи или грани своей жизни. Какой несчастный осмелится сказать или помыслить в сухом уме своем, чтобы подобные действия Церкви не были самым ясным доказательством ее глубочайшей любви и материнских попечений о счастии и довольстве благодатных детей своих? А такие действия Церковь готова совершать не только весной, но и летом, и осенью, не только на полях, но и во всяком другом месте, где земля может приносить плоды благопотребные, и например в садах.

Молитвы в насаждение винограда или сада вообще

Хотя обладание садом есть большее наслаждение, чем необходимая потребность жизни, но склонность к садоводству так сильна и всеобща, что самый простой и неприхотливый человек тогда почитает себя счастливым и довольным, когда, имея пищу и одежду, имея семейство и дом, имеет при оном и сад. Что значит эта склонность? Не одна красота и благоухание цветов, не одна приятность деревьев, ни сладость плодов и свежесть садового воздуха порождают и развивают ее в человеке. Нет! Она имеет высшее и священнейшее знаменование: она есть в нас неизгладимый останок райской жизни, есть живое, непререкаемое свидетельство той исторической истины, что был некогда сад во Едеме, Самим Богом насажденный, и что первобытная, блаженная и святая жизнь человека началась и протекала именно в саду (см.: Быт. 2, 8, 15). И Святая Церковь не только не возбраняет, напротив, со всею любовью, с райскими благожеланиями и сладостною надеждою благословляет и освящает разведение садов между христианами: *Призри с небесе, Боже,* – молится она словами

Царя-пророка, – *и виждь, и посети виноград сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя* (Пс. 79, 15–16). Она говорит Богу Спасителю своему: «Ты Сам – лоза истинная, и Отец Твой – делатель. Ты святых апостолов Своих нарек рождиями (ветвями); Ты древле Израиля, как виноград, из Египта перенесл еси и, изгнав языки, его на месте их насадил еси; так и ныне, Владыко, прииди на лозу сию и воглуби милость Твою на ню. Дажь ей хранительницею помощь Твою; избави ю от града, снега, мраза и голоти, от грозныя зимы и ветров сожжения, и от бури, и от всякаго нападения вражия, да воздаст во время плоды своя и да сподобимся и мы Твоею благодатию обьимати его и принести Тебе от него, во еже претворитися в Кровь пречистаго Тела Твоего».

Созреют ли плоды в садах и огородах ваших – Церковь, веселяся и радуясь вместе с вами счастливому собранию оных, паки спешит возблагодарить Господа за Его милость, явленную в плодоношении земли, и приглашает христиан к прославлению Его святого имени. *Да исповедятся Тебе людие, Боже, да прославят и исповедятся Тебе людие вси.* За что? Ибо земля Твоя даде нам плод свой (ср.: Пс. 66, 6–7). Она не желает опечалить нас плачевным воспоминанием того, что вкушение плода было некогда причиною всех бедствий рода человеческого; напротив, она усердно молит Владыку и Господа своего, чтобы Он вкушающим плодов даровал освящение и преспеяние души вместе со здравием телесным, чтобы хранил жизнь их выну (всегда) безмятежною и чтобы самые плоды земли всегда богато умножал. Она благословляет и освящает сии плоды святейшим именем Бога, в Троице славимого, и кроплением святой воды. «Благословляются и освящаются, – говорит она, обращаясь к плодам, принесенным в храм, – гроздия сии (или овощи сие) окроплением воды сея священныя во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». Таким образом, каждый плод, сам по себе вкусный и приятный, должен соделаться еще приятнее, когда он подается рукою матери-Церкви и когда из-за него как бы слышится древний глагол Бога в раю, благословляющий снедь райских плодов: *от всякаго древа, еже в раи, снедию снеси* (Быт. 2, 16).

Чин, бываемый на нивах, или винограде, или вертограде, аще случится вредитися от гадов и прочего

Воспеваает негде святыи пророк Исаия песнь Возлюбленному о винограднике: *Виноград бысть Возлюбленному в розе, на месте тучне; и ограждением оградих и окопах, и насадих лозу избранну... и ждах, да сотворит гроздие, и сотвори терние* (Ис. 5, 1–2). *Сотвори терние!* Не часто ли, братие мои, и наши нивы, наши сады и огороды, орошенные потом и бдением, вместо чаемого обилия плодов приносят одно терние? Не часто ли даже и терния не бывает видно на тучных полях и пажитях? Земля суха и черна, аки главня (головешка): ни одного живого и свежего растения! *Нестъ грозда на лозе, и не суть смокви на смоковницах, и листвие отпадоша* (Иер. 8, 13). Нападают на землю *песия мухи* и поядают злак сельный, *ржа* снедает плоды садовые, от *пругов* гибнут труды земледельца и садовника; убиваются градом винограды и *черничие сланою* (см.: Пс. 77, 45–47). Церковь старается предупредить это страшное бедствие или отворотить, когда оно уже наступило. Смотри на печальное и обезображенное лицо земли, она воспоминает пред Богом первобытную красоту мира, о коей Сам же Бог засвидетельствовал: *И виде Бог вся, елика сотвори, и се, добра зело* (Быт. 1, 31),– и эту неописанную красотю тщится умолить Создателя, чтобы Он сжалился над теперешним бедственным положением земли и уврачевал глубокие раны ее. «Господи Боже наш,– взывает она,– Ты, в начале сотворив небо и землю, украсил небо великими светилами, да озаряют землю и возбуждают удивление Тебе Единому Создателю и Владыке твари; Ты убрал землю нашу зеленью, и травую, и различием семян и всю ее живописал цветами; древле Ты благословил ее в этом благоукрашении; Ты и ныне, Владыко, призри от святого жилища Твоего на стяжание сие, и благослови, и сохрани его невредимым от всякаго зла и всякаго зверя и гада; червь же и мухи, и вар, и безгодныя ветры, вред наносящия, отжени от него». Сильным и поразительным заклинанием святого мученика Трифона она повелевает всем прожорливым зверям, насекомым и птицам, да не обидят ниже ниву, ниже виноград, ниже вертоград, ниже всякое древо плодовитое и бесплодное, и ниже лист зелий да не обидят; и да отыдут

на дивия горы, на места непроходимые, на неплодные деревья, на них же даровал им Бог повседневную пищу. Так-то, братие возлюбленные, святая мать наша Церковь при всяком удобном случае старается освятить, украсить и оплодотворить для нас землю; так тщится упоить бразды ее молитвою, усладить растения и плоды своим благословением и отгнать от нее все вредное и вредящее.

Наступит время, когда и нас, подобно семени, положат в недра земные; Церковь не умедлит принести молитвы и моления на том месте, где будет посеяно брренное тело наше; святая мать наша с нежностью и упованием возгласит матери-земле: «Земле! зинувши (раскрывшись), прими от тебе созданного рукою Божией прежде, паки же возвращаясь к тебе рождшей; еже бо по образу Своему Создатель приял, ты же прими тело твое». Посему от земли, от ее возделывания и произведений каждый обратись к себе и поучайся о спасении. Когда расторгаешь недра земли для посева и сажения, помяни свою могилу, каково там будет тебе. Когда садишь или сеешь для возрастания, помысли, что и твое тленное тело будет посеяно, дабы восстать в нетлении. Когда нива твоя покрыта богатою жатвою, сад красуется цветами и плодами, не забывай, что и ты на то живешь и растешь, дабы украшаться цветом красоты нетленной, обиловать плодами добрых дел. Посмотри еще раз: все деревья и растения поднимаются в высоту, постоянно обращены к небу и солнцу: возносись и ты духом горе, выну обращай мысль и сердце твое к Вечному Солнцу Правды – Богу – и возопий, молясь: *желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу Крепкому Живому: когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 2–3)! Боже сердца моего, Боже часть моя, *Тебе рече сердце мое: Господа възыщу* (Пс. 26, 8). Аминь.

Беседа тринадцатая. Моления Церкви об успехе христиан в различных промыслах житейских

Взирая на поля и сады, увенчанные цветами, исполненные плодов благих и обильных, благочестивый земледелец и вертоградарь с умилением поднимают очи свои горе к Тому, от Негоже всяк дар совершен, свыше нисходяй, и с искренним благодарением произносят: «Слава Богу, Благодетелю нашему! По Его неизреченному милосердию мать-земля наша не оставила нас без хлеба и детей наших без пропитания». Но не одна земля своими растениями и плодами поддерживает земную жизнь человека: есть другие предметы, коими безгрешно может христианин не только питать, но и обогащать себя. Сказал Господь первым людям: *Наполните землю и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и всеми скотами... и всеми гадами, пресмыкающимися по земле* (Быт. 1, 28). Таким образом, и скот, и птица, и рыба, и насекомое – все служит человеку, из всего позволено ему извлекать пользу и невинное наслаждение. И каким бы вы ни решились заниматься честным промыслом, святая мать наша Церковь всегда готова благословить оный, везде и всегда по вашему призыванию посетит вас и будет умолять Господа, чтобы Он, Владыка твари, даровал благий успех вашим занятиям.

Чин благословения стад овчих или иных скотов

Скотоводство издревле было одним из первых и Богом определенных занятий, коими человек промышлял себе пищу, одежду и иные продовольствия жизненные. Первый праведник и мученик был пастух: *и бысть Авель пастырь овец* (Быт. 4, 2); и первая Богу приятная жертва была та, которую принес Авель *от первородных овец своих и*

от туков их (Быт. 4, 4). Чем богат был славнейший из патриархов древних? Преимущественно скотом: *Авраам же бяхе богат зело скоты* (Быт. 13, 2). Исаак, радость отца и матери, утешение грядущих родов, Иаков, родоначальник двенадцати колен израильских, Моисей, человек Божий, великий пред Богом, Иов Многострадальный – *человек оный благороднейший суших от востока солнца* (Иов. 1, 3) и многие другие великие мужи древности деятельно упражнялись в скотоводстве и имели обширные пастбища для своих многочисленных стад (см., например: Быт. 26, 14; 30, 43; Исх. 3, 1). Вообще счастливая жизнь патриархальная была жизнь пастушеская. *Пастуси овчии раби Твои и мы, и отцы наши отдетска и доселе* (Быт. 47, 3). Таким образом, священный пример великих предков освящает известное дело и для потомков. Но и без примеров кто не знает, сколь великую пользу и облегчение доставляет человеку домашний скот? Кому, например, неизвестно, как много трудов, беспокойств и даже славы разделяет с человеком конь, – конь, столь живо изображенный Самим Богом в Его святом слове? *...Копытом коная, на поли играет... сретая стрелы, посмеявается и не отворотитя от железа, над ним играет лук и меч... трубе же вострубившей, глаголет: благоже! Издалеча же обоняет рать со скаканием и ржанием* (Иов. 39, 21–23, 25). О чем молился Давид, царь из пастырей, каких сокровищ земных испрашивал у Бога для своих подданных? Он молился о том, между прочим, чтобы овцы тысячами и десятками тысяч ходили во дворах его подданных и чтобы волы их были тучны (см.: Пс. 143, 13). «Блажен народ, – восклицал он, – у котораго все сие» (см.: Пс. 143, 15). О том же молится, того же усердно спрашивает у Господа и Святая Церковь возлюбленным детям своим. «Владыко Господи Боже наш, – взывает она, благословляя стадо животных, готовых изыти на пажить, – Тебе молимся и Тебе просим: якоже благословил и умножил еси стада патриарха Иакова, благослови и стадо скотов сих; и умножи, и укрепи, и сотвори е в тысящи, и избави е от всякаго навета врагов, и воздуха смертнаго, и губительнаго недуга».

Чин благословения новых сетей для ловитвы рыб

У вас нет возможности или большой нужды возделывать землю и разводить скот, вам удобнее промышлять на воде, чем на земле, выгодно заниматься рыбной ловлей? Не думайте, чтобы Церковь пренебрегала этим промыслом: не пренебрегает, а напротив, возвышает, облагораживает и освящает она сие полезное занятие, особенную молитвою благословляя новые мрежи, кои рыболов готовится в первый раз спустить на воды. Она трогательно воспоминает пред Спасителем Богом те чудеса, которые он благоволил совершить над водою, когда двумя рыбами насытил пять тысяч народа; когда, по Своем живоносном Воскресении, Божественным Своим повелением мрежи апостолов наполнил множеством рыб, – и сими чудесами убеждает Владыку всесильного, чтобы Он подлежащие мрежи благословил и Своим Божественным благословением всегда оные множеством рыб в ловитве исполнял, и вкушающих от рыб, теми мрежами уловленных, в мире и здравии душевном и телесном сохранял. На помощь рыболовам она призывает своего славного и всехвального апостола Петра и иных апостолов, потому что они сами были рыбаки. Она благословляет новые мрежи окроплением священной воды, призыванием всесвятого имени Божия и во благонадежие детей своих рыболовов воспевает с Давидом: *Господи Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли* (Пс. 8, 10).

Ни для птицеводства, ни для пчеловодства Церковь не положила особых чинов молитвенных[2]. Но, во-первых, она освящает употребление в пищу мяса, яиц и сыра; во-вторых, молится об очищении и безвредности меда нечистого; в-третьих, сама, при своих священнодействиях, постоянно употребляет мудрое произведение художницы-пчелы. Наконец, надобно и то сказать, что Церковь с великою любовью и благоволением взирает и на птицу небесную, парящую в воздухе, и на пчелу, сидящую на цветке; она желает, чтобы мы учились у них многим добродетелям, которых сами не имеем. Так, птицы небесные, *яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их: не вы ли паче лучши их есте* (Мф. 6, 26)? Пчела есть наставница благочиния, порядка, трудолюбия и строгая обличительница лени, нерадения и праздности. *Доколе, о лениве, лежиши, – вопрошает Церковь устами мудрого Соломона, – когда же от сна встанеши?.. Иди ко пчеле и увеждь, коль*

делательница есть, делание же коль честное творит: еяже трудов царие и простии во здравие употребляют, любима же есть всеми и славна; аще силою и немощна сущи, но премудростию почтена произведеса (Притч. 6, 9, 8).

Будем благодарны и признательны матери нашей Церкви за ее великое попечение о нас; будем благоговейно пользоваться тем, что она освящает; назидаться тем, чем она желает вразумлять. И да не уподобимся тем, нечестивцам, о коих сказано: *Позна вол стяжавшаго и, и осел ясли господина своего, Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша. Увы, язык грешный!* (Ис. 1, 3–4). Аминь.

Беседа четырнадцатая. Моления Церкви о плавающих и путешествующих

«О плавающих и путешествующих Господу помолимся» (сугубая ектения).

Ах, как не молиться нам, братие возлюбленные, об этих людях, которые вверяют себя и жизнь свою непостоянной стихии водной или пускаются в дальний путь для пропитания себя, своей семьи и для пользы своих соотечественников! Где более опасностей, как не на море? Кто когда был совершенно уверен, что, отправляясь в неверную дорогу, он не встретит никаких бедствий? Возвращается пророк Господень из чужого города на свою родину; на пути встречает его лев и умерщвляет, а тому, кому досталось погребать кости мертвого, оставалось только рыдать и взывать: *Увы, брате!* (3 Цар. 13, 30). Идет некий странник из Иерусалима в Иерихон; дорогою нападают на него разбойники, все отнимают, наносят глубокие раны и оставляют *едва жива суца* (Лк. 10, 30). Бежит Иона от лица Божия в Фарсис на корабле – *и бысть буря великая в мори, и корабль бедствоваше еже сокрушится*, и раб Господень ввержен в море, как ослушник воли Божией (см.: Иона 1, 4). *Трикраты корабль опровержесе со мною*, – говорит святой апостол Павел о своем мореплавании, – *нощь и день во глубине сотворих* (2 Кор. 11, 25). И все апостолы некогда подвергались на море такой опасности, что принуждены были, в ужасе, умолять Господа: *Господи, спаси ны, погибаем* (Мф. 8, 25).

Если пророки и апостолы, с которыми всегда была рука Господня, на суше и на море, не всегда были безопасны от тяжких злоключений, то могут ли не опасаться их простые путешественники? Посему-то Святая Церковь, всеми мерами заботясь о том, чтобы, с одной стороны, предохранить детей своих от бедствий в пути, с другой – чтобы соделать его безопасным и счастливым, положила особенные молитвы

и чины: для путешествующих на суше, для ладий и кораблей, на коих предпринимается путешествие водами, для мореплавателей.

Чин благословения в путешествие

Горько плакала благочестивая Анна, когда младой Товия, сын ее, отправился в путешествие. *Почто,— говорила она мужу своему,— почто отпустил еси чадо наше? Или не жезл руки нашея есть, вегда входити ему и исходити пред нама?* (Тов. 5, 18). Еще более тужила и болезновала она, когда сын долго не возвращался с пути. *И скорбяше зело... рече... погипе отрочищ... лишихся ты, света очию моею* (Тов. 10, 3–5). Эта глубокая скорбь, эти обильные слезы весьма известны всем отцам и матерям, всем детям, друзьям и знакомым, которые или сами покидали родной приют на долгое время, или других отправляли на страну далече. Церковь как мать чадолубивейшая из матерей глубоко входит в сии родственные чувства, коими болезнуют дети ее во дни разлуки, и старается облегчить оные; тщится успокоить беспокоящихся, утешить сетующих, ободрить малодушных. *Не печалися сестро,— как бы говорит она словами Товита,— здрав приидет, и очи твои узрят его, ангел бо благ спутшествовати будет ему, и благоуспеетя путь его, и возвратится здрав* (Тов. 5, 21–22). Она не только родных и близких, но и всех вообще христиан призывает к усердной молитве о странствующих. Знаемы ли ей или не знаемы путники – нет нужды: она ведает, что есть на земле эти путники, и постоянно молится об их спасении, кто бы и где бы они ни были. Они так любезны ей, что, молясь за весь мир, она положила особенное моление за них, и каждый день, на каждом из своих богослужений, взывает ко всем предстоящим: «О плавающих, путешествующих и о спасении их Господу помолимся!».

Когда ваш семьянин собрался в путь и готов разлучиться с вами, она, вместо бесполезных вздохов и слез, приглашает вас и его к одному из самых важных и самых утешительных для христианина богослужений – к слушанию Божественной литургии и с сею Божественною службою соединяет свой **чин благословения в путь шествующим**^[3]. Здесь вы неоднократно услышите имя вашего путешественника, возглашаемое

вместе с трогательными и успокоительными молитвами. Вы беспокоитесь оттого, что не знаете, каков будет путь для вашего путника? Не будьте маловерны. Церковь скажет вам утешительные слова Господа: *Да не смущается сердце ваше... Аз есмь путь, и истина, и живот* (ср.: Ин. 14, 1–6). Она будет умолять Владыку вселенной, чтобы Он Сам Своєю благодатию сопутствовал вашему путнику, как некогда спутешествовал евангелисту Луке и Клеопе в Еммаус и веселыми возвратил их в Иерусалим. Вас смущает мысль, что, может быть, ваш странствователь не будет иметь добрых товарищей? *Да не смущается сердце ваше* – Церковь возопиет к своему Спасителю, чтобы Он «послал ангела мирна, спутника и наставника, сохраняюща, защищающа, заступающа и невинно соблюдающа от всякаго злаго обстояния», и достойный получит сего светозарного спутника точно так же, как получил его некогда благочестивый юноша Товия. Вы опасаетесь нападения врагов, озлобления лукавых человек, бедствий от воздушных перемен? *Да не смущается сердце ваше* – веруйте в Бога и взывайте к Нему прилежно гласом Церкви, «да сохранит Он вас невинных и непреборимых от всех видимых и невидимых врагов и лукавых человек озлобления, и благословит исходы и входы, и шествие ваше безмятежно и благополучно сотворит». Вас томит неизвестность, возвратитесь ли вы и как возвратитесь? *Да не смущается сердце ваше* – Церковь усердно вопиет ко Господу, чтобы Он даровал благополучно во здравии возвращение, во всяком благочестии и чистоте. Вы с тягостным ожиданием помышляете, исполнится ли намерение, достигнута ли будет цель, для коей предпринято путешествие? Церковь не спрашивает ни о намерениях, ни о целях предпринимлемых путей. Пускается ли кто в дорогу по делам торговым, как сыны патриарха Иакова (см.: Быт. 42, 2; 43, 2); или идет в чужой край потому, что в своем бедность и голод, как то случилось с патриархами Авраамом и Исааком (см.: Быт. 12, 10; 26, 1); или путешествует для приискания верного и добродетельного друга, как путешествовал верный раб Авраамов в Месопотамию, дабы найти там невесту Исааку (см.: Быт. 24, 4); или предпринимлет путь для возвращения долга, подобно младому Товии (см.: Тов. 4, 20–5, 6); или бежит от злобы завистников и гонителей, как бежал некогда Иаков от Исава (см.: Быт. 27, 41–28, 5); как бежал в Египет Сам Господь наш, купно с праведным Иосифом и

Преблагословенною Девкою Мариною, Материю Своею (см.: Мф. 2, 13); нужно ли кому путешествие по занятиям ремесленным, или ради искусства и науки, или по иным каким-либо делам, могущим удовлетворять различные и многообразные требы житейские, – все это одно для Церкви. Она с равным усердием за всех молится, с материнскою нежностью благословляет всех путников и говорит: «Да благословит вас Господь от Сиона, и узрите благая Иерусалима во вся дни живота вашего, и да исправит путь ваш в мире, в славу святого Своего имени». Того только желает она, чтобы намерение путешествия было благое и цель общепользная; о том преимущественно взывает ко Господу, чтоб путники, во время пути, не теряли благочестия; чтобы, идя стезею вещественною, в то же время шли стезею заповедей Божиих; чтобы в обращении с посторонними людьми не перенимали у них ничего дурного, если оно есть, и не приносили мерзостей ханаанских под кров дома родительского. *Вонми себе и снабди душу твою зело, и не забуди всех словес, яже видеста очи твои, и да не отступят от сердца твоего вся дни живота твоего. Аще же увидеши в землю, юже Господь Бог твой дает тебе, да не навикнеши творити по мерзостем языков тех... есть бо мерзость Господеви Богу твоему* (Втор. 4, 9; 18, 9, 12).

Чин благословити новый корабль или ладью

Плыти паки кто помыслив, – молится мудрый Соломон Премудрому Богу, – и сверепыя волны преходити, носящаго его корабля тленнейшее древо призывает. Оно бо желание пристяжаний умысли, хитрец же мудростию содела, Твой же, Отче, устрояет Промысл: яко дал еси и в мори путь, и в волнах стезю крепкую, показуя, яко силен еси от всякаго спасти, аще и без художества кто взыдет. Хощеши же, да не будут праздна дела премудрости Твоя: сего ради и малейшему древу вверяют человецы души своя и, преходяще волны, кораблем избавлени суть. И от начала бо, егда погибашу гордии исполини, упование мира в кораблеце избежавшее, остави веку семя рождения, рукою Твоею устроено: благословено бо древо, имже бывает правда [4]. (Прем. 14, 1–7). Вот священная история кораблестроения и мореплавания, как оно возникло издревле и какою силою держится и

управляется доньяне. Кто первый изобретатель и наставник кораблестроения? «Бог,— отвечает мудрый Царь Израилев,— в *кораблеце* спасший от гибели надежду мира, праведного Ноя с семейством, дабы воспроизвести из него новый род человеческий» (см.: Быт. 6, 14–22). Какое вещество корабля и ладьи? *Древо тленнейшее, древо малейшее*, вещь утлая, всегда способная к гнилости и разрушению. Конечно, хитрец, или искусный художник, может скрепить дерево, может сделать огромный и превосходный корабль, но этот плавающий чертог тогда только бывает совершенно прочен и безопасен, когда оный вместе со строительною рукою человека *устраивает Твой Промысл, Отец Небесный*. Почему возможно мореплавание? Только потому, что Ты, Всемогущий, *дал и в мори путь, и в волнах стезю крепкую*. Для чего? *Хощеши бо, да не будут праздна дела премудрости Твоя*,— чтобы были зрители Твоей неизреченной славы, являемой на морях.

Поистине, братие возлюбленные, дела премудрости Божией очевиднее и поразительнее на воде, чем на земле. Вода занимает несравненно больше пространства на земной поверхности, нежели суша; моря, озера, реки и источники со своими животными, растениями и драгоценными камнями, со своими воздушными и водными переменами составляют особый, неизмеримый мир чудес Божиих, которых не ведает суша и которые известны одним только мореплавателям. *Сходящии в море в кораблях, творящии делания в водах многих, тии особенно видеша дела Господня и чудеса Его во глубине* (ср.: Пс. 106, 23–24). «Ибо где преимущественно Господь,— спрашивает Пророк,— где Он как бы весь Сам Собою?» И отвечает: *Господь на водах многих* (Пс. 28, 4). На водах многих Господь, когда Он вещает: «Мое есть море, Я создал его» (ср.: Пс. 94, 5); когда населяет его китами великими, гадами, *ихже несть числа*, творит *животная малая с великими* (Пс. 103, 25). На водах многих Господь, когда Он полагает пределом морю песок, когда облаком одевает оное и повивает мглюю (см.: Иов. 38, 8–10). На водах многих Господь, когда повелевает буре и становится тишина, и умолкают волны морские (см.: Пс. 106, 29), и море является необъятным зеркалом необъятной любви и благодати Божией, в объятиях которой играют киты великие и весело плывут корабли к своим пристаням. *Возвеселишася, яко умолкоша*

(Пс.106, 30). Особенно Господь *на водах многих* тогда, когда, по Его всемогущему слову, восстает дух бурный; когда возмогает вода и умножается зело-зело (см.: Быт. 7, 18–19), как во дни всемирного потопа, когда свирепые волны вздымаются подобно горам, восходят до небес и нисходят до бездн, и душа мореплавателей истаявает от бедствий, и они, несчастные, мнутя от несказанного ужаса, шатаются, *яко пияный*, и вся мудрость, все знание и силы их исчезают, не давая им никакой помощи (см.: Пс. 106, 25–27).

Можно ли подумать, чтобы Церковь оставила без особенных молитв, без особенного благословения и освящения это тленнейшее и малейшее древо, которому *вверяют человецы души своя* и которое, с одной стороны, должно показать великие чудеса и славу Божию детям ее, с другой – может подвергать их крайней опасности, с третьей – способно умножить их благосостояние, *оное бо желание пристязаний умысли*? Посмотрите на святого апостола Павла, как он пред вступлением на корабль на берегу моря со всеми учениками своими, с женами и детьми усердно молится, преклонив колена (см.: Деян. 21, 5). Так точно и Церковь, благословляя новое судно, взывает ко Господу о помощи и покровительстве. «Боже отцев наших,– говорит она со священным дерзновением,– Ты заповедал Ною, рабу Твоему, построить новый корабль для спасения мира; Ты благоволил, чтобы корабль, состоя из многих древ и могущий распасться, был, как едино древо, крепкое и нерасторгаемое; Тебе угодно было Самому некогда править этими бездушными деревьями: Ты Сам и ныне, Владыко, и сей корабль (или ладью) соблюди, и даждь ему ангела блага, мирна; хотящая плиты в нем сохрани; даждь им во своя отъити здоровым...» Обращаясь к бездушному древу, она как бы так беседует с ним устами своего служителя: «Благословляю тебя окроплением воды священныя; иди по волнам морским не сам собою, но во имя Бога Всемогущаго, Отца и Сына, и Святаго Духа; шествуй под покровом Пречистыя Владычицы наша Богородицы, в силе честнаго и животворящаго Креста, в сопровождении небесных Сил безплотных, укрепляемый молитвами Предтечи Господня, славных и всехвальных апостолов и всех святых». Сильною и поразительною песнею Царя-пророка она ободряет, успокаивает и наставляет чад своих, как они должны вести себя, обитая на корабле. *Исповедайтесь Господеву, яко благ, яко в век*

милость Его (Пс. 106, 1), славьте Господа за милость, когда узрите чудеса Его во глубинах морских, и поведайте их другим. Взывайте к Нему в скорбях и опасностях, и Он избавит вас от всех нужд ваших, как избавлял некогда сынов Израилевых от врат смертных, от самой могилы. Будьте покорны слову Божию и повинуйтесь воле Всевышнего; ибо были люди, которые преогорчали словеса Божия, раздражали совет Вышнего и оттого сидели во тьме и сени смертной, были окованы нищетой и железом, были слабы до изнеможения, и Господь не помогал им (см.: Пс. 106, 10–12). *Да исповедятся Господеву милости Его... в церкви людстей и на седалищи старец восхвалят Его* (Пс. 106, 31, 32). Таким образом, бездушное дерево – корабль – делается не только освященным подвижным домом для христиан, но и ходящею церковью Господа Вседержителя, – церковью, о которой можно сказать то же, что Спаситель сказал о Церкви вообще: ее не только не разрушат бури морские, не только не поглотит вода, не разобьют скалы и камни подводные, но и *врата адова не одолеют ей* (Мф. 16, 18) – если только хотящие плыть по водам навсегда пребудут верны заветам Бога своего и внушениям святой матери – Церкви православной.

Чин благословения хотящим по водам плыти

Возведох очи мои в горы, отнюдуже приидет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю (Пс. 120, 1–2). Куда теперь, в час отплытия, и возводить очи и сердце свое, как не в горы – на небо? Земли скоро не станет под ногами путника; единственная помощь и спасение его от неба и на небе. Для всех людей существуют четыре стихии, а для мореплавателя их собственно только две: вода и воздух – обе непостоянные, равно грозящие опасностью и при сильном движении и при совершенной неподвижности своей; море пловцу – зыбкое ложе, а покров ему – небо; глаза его ничего не встречают вокруг себя, кроме воды и неба. А иногда и неба не бывает видно. «В течение нескольких дней мы не видали ни солнца, ни звезд, – пишет о своем мореплавании в Рим святой евангелист Лука, – на нас налегали свирепые волны, страшная буря и ненастье... прочее отъимашеся надежда вся, еже спасется нам» (Деян. 27, 20). *Возведох очи мои в*

горы, отнюдуже приидет помощь моя. Как Бог в Своей славе и чудесах особенным образом открывается на водах многих, так и человек в морском волнении яснее становится сам для себя, вернее познает свое внутреннее состояние, лучше видит, есть ли у него живая вера, чистая любовь, глубокое упование на Бога. «Когда плыл я из Александрии в Грецию,— говорит о себе святой Григорий Богослов,— поднялась страшная буря, какой никто не помнил в море Парфенском. Все пришли в ужас при виде общей смерти, а я, бедный, более всех боялся за свою душу и среди губительных вод желал воды духовной. Вопиял, просил и молил у Бога хотя малой себе отсрочки. Во время сей-то опасности я дал обет посвятить себя Господу, если спасусь,— и, посвятив, спасся» (Свт. Григорий Богослов. Слово 18. В похвалу отцу). Самое торжество веры и Церкви, может быть, нигде не бывает так возвышенно и поразительно, как в опасностях мореплавания. Вот что повествует один путешественник, еще недавно чудесным образом спасшийся со многими другими от потопления. «Корабль страшно дрожал; слышался треск, палубы погнулись, приподнялись на середине; вода быстро прибывала. Громогласное “Господи, помилуй!” слышалось из уст истомленных страдальцев... Служитель веры, с крестом в руках, осенял на все стороны, и молитвы на разных языках неслись ко престолу Божию... Потом все смолкло. Наступило торжество веры; все стояли с открытыми глазами. Священник Божий в истинном величии своего сана, напутствовал нас отходною молитвою в жизнь вечную!» Но чудо милосердия Божия даровало им жизнь временную в то мгновение, когда смерть казалась неизбежною.

Возводи же, пловец христианский, очи ума и сердца твоего *в горы* как можно чаще, и Господь сохранит тебя; Господь – покров твой. *Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна ночью* (Пс. 120, 6). Господь сохранит тебя от всякого зла, сохранит душу и жизнь твою Господь. Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века.

Святой Григорий Богослов свидетельствует, что его спасли от потопления молитвы отца и матери. «Я страдал на водах,— говорил он,— со мною страдали и родители, в ночном видении разделяя мое бедствие. Они с суши подавали помощь, своею молитвою как бы заговаривали волны, о чем узнал я, когда впоследствии, по

возвращении, высчитал время моего избавления» (Свт. Григорий Богослов. Слово 18). Кто может не поверить свидетельству одного из величайших отцов Церкви? И кто после сего осмелится подумать, чтобы молитвы родителей и знакомых не были спасительны для пловцов? Итак, отцы и матери, друзья и сродники плавающих по водам! Если сии последние любезны вашему сердцу, если их жизнь, их и ваше счастье драгоценны для вас, преклоняйте со умилением колена и главы ваши пред Господом, утром и вечером, днем и ночью повторяйте смиренно, с благоговением, с верою и упованием ту самую молитву, которую Церковь возглашает к пловцам пред их отплытием; молитесь так: «Владыко Господи Иисусе Христе, Боже наш, по водам ногама, яко по суку, ходивый и святыя Твоя ученики и апостолы в корабли сплаватели Себе быти сподобивый, бури же ветреной запретивый и морским волнам утишитися повелевый! Ты и ныне – смиренно молим Тя, Спасе, – и с рабы Твоими (помяните имена пловцов) купно płyти в корабли сем (или в ладии сей) изволи, всякий противный ветер и бурю утоляя; воздвигни же изрядные и благовременные ветры ко благополучному плаванію, Кормчий им Сам всегда, спасительное же, небурное и ведренное пристанище тем самым (рабам) и кораблю (или ладье) бывая. И, якоже Петра, от истопления и от всех видимых и невидимых врагов наветования, бед же и нужд и страхований всесильною Твоею десницею державно избави; и восвояси добре и благополучно свое предложение и благое намерение совершивших здраво и весело в мире возвратитися благоизволи, Твою богатую и неистощимую благодать во всех делах их богато даруя и корабль цел и невредим соблюдая. Ты бо еси Спас, Избавитель и всех благих небесных и земных богатый Податель, и Тебе славу возсылаем со безначальным Твоим Отцем и пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь» (молитва молебная за хотящих płyти по водам).

Наконец, братие возлюбленные, молясь о плавающих и путешествующих, вспомним и о себе самих. Не все мы совершаем дальние пути, не все плаваем по водам; но все мы, в известном отношении, путники, все – странники и пришельцы на земле. Жизнь наша есть море, постоянно воздвигаемое напастей, страстей и соблазнов бурей; продолжение жизни – непрерывное плавание,

ежеминутно сопряженное с великими опасностями. «Не море ли, – говорит святой Григорий Богослов, – не море ли жизнь наша и человеческие дела наши? Ах, как много есть в ней непостоянного! Ее ветры суть стремительные искушения, внезапные приключения...»

«Много путей многобедственной жизни сей, – продолжает он в другом месте, – и на каждом встречаются свои скорби; нет добра для людей, к которому бы не примешивалось зло: и хорошо еще, если бы горести не составляли большей меры! Богатство неверно; начальство – кичение сновидца; быть в подчинении тягостно; бедность – узы; красота – кратковременный блеск молнии; молодость – временное воскипение; седина – скорбный закат жизни; слова летучи; слава – воздух; благородство – старая кровь; сила – достояние и дикого вепря; пресыщение нагло; супружество – иго; многочадие – необходимая забота; бесчадие – болезнь; народные собрания – училище пороков; недеятельность расслабляет; художества приличны пресмыкающимся по земле; чужий хлеб горек; возделывать землю трудно; большая часть мореплавателей погибли; смертным все трудно; все здешнее – смех, тень, призрак, роса, дуновение, пар, сон, волна, поток, след корабля, ветер, прах, круг вечно кружащийся, возобновляющий все подобное прежнему, и неподвижный, и вертящийся, и разрушающий, и непременный во временах года, днях, ночах, трудах, смертях, заботах, забавах, болезнях, падениях, успехах...» (Свт. Григорий Богослов. Стихотворения. Жизнь).

Будем же деятельны, осторожны и неутомимы, как мореплаватели; будем с таким же усердием и желанием стремиться к небесному Отечеству нашему, с каким путник жаждет возвратиться на свою родину; не будем ни на десное, ни на шеее уклоняться от стези заповедей Божиих, дабы не заблудиться на стропотном пути житейском. Возопием ко Господу, как мореплаватели в час кораблекрушения, гласом Церкви: «Обыде нас последняя бездна, несть избавляяй, вменихомся, яко овцы заколения; спаси люди Твоя, Боже наш; Ты бо крепость немоществующих и исправление». Аминь.

Беседа пятнадцатая. Последование в бездожде

И будет небо над главою твоею медяно и земля под тобою железна. Да даст Господь дождь земли твоей прах, и персть с небесе снидет на тя, дондеже сокрушит тя и дондеже погубит тя (Втор. 28, 23–24).

Нередко упоминали мы о бедствиях, приключаящихся человеку от многоводия, и видели, как они бывают ужасны. Но менее ли ужасны те несчастья, кои происходят от безводия? Поистине, братие возлюбленные, одно из самых печальных явлений природы есть бездожде и засуха. Это род медленной смерти, или медленного огня, пожирающего жизнь растительного и животного царства. Страшно смотреть и на небо, и на землю, пожираемую раскаленными волнами пламенных лучей солнца; грустно видеть растения, поминутно увядающие, птиц и скотов, почти задыхающихся от нестерпимого зноя.

«Видел я,— говорит святой Василий Великий о засухе своего времени,— видел я засеянные поля и много плакал об их бесплодии; пролил слезы, потому что не проливался на нас дождь. Иные семена засохли до восхода, такими же остались в браздах земли, какими зарыл их плуг; другие взошли несколько и, дав зелень, жалким образом увяли от зноя, так что ныне благовременно превратить Евангельское изречение и сказать: делателей много, а жатвы нет и малой. Земледельцы, сидя на нивах и сложив руки на коленях (обыкновенное положение сетующих), оплакивают напрасно потерянные труды свои; посмотрят на малолетних детей — и начнут рыдать; устремят взоры на жен — и зальются слезами; потрогают засохшие листья взошедших стеблей — и горько заплачут, как отцы, потерявшие сыновей, достигших цветущего возраста» (Свт. Василий Великий. Беседа во время бездождия и засухи).

Страшные засухи, будучи сами по себе великим бедствием и ведя за собою ряд других еще больших несчастий для народа — либо голод,

либо моровое поветрие, либо тяжкие повальные болезни,— бывали прежде, бывают и ныне. Посему-то Святая Церковь, болезнуя о людях и природе видимой и желая предотвратить народные бедствия, от засухи происходящие, издавна составила молитвенный обряд, или последование в бездождие,— обряд весьма трогательный, исполненный глубочайшего сокрушения и пламенных молений. Извлечем из него хотя некоторые мысли.

Отчего бывают засухи и другие несчастные события в природе? Церковь не вдается в исследование причин физико-астрономических: это причины мертвые. Начало и характер всех явлений природы, счастливых и несчастных, она выводит из свойств и характера деяний народных. Какова жизнь и поведение людей, таков порядок и ход природы видимой. Люди грешат, то есть портят, извращают свой нравственный порядок,— портится, по велению Господа, порядок и в мире физическом. «Мы согрешили, преступив закон Твой, Господи; Ты прогневался и заключил небо Свое, изсушил землю нашу. Но мы каемся и умоляем Тебя о помиловании; Ты же, яко щедрый, Господи, умилосердися на люди Твоя, яко долготерпелив, примирился и помилуй ны». Вот главное содержание церковных молитв во время засухи.

Церковь то исчисляет в нем роды беззаконий, бывающих причиною засухи; то представляет печальную картину страждущей земли, сожигаемой солнцем; то заставляет нас глубоко раскаиваться и умолять Господа естественною Его благостью; всех и все подвигает она к умилостивлению разгневанного Создателя.

«Мы согрешили» — и вот род беззаконий, как бы по естественной связи нравственного с вещественным, произведших засуху: «По Своей безмерной благодати Ты почтил нас образом Твоим и всю тварь покорил нам. Что же мы? Толико благодетельствовани бывше, якоже врази, представихомся и Твои, Благодетеля нашего, заповеди презрехом, и житие порочно, и мысль скверну и нечисту стяжахом, и не токмо Твою любовь отвергохом, но и, якоже зверие, друг на друга носимся, и плоти друг друга снедаем лихоимственными образы и неправедным произволением нашим. Како убо достойни есмы Твои благодеяния восприяти? Ты бо праведен, мы неправедни; Ты любиши, мы

враждуем; Ты благоутробен, мы неблагоутробни; Ты благодетель, мы хищницы. Кое общение к Тебе имамы, да и Твоих благих приобщимся?» Описанный здесь род грехов есть эгоизм, то есть себялюбие и корыстолюбие. Эгоизм в нравственном мире то же, что засуха в мире вещественном.

«Мы согрешили» – и тьмами смертей повинны. Ты во мгновение ока мог бы погубить нас, но это несвойственно Твоей благодати и человеколюбию. «Се, под Твоею действенною и вся содержащею рукою пребываем! Удобно есть Твоей всемогущей руке, яко во мгновение ока, погубити, – и елико от нашего намерения и жития (судя по нашим расположениям и худому образу жизни) праведно есть нам пагубе предатися, Судие праведнейший, но Твоей непобедимой благодати и неизреченной благодати несть всяко достойно, человеколюбнейший Владыко».

«Мы согрешили» – и сами по себе не дерзаем приступить к Тебе, но Твое собственное милосердие, Твоя естественная благодать умоляет Тебя пощадить нас. «Сам, Владыко всех, от самага Твоего благоутробия и естественною благодатию умоляем, даруй земли дожди мирны».

«Мы согрешили» – и достойно терпим наказание; но с нами вместе страдает и невинная природа. Воззри на землю. «Се бо предлежит сия, якоже мати, изсушены имущая сосцы; якоже бо оныя сосцы, млека лишаящися, смерть приносят младенцу, сице и земля, бразды своя непричастны влажности имущи, увядение творит злаку, растление рождением своим приносит. От сухости зной, аки некая разжигающая огневица, прозябения увядевый, погибель провозвещает рождением ея. Посети ю, и водными облаками воздух благораствори, и богатым Твоим дождем землю ороси, и прозябения ея оживи». Воззри на существа одушевленные, неповинно страдающие: «Виждь птиц стенания, скотов вопияние, младенческий плач, юнош вопль, старых окаянство (бедствие), сирот лишение, вдовиц одиночество, убогих недостаточество и посети землю, упой ю тучными дожди. Мокроты бо лишаящися, своим прозябениям увядением, человеком же и скотом пагубную претит».

«Мы согрешили» – и прогневали Тебя; прогневалось на нас естество водное, зря Тебя гневающимся. «Весть водное естество своего Творца, знает своего Владыку; не невесть и должное свое служение – аще узрит Тебе, Владыку, гневающимся на ны,– или безмерно подвижно погибель содевает, или, спрятаемо, удерживает – и тогда сухость и пламенновидный воздух бывает. Аще же паки видит Тебе, человеколюбца Бога, благоцветлива и благопременительна, дожди уготовляет, и тучи на землю низносятся, и воздух благодышущий бывает, и земля, Твое повеление услышавши, изобильны плоды прозябает».

«Мы согрешили» – но помяни, яко дела руку Твоею есмы, и не забуди о немощах естества нашего, которые Ты Сам некогда воспринимал на Себя. «Вонми немощению естества нашего. Ты Сам трудился, и подвизался, и алкал, и жаждал, и вся пострадати изволил даже до креста и смерти – да, в немже пострадал еси и искусился еси, поможеш нам немощствующим. Сам и ныне, Царю Святый, наше немощение человеколюбо восприемый, умилосердися о нас, обуреваемых зело и скудостию изнуряемых».

«Мы согрешили» – но Ты один Отец всех и Сам Ты повелел искать и просить у Тебя. «Ты, Владыко человеколюбче, един еси Отец всех нас, и к Тебе единому очи возводим, яко отдоенное на мать свою: Твое бо есть слово, преблагий Владыко: просите, и дастся вам; ищите, и обряцете. Подаждь убо просящим ныне, Владыко...» Можно ли сильнее и, так сказать, настойчивее вопиять к Богу, и умолять Его, и убеждать, и почти требовать милосердия Его, как вопиет Святая Церковь? И кто дерзнул бы так громко возвышать голос пред грозным и праведным Судиею вселенной, если бы она не дала нам сего дерзновения? О Церковь – мати и ходатаица наша крепкая пред Господом!..

Во время больших засух мы часто слышим сии трогательные и убедительные молитвы. Мы внимаем им с коленопреклонением; но засухи продолжаются, и моления наши часто оказываются недействительными. Отчего? На это отвечает нам молитва Церкви вопросом же: «Кое добро сотворихом, да и прошения получим?».

«Да и какая у нас молитва? – спрашивал святой Василий Великий у своих современников, терпевших страшные бедствия от засухи, – какое прошение? Вы, мужи, проводите время в куплях, и вы, жены, прислуживаете им в трудах для маммоны. Немногие остаются здесь со мною на молитве, да и у тех отяжелела голова; они зевают, непрестанно оборачиваются и наблюдают, скоро ли псалмопевец окончит стихословие и скоро ли они освободятся из церкви, как из узилища, и от молитвы, как от неволи. А эти малолетние дети, оставившие книги свои в училищах и соединяющие голос свой с нашим, как бы находят для себя в этом занятии более отдых и забаву, обращая в праздник нашу скорбь, потому что на некое время освобождаются от докучливого наставника и от заботы об уроках. А множество людей совершенного возраста и опутанный грехами подлый народ беспечно, свободно и весело ходят по городу, тогда как они-то носят в душах свою причину зол, они-то навлекли и произвели сие бедствие» (Свт. Василий Великий. Беседа во время голода и засухи).

Печальное и ужасное зло есть засуха земли, но еще печальнее и ужаснее засуха души и сердца, то есть оскудение веры в народе, оскудение любви к Богу и ближним, оскудение милосердия к бедным, оскудение сострадания к страждущим, оскудение снисхождения к оскорбляющим, оскудение кротости к согрешающим, оскудение смирения пред Богом и в обращении с падающими братьями нашими, оскудение усердия в молитве, оскудение привязанности к уставам Церкви – одним словом, оскудение всех добродетелей христианских, и вместо их умножение беззаконий: себялюбие, корыстолюбие, скупость, жадность, грабительство, зависть, ненависть и бесконечный ряд других безумных страстей человеческих. Сей-то наипаче сухости должны мы ужасаться, братие возлюбленные; сего-то оскудения добродетелей должны трепетать «вся кости наша»; сего умножения беззаконий должны убегать мы, как страшного огня геенского. Сухость земли производит вред и пагубу временную; сухость души и сердца повергает в погибель вечную. От чего да избавит Господь Бог наш всех нас по Своему неизреченному милосердию и ради непрестанных молений святой матери нашей Церкви. Аминь.

Беседа шестнадцатая. Попечение Церкви о потребностях христианина по виду очень простых и неважных

Люди с земными помыслами, с плотскими взглядами на жизнь привыкли находить в этой жизни, в этом великом даре Божиим гораздо более обстоятельств простых, случаев мелких, потребностей неважных, чем важных. Пред очами Церкви, пред ее матернею любовью к своим благодатным детям ничего нет простого, мелкого, неважного в жизни христианина. Ее прозорливый и попечительный взор на все обращен с одинаковым вниманием и заботливостью. И чем житейские потребности наши по-видимому маловажнее, чем случаи проще и обыкновеннее, тем глубже открываются ее заботы, тем нежнее и величественнее является любовь ее. Так, мы часто видели, что она освящает не только построение домов, благоплодие полей, садов и огородов, старается соделать животворными источники и реки, но тщится очистить и скудельный чванец, если он кажется нечистым,— и мало еляя в чванце, и простой водонос, и горсть муки в водоносе... Обратимся еще однажды к нескольким случаям в быту христианском по видимости очень неважным, и посмотрим, как поступает с нами святая мать наша Церковь в этих случаях.

Молитва на всякую немощь

Вы находите себя не совсем здоровыми, ощущаете тяжесть в голове или в груди, или некоторую боль в костях, или где бы то ни было. Церковь дает вам свою трогательную молитву на всякую немощь [5]. Ей нет нужды, какого рода ваша болезнь, отчего произошла, сильна ли или нет; она только соболезнует, что вы нездоровы или можете быть нездоровыми, и потому прибегает ради вас к обыкновенному своему оружию — к молитве. «Владыко Вседержителю,— взывает она устами служителя своего,— Врачу душ и телес наших, брата нашего (такого-то) немощствующаго посети милостию Твоею, исцели его, остави (удали)

от него всяку язву, всяку болезнь, всяку рану, всяку огневицу и трясавицу (горячку и лихорадку)». Он согрешил и оттого заболел? Ах, «если есть в нем согрешение или беззаконие, ослаби, остави, прости Твоего ради человеколюбия. Ей, Господи, пощади создание Твое!..».

Молитва на неспящего

У вас нет спокойного сна, или вы страдаете бессонницею. Не думайте, чтоб и в этом по-видимому до Церкви не касающемся положении, Церковь оставила вас без призрения; нет, она готова, так сказать, просидеть у изголовья вашего подобно тому, как обыкновенные матери сидят у колыбели немощных детей своих; она знает, что истинно полезный сон есть один из лучших даров Божиих и что Бог дает оный только возлюбленным Своим (см.: Пс. 126, 2); что, напротив, сон беспокойный или совершенная бессонница есть мучительное состояние для человека. Потому-то она, кроме многих других молитв, ежедневно совершаемых (повечерия, на сон грядущим), положила еще особую молитву на неспящего. В сей умиленной молитве она призывает всех святых к ходатайству; указывает на целый лик самых святых великих угодников Божиих; воспоминает древние чудеса в рассуждении сна, совершившиеся над Авимелехом, над святыми семью отроками; и, подкрепляемая столь великими опорами, сама вопиет к Господу, чтоб Он даровал страждущему бессонницею «сон успокоительный, сон здравый и спасительный, сон животворный, укрепляющий душу и тело».

Молитва на студные помыслы

Вас смущают дурные мысли: беспокоит воображение, представляя нечистые образы; мучит воспоминание о греховном прошедшем. Возьмите церковную молитву на студные помыслы. Церковь с особенною силою, в глубочайшем духе смирения составила сию молитву, дабы усмирить буйный дух ваш, утишить необузданность этих часто несчастных и пагубных сил души нашей, каковы воображение, память, иногда же сила мышления,— сил, соблазняющих

«деяньми нечистыми, помышленьми нелепыми, воспоминаньми неполезными». Не думайте, чтобы против нечистых помыслов могли вы найти другое, лучшее средство, кроме молитвы. Нет! В болезнях телесных вы можете прибегать к врачам. Но когда у вас испорчено воображение, когда ваша память, подобно скотскому вертепу, наполнена нелепыми предметами, когда самая сила мышления получила направление к низкому и нечистому – словом, когда вся душа ваша сделалась вместилищем греха, тогда один Бог может исцелить вас; «един Он, Святой, един, Крепкий, един, Безсмертный, во всех имейм могущество безприкладное», силен спасти вас от вас самих. Не презирайте же молитвы церковной.

Молитва сущих в запрещении и себе клятвою связующих

Иногда важные, а гораздо чаще неважные, обстоятельства заставляют нас по некоей нужде давать обеты, которых впоследствии не можем выполнить, связывать себя клятвами в делах, хода которых не умеем предвидеть, самим на себя налагать запрещения, исполнение которых влечет самые горькие последствия. Так, Исав клянется Иакову, что он уступает ему все права первородства, только бы Иаков накормил его своим *варением сочива* (см.: Быт. 25, 30–33). Иеффай произносит несчастный обет, что если он одержит над врагами победу, то принесет в жертву первого, кто встретит его при возвращении в дом свой. А встретила родная и единственная дочь (см.: Суд. 11, 30, 31, 34, 35). Нечестивый отец, упоенный вином и пляскою, дает клятву дочери, столь же нечестивой и распутной, – и жертвой безумной клятвы долженствовал соделаться величайший в мире Праведник (см.: Мф. 14, 10). Вспомните безрассудную клятву Саула, едва не погубившую все войско израильское и наилучшего из сыновей его, Ионафана (см.: 1 Цар. гл. 19–31). Вспомните еще об этих четырехдесяти с лишком безумцах, которые клятвою прокляли себя ни пить, ни есть, пока не убьют святого апостола Павла (см.: Деян. 23, 12–13). И мало ли бывает подобных случаев? Даже: есть ли хотя один человек, который бы если не многократно, то по крайней мере однажды в жизни, в минуты исступления, не связывал себя безрассудными клятвами, не налагал на

себя нелепых запрещений? Один клянется тогда, как голоден, другой тогда, как пресыщен; один произносит неудобноисполнимый обет потому, что находится в несчастье; другой потому, что неожиданно получил какой-либо успех и от радости возблажило сердце его. Один клянется от ярости, другой, чувствуя сильную горечь и раскаяние и думая облегчить их, произносит на себя запрещение: клянусь, не буду ни есть, ни пить, пока не помирюсь с моим недругом. Прошло несколько времени; обстоятельства изменились и поставили клявшегося в самое затруднительное положение, но клятва осталась. Совесть связана, душа в узах, весь человек отвсюду опутан и заключен под свое собственное слово, как под неисходимые заклепы темницы. Кто может освободить тебя из этой темницы? Кто спасет тебя от твоих собственных уз? Церковь! Она знает, что ее дети опрометчивы и легкомысленны; но она не хочет, чтобы они были еще и вероломны, и клятвопреступны. Потому-то она положила особый чин, или молитву, которою разрешаются самовольные клятвы, снимаются запрещения и обеты неудобноисполнимые, – молитву о сущих в запрещениях и себе клятвою связующих. Ты, который обременил свою душу безрассудною клятвою, если у тебя есть совесть и ты чувствуешь ее мучения; если страшное и славное имя Бога твоего, Которым ты клялся, выну предстоит тебе, как неумытный судья; если видишь, что ты каждую минуту находишься в опасности нарушить свою самовольную присягу и к одному тяжкому греху клятвеналожения прибавить другой тягчайший грех клятвопреступления, – спеши к матери своей Церкви, ищи у нее ходатайства разрешить твой «союз неправды», снять с тебя твое «иго греховное». Она вознесет глас свой к Тому, Который един есть «милуяй окованныя, возставляяй низверженныя, надежда ненадеющихся, упокоение падших». Она возопиет к своему и твоему Господу: «Ты Сам, Владыко, священнодействующим во святей Твоей Церкви на земли даровал власть оставляти грехи и вязати и решити всякий союз неправды: молимся убо и ныне о брате нашем (таком-то), предстоящем пред Тобою, подаждь ему Твою милость, растерзаяй его союз греховный, аще что в неведении или небрежении (по оплошности) глагола или от малодушия содела; ведый человеческую немощь, яко Человеколюбец и благ Владыка, свободи его от союза греховнаго». Она благословит тебя и скажет: ты свободен, иди с миром и *ктому не согрешай* (Ин. 8, 11).

Молитва о дерзостно клянувшихся

Но, братие возлюбленные, пусть бы мы клялись по нужде, по некоему хотя сколько-нибудь благовидному предлогу. Нет! Всего чаще мы согрешаем безбожно божбою своею без всякой нужды; согрешаем, не почитая клятву грехом; согрешаем в таких случаях, в которых не только божба есть грех, но которые сами по себе суть тяжкие грехи; согрешаем по одному бесстыдству и дерзости. Посмотрите на эту праздную молодежь, скитающуюся по улицам и стогнам града, по местам общественным, по собраниям разного рода, и даже по храмам Божиим,— молодежь, рассказывающую нелепые повести, пустые или гнусные приключения. Что всего чаще услышите вы? При словах срамных, при лжи бесстыдной ваш слух непрестанно будет поражаться святыми и страшными словами: «Ей Богу, ей Богу, клянусь Богом...». Приблизьтесь к тем людям, пожилым, иногда сильно цветущим сединами или уже оставшимся вовсе без всякого цвета и покрова,— людям, сидящим и убивающим время и пожитки за ребяческою игрою; или выйдите на торжище к продающим и покупающим, или вообще туда, где сошлись два-три человека и спорят между собою о какой-нибудь самой ничтожной вещи,— чем растворены слова и речи всех этих людей, старающихся либо переспорить друг друга, либо прямо обмануть? Бессовестною божбою, нечестивыми, часто ужасными, клятвами и проклятиями... «Клянусь Богом... Бог свидетель... Бог порукою... видит Бог... так, поверьте Богу... убей меня громом... пусть земля провалится подо мною... чтоб не видеть мне ни отца, ни матери... убей меня Бог!..» Боже праведный, где же исполнение святого закона Твоего: *Да не примешь имене Господа Бога твоего всуе* (Втор. 5, 11)? Кому говорил Ты, и кто веровал слуху Твоему: *не клянитесь всяко, не клянитесь ни небом, ни землею, ни главою своею, буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни* (ср.: Мф. 5, 34–37)? И что было бы с нами, если бы Ты внимал нашим столь детски безрассудным клятвам?.. Но Ты не внимаешь им, Господи и Владыко живота нашего; Ты милосерд, и человеколюбно терпишь нашему окаянству, доколе исполнится мера долготерпения Твоего. Не внимает и Святая Церковь Твоя, честн!ою Кровию Твоею искупленная.

Так, христиане! По закону справедливости надлежало бы отвергать и проклятию предавать тех, которые бессовестно, бесстыдно и безвременно произносят страшные клятвы, которые не имеют ни уважения к ясным заповедям Божиим, ни страха к наказанию за нарушение их (см.:Исх. 20, 7; Лев. 19, 12); которые, будучи христианами, хулят и поносят имя Божие хуже язычников. Но святая мать наша, исполненная любви, снисхождения и долготерпения Бога своего, не только не отвергает, а напротив, ходатайствует о помиловании и прощении ежеминутно падающих и тяжко согрешающих привычкою божиться и клясться детей своих. И здесь, как во всех других случаях, она определила особую молитву о дерзостно клянувшихся. Мы грешим – она молится, болезнует, как бы так говорит в своей молитве: «Они согрешают, много все согрешают; но, Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, Ты ведаешь, как удобопреклонно ко греху и как немощно естество человеческое. Ты ясно видишь и знаешь все помышления детей моих, с какими они делают такой или другой поступок. Они согрешают, но, может быть, без злого умысла и худых целей. Знаю, что они дерзки; но Ты еси Бог, о Немже едином всяко рещи подобает: Сый незлобивый! Сподоби же презреть, предать забвению эти безрассудные мысли, слова и клятвы, кои происходят у них от ребяческой дерзости, прости им грех их снятием клятвы их, ради неизреченной Твоей благости».

Другие молитвы

Что еще, братие возлюбленные? По неведению или иногда по крайней нужде вам случилось осквернить себя нечистыми снедами. Церковь очищает и успокаивает совесть вашу своею **молитвою о скверноядящих**.

Вы находитесь во вражде с другом, соседом, родственником... Церковь молится о вашем примирении; и, когда вы примирились, она радуется, как мать радуется спасению невозвратно погибшего сына, благословляет вас и предлагает трогательную **молитву, умиревающую во вражде сущих и утверждающую мир их**.

От невоздержания, или от невнимания и небрежности, или от расстроенного воображения, или от других каких причин борет или просто обольщает человека постыдная какая-либо страсть. Человек сам бы должен одолевать ее, но и Церковь не прочь: как благодетельный врач не гнушается приступать к зараженным самыми отвратительными болезнями, так и Церковь со своей стороны не покидает боримых, употребляет свои способы, дает сильные, спасительные **молитвы на брань** чувственных похотений, от осквернения и других искушений разного рода.

Великий грешник намеревается принести покаяние, исповедать свои тяжкие беззакония. Кто знает, покается ли он искренно и умеет ли каяться? Церковь, всегда убеждая к покаянию, спешит сообщить ему самый дух истинного раскаяния и сокрушения своим умиленным **канон молебным ко Пресвятой Богородице во исповедание грешника.**

Вы исповедовались и по суду отца духовного, по суду собственной совести сделались достойными церковного наказания – на вас наложено запрещение (епитимия); несите, не отчаивайтесь, но уповайте: в свое время Церковь не замедлит снять с вас наложенное иго своею **молитвою над разрешаемым от запрещения.**

Вам грустно, вы ни в чем не можете найти отрады, вас томят неведомые скорби душевные. Если где, то особенно в скорби душевной Церковь не оставляет нас; кроме многих других средств, она составила и предала нам особый глубоко назидательный и глубоко трогательный **канон молебный, певаемый ко Пресвятой Богородице во всякой скорби душевной.** Видите ли? Здесь мать благодатная вручает нас Матери Божией; мать-Церковь ходатайствует о детях своих пред Материю Владыки вселенной и Господа Церкви. Церковь ведает, что никто лучше и скорее не может сочувствовать и сострадать скорбям и печалям рода человеческого, кроме Преподобной Девы Богоматери, которая Сама некогда страдала всеми возможными скорбями о Возлюбленном Сыне Своем и которая оттоле благоволила соделаться всех скорбящих радостью, всех огорченных заступницею, всех печальных утешением. И потому она,

святая мать наша Церковь, сама становится, так сказать, в ряд своих детей и от их лица, их голосом и воплем взывает неумолчно:

«Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися, погибам! О Мати Слова и Дево, от тяжких и лютых печалей спаси! Спаси от бед и скорбей рабы Твоя, Богородице, яко вси по Бозе к Тебе прибегаем яко нерушимой стене и предстательству...».

Чадо, чадо, что речение Божие? Первородне, тебе глаголю, сыне: что, чадо моего чрева? Что, чадо моих молитв?^[6] (Притч. 31, 2), – говорит негде с неизъяснимою нежностью одна мать своему любимому и, может быть, единственному сыну, желая наставить и, по-видимому, утешить его в некоей печали. Не так ли и Церковь обращается ко всякому из нас, коль скоро находит нас мало-мало в неприятном положении? Случаи, на которые указал я, что иное показывают, как не одну чистую любовь, чисто материнские заботы и попечения Церкви о нас, – попечения, простирающиеся до малейших подробностей нашей жизни, которые и у обыкновенных матерей оставляются без внимания? Казалось бы, какая нужда Церкви до того, что у нас заболела голова, что нам не спится, может быть, от обжорства, что нас беспокоят дурные мысли, вероятно, оттого, что мы успели развратить свою душу, что на нас нападает скука, и так далее? И, однако, видим, что ей до всего нашего есть нужда. Ее любовь так пространна и всеобъемлюща, так нетерпелива, что она не хочет покидать нас ни днем, ни ночью, ни во сне, ни наяву, ни в печали, ни в радости, ни в здравье, ни в болезни... *Что, чадо? Первородне, тебе глаголю, сыне: что, чадо моего чрева? Что, чадо моих молитв?* – вот всегдашний голос, всегдашнее матернее слово ее любви к нам!

Братие-христиане, возблагодарим Господа и будем непрестанно до последнего издыхания славить и благодарить Его за то, что Он сподобил нас, окаянных, родиться в недрах нашей, а не иной какой-либо Церкви; жить и умирать на лоне нашей православной матери, Единой Святой Соборной Апостольской Церкви, а не в каких-либо разъединенных, отнюдь не во времена апостольские образованных собраний. Слава Богу, Благодетелю нашему, во веки веков. Аминь.

Беседа семнадцатая. О том, как многие христиане принимают попечение Церкви о них

Слыши, небо, и внуши, земле: сыны родих и возвысих, тии же, отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго и, и осел ясли господина своего, Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша. Увы, язык грешный, семя лукавое, сынове беззаконнии! (Ис. 1, 2–4).

Слыша сии слова, отчасти грозные, отчасти печальные, выражающие тихую и вместе глубокую жалость и жалобу, вы, конечно, предугадываете, к чему будет клониться речь наша. Но, братие-христиане, если беседа простого служителя, слово в самой вещи окажется словом горечи, подобно горьким водам Мерры, усладите ее вашим терпением и христианскою кротостию, и да не будет в сердцах ваших ни гнева, ни рвения, ни кощунства, ни досаждения. Не своим косным языком, но по большей части словами святых отцов и великих учителей Церкви буду говорить я.

Доселе мы беседовали об отношении Церкви к нам, христианам; разбирали и судили ее действия, касающиеся временного и вечного спасения нашего; при каждом случае, на который указывала нам церковная книга (Требник), мы, так сказать, пытали и вопрошали ее: «Что такое Церковь в отношении к нам, христианам? Точно ли она есть мать наша? Печалится ли она о нас, как о присных и возлюбленных детях? И каковы ее попечения? И как далеко простираются?» и прочее. Много и еще осталось вопросов, много весьма важных предметов для бесед о тех же отношениях. Но что же мы испытываем только мать и не говорим ничего о детях? Не пора ли обратиться к себе? Не время ли спросить нам себя самих: что такое мы, христиане, в отношении к Церкви? Точно ли так мы ведем себя в отношении к ней, как дети? Любим ли и чтим ли ее, как дети? Верны ли и послушны ли ей, как дети? Преданы ли ей душою и сердцем, как дети? Исполняем ли ее законы и уставы, как добрые дети исполняют

повеления своих родителей? Храним ли ее порядки, как хранят их покорные дети в благоустроенном семействе? Наша жизнь, наши дела, наши нравы и обычаи, весь наш быт и характер есть ли быт и характер церковный? Суть ли нравы и обычаи, завещаваемые нам святою матерью нашею Церковью? Суть ли дела, ознаменованные печатью церковности? Есть ли жизнь, проникнутая духом Церкви, оживленная учением Церкви, распоряжаемая и управляемая богоправимою десницею матери-Церкви? Что будем отвечать на сии и подобные сим вопросы?.. Увы, братие возлюбленные, трогательная жалоба Господа Иеговы на древнего Израиля так же верно может относиться и к новому: *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене!* Мы это легко увидим, если объяснимся несколько подробнее сами пред собою касательно главных предметов Церкви.

Таинства

Церковь возродила нас в Таинстве Крещения; запечатлела нас печатью даров Духа Святаго в Таинстве Миропомазания; восприняла нас от купели чистыми и непорочными, как ангелы. Где же эти ангелы между нами? Где обещанная нами Богу непорочность? Что осталось у нас от святыни Крещения, от благодати Миропомазания?.. Что более, кроме холодного воспоминания, кроме сухих и мертвых записей церковных, что в такое-то время каждый из нас точно окрещен и получил имя христианское? Получил, да и остался при одном имени. Как здесь не болеть и не сказать со святым Димитрием Ростовским: «Сердцем приходим, яко мнози в нас именем токмо суть христиане, а дела – поганых горее; именование христианско, а житие скотско; Крестом Христовым ограждаемся, а Христа распинаем вторицею, яко богоубийцы, – распинаем Его скверными, мерзкими и нечистыми деяньми. Именем Христовым хвалимся – и тоежде имя Его святое, на нас нареченное, хульно творим, христиане нехристианская делающе» (Свт. Димитрий Ростовский. Поучение в Неделю жен-мироносиц).

В Таинстве Покаяния Церковь открыла нам, потерявшим благодать Крещения, другой великий способ всегдашний и постоянный. Сколько раз она прощала нам и вины, и слабости наши! Сколько раз мы

слышали из уст ее матернее слово: «Чадо, отпускаются тебе греси твои мнози; иди и ктому не согрешай!» Но куда же мы шли и куда всего чаще идем, как не согрешать? Куда спешим от дверей покаяния, как не на прежние стези неправды, как не на проложение новых путей беззакония? *Случися им,—* говорит святой апостол Петр о неких падших,— *истинная притча: пес возвращься на свою блевотину, и свиния, омывшись, в кал тинный* (2 Пет. 2, 22). Не гнушайтесь этою безыскусственной, простою притчею, или пословицею: она верно и точно выражает свойство таких христиан, которые то восстают, то падают; восстают для того, чтобы падать; падают часто для того, чтобы никогда не восставать. И разве мало есть таких грешников, которые вовсе не хотят каяться? Разве не более таких, которые каются для одного вида, из приличия? Да и не все ли мы, дети матери нашей Церкви, на все чадолюбивые средства ее подчас гордо и нагло отвечаем: «Отступи от нас: путей твоих не хотим ведети»? Сие-то бедственное состояние рода человеческого обозревая, древний мудрец о всех без исключения сказал: *помяни, яко вси есмы во епитимиах* (Сир. 8, 6), все под запрещением, все во греховных узах, все рабы неправды, и ни одного нет сына совершенно свободного.

Учение Церкви

Учат детей; но где же те дети, которые с детским усердием и простодушием хотели бы учиться у матери-Церкви? Ах, как часто видали и видим, что, едва учитель церковный покажется на училищном месте, вдруг начинается во храме движение вспять и люди шумят или бегут от церковного урока подобно ленивым и презорливым школьникам, для которых лучше буйство и невежество, чем наука и образование! Есть христиане, которые вовсе не хотят ни знать, ни учиться ничему относящемуся к ведению христианскому. «Поседали,— жалуется один из великих учителей нашей Церкви,— от дряхлости, ничем не владеют, одною ногою на земле, другою во гробе — а что знают? Их должно бы учить так же, как младенцев. Но как таких учить, которые не хотят учиться, которые, будучи христианами, христианского учения бегают?.. Скажи, пожалуй: сколько теперь, когда мы преподаем учение Церкви, сколько теперь людей шатающихся на

улицах, пьянствующих на торгу, или обманывающих, или бесполезно бродящих? Без числа; а чтоб посидеть кому при ногу Иисусову и послушать Его слово, то или одна Мария, или мало с нею кто другой» (Преосвященный Платон. Катихизис. Нравоучение 2). Есть люди, именующиеся христианами, которые ничего не зная, ничему не учась у Церкви, сами хотят учить Церковь и детей ее. «Оле окаянных времен наших,— сетует о таковых святой Димитрий Ростовский,— яко ныне истинная Церковь зело утеснена, умалена ово от внешних, ово от внутренних врагов; иже, не сынове, но прелюбодейчаща суще, терзают внутренности Церкви, матери нашея, хуляще и отторгающесе от нея, и иных многих вслед себе влекуще в заблуждение и погибель. Едва бо не во всяком граде иная некая особая изобретается вера, и уже о вере и простые весьма, пути истиннаго не знающии, догматизируют и учат, и в своем упорстве окаянии стоят, презревше и отвергше истинных учителей церковных» (Свт. Димитрий Ростовский. Поучение в Неделю жен-мироносиц). Есть еще род христиан, которые много знают, всему охотно учатся, но которым первые начала и основания христианства часто бывают вовсе неизвестны; у которых всякая наука, всякое искусство и художество почитается необходимым для знания, для жизни,— одно только учение о спасении души, учение Церкви, кажется излишним: *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене...*

Храмы и богослужения

А храмы и богослужения? Их или не посещают, или посещают редко, или, посещая, вносят туда всю суету и мятеж жизни мирской, повседневной, площадной! Что всего чаще слышим, как не жалобы учителей Церкви, во все времена сетовавших против ленивого и бесчинного стояния в храмах Божиих при богослужении! «О чуде,— взывал древле святой Златоуст к своим современникам,— о чуде! Когда Тайная Трапеза уготована; когда херувимы пред нею стоят, серафимы окрест летают, шестокрылнии лица свои покрывают; когда все безтелесные силы вкупе с иереем за тебя молят,— ты ли не боишися, не срамишися такой ужасный час в беседах и суесловиях провождать? От ста шестидесяти осьми часов, в седмице числимых, един только час отделил Себе Бог — и той ли на житейския дела, и

смехи, и разговоры третишь?» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии. Беседа девятая). Приведем еще жалобу, которая слышится из времен новейших. «Соберутся людие в церковь, будто на молитву, – с тугою сердца говорит святитель Христов Димитрий, – а между собою молвят и празднословят о внешних: или о купле, или о бранех, или о пиршествах, или кого осуждают, или ругаются кому и хульными словесы добрую ближняго славу разбивают! Другие, стоя во храме святом и будто усты молясь, умом домашняя мечтают: о жене, о детях, о богатстве, о сундуках, о деньгах или о чем-либо ином. А ин стоя дремлет, а ин скверная и злая помышляет, ин татьбу, ин убийство, ин прелюбодеяния и любодеяния, ин гнев и месть ближнему своему, стоя во храме, мыслит. И творят тии людие храм Божий не храм Божий, но вертеп разбойникам». *Слыши, небо, и внуши, земле: сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене...*

Уставы, законоположения, обряды церковные

Что сказать об уставах, законоположениях, обрядах церковных? Если где, то здесь особенно Церковь может и имеет все право вопиять против нас: *Слыши, небо, и внуши, земле: сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене*, отвергаются меня в моих уставах, которых они не хранят; отвергаются в моих законах, которых вовсе не исполняют; отвергаются в моих обрядах, над которыми нередко издеваются и которые с неистовым увлечением слепо меняют на суетные зрелища света, на игрища языческие, на потехи сатанинские. *Слыши, небо, и внуши, земле!..*

Кому ж остается и слушать, как не бессловесному небу, кто будет внимать, как не бесчувственная земля, когда твари словесные не слушают, существа, одаренные разумом и чувством, не внимают ни гласу Бога Судии, ни гласу матери своей Церкви!

Жаловался некогда Господь на сынов Церкви ветхозаветной за то, что они презрели все попечения Его, и говорил: *виноград бысть Возлюбленному в розе, на месте тучне. И ограждением оградих, и окопах, и насадих лозу избранну... и ждах, да сотворит гроздие, и*

сотвори терние. И ныне, живущии в Иерусалиме и человеце Иудин, судите между Мною и виноградом Моим. Что сотворю еще винограду Моему, и не сотворих ему? Занеже ждах, да сотворит гроздие, и сотвори же терние. Ныне убо возвещу вам, что Аз сотворю винограду Моему: отъиму ограждение его, и будет в разграбление; и разорю стену его, и будет в поспание; и оставлю виноград Мой... (Ис. 5, 1–6). Горе нам, братие-христиане, если и на нас, сынов Церкви новозаветной, воззрит Господь праведным оком Своим и скажет святой матери нашей: «Оставь их. Что вопиеш ко Мне о людех сих, об этих буйных и непокорных детях твоих? Пусть они будут тебе, якоже язычники и мытари». Где тогда обрящем пристанище? Где найдем покой смятенным душам нашим? Кто будет молить и ходатайствовать о нас пред грозным и праведным судом Божиим?

Пощадим души наши, братие возлюбленные! Поощадим время наше до гроба и вечность нашу за гробом. Если попечения Церкви кажутся нам неважными, по крайней мере, будем уверены, что они происходят от ее чистой любви к нам. Если не хотим слушать учения Церкви, по крайней мере, не будем презирать то, чего не знаем. Если не храним уставов церковных, по крайней мере, будем сознаваться, что мы тяжко согрешаем. Если не чтим обрядов, по крайней мере, не будем глумиться над ними. Вспомним, что если мы добровольно, или по лености, или по дерзости, или по гордости согрешаем против Бога и матери нашей Церкви, то *волею согрешающим нам по приятию разума истины ктому о гресех не обретается жертва, страшно же некое чаяние суда и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя*^[7]. (Евр. 10, 26–27). Неужели без сознания, без сожаления о самих себе отважимся всю жизнь ходить в волях развращенных сердец наших? Неужели захотим оставаться вовсе без жертвы о грехах наших? Или думаем, что оставаясь беззаконными, мы навсегда останемся безнаказанными? Нет! Сам Апостол, рассуждая о грозных судах Божиих, грядущих на всякую неправду и нечестие, с ужасом восклицает: *Страшно есть еже впасти в руце Бога Живаго* (Евр. 10, 31),– Бога, прогневанного самовольными грехами; Бога, Которому не только не приносят подобающих жертв, но от Которого не хотят принимать Его собственной Жертвы; Бога – мстителя за нарушение законов Его, преподаваемых Церковью, за оскорбление самой Церкви,

возлюбленной Его невесты и единственной споручительницы нашего спасения. *Отверглся кто закона Моисеова, без милосердия при двою или триех свидетелех умирает. Колико мните,*— спрашивает святой Павел,— *горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятится в Таинствах Церкви, и Духа благодати, которую низводит одна Церковь, укоривый? Вемы бо Рекшаго: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь* (Евр. 10, 28–30).

Убоимся сего страшного мщенья, пока оно не постигло нас. Припадем к лону матери-Церкви, пока оно еще отверзто для грешников. В глубоком сокрушении и раскаянии будем умолять Господа о помиловании матерним же гласом Церкви: «Согрешихом, беззаконновахом, нечестовахом, забыхом заповеди Твоя и в след мысли наша лукавая ходихом, и не достойно званию и Евангелию Христа Твоего жительствовахом, яко быхом поношение имени христианскому и Церкви. Темже затворихом щедроты Твоя и человеколюбие Твое, но остави, Господи, умилоствися, Господи, и не предаждь нас до конца беззаконий ради наших: милость бо Твоя неизреченна, и человеколюбие Твое непобедимо, и богатство благодати Твоея неистощимо и неоскудеваемо. На няже и дерзающе, молимся и мили ся деем, прекланяюще колена сердец наших,— укроти ярость Твою праведную... Аще же паки обратимся на беззакония, Ты Сам направи от лукавья совести всех нас к покаянию и даждь во всяцем благодеянии благоугодити Тебе. Яко Ты еси милости источник и Тебе славу возсылаем со Безначальным Твоим Отцем и с Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Больше книг на Golden-Ship.ru

[1] О Сионе же будут говорить: такой-то и такой-то муж родился в нем, и Сам Всевышний укрепил его.

[2] Что касается пчеловодства, то здесь церковной практикой уже восполнен пробел, отмеченный автором: в «Дополнительном Требнике» (Киев, 1880) мы находим «Чин благословения пчел» и «Благословение роев пчелиных, во улиа нова всажденных».

[3] Сей чин совершается двояко: или в соединении с литургиею, или особо.

[4] Еще: иной, собираясь плыть и переплывать свирепые волны, призывает на помощь дерево, слабейшее носящего его корабля, ибо стремление к приобретениям выдумало оный, а художник искусно устроил, но Промысл Твой, Отец, управляет кораблем, ибо Ты дал и путь в море, и безопасную стезю в волнах, показывая, что Ты можешь от всего спасти, хотя бы кто отпраплялся в море и без искусства. Ты хочешь, чтобы не тщетны были дела Твоей премудрости; поэтому люди вверяют свою жизнь малейшему дереву и спасаются, проходя по волнам на ладье. Ибо и в начале, когда погубляемы были гордые исполины, надежда мира, управляемая Твоею рукой, прибегнув к кораблю, оставила миру семя рода. Благословенно дерево, чрез которое бывает правда!

[5] О больных Церковь имеет особенное попечение. Для неопасно больных она положила молитву на всякую немощь; а над опасно больными совершает три великие Таинства: Елеосвящение, Покаяние, Евхаристию.

[6] Что, сын мой? Что, сын чрева моего? Что, сын обетов моих?..

[7] Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.